

Чемпиона Казарова

Наша рыцарская

НЕБЕСТА

Annotation

Участь младшей дочери опального рода — до замужества жить в дали от семьи в холодном. Приграничье под покровительством клана оборотней. Мелисса почти смирилась с этим. Но в жизни девушки появляется мужчина, который называет её своей истинной парой, и всё меняется. Теперь их обоих ожидает нелёгкий выбор. Покориться судьбе или — вопреки всему — быть вместе.

- [Светлана Казакова](#)

- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)

- [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Эпилог](#)
-

Светлана Казакова
Моя (чужая) невеста

Пролог

Подслушивать — нехорошо. Особенно не подобает столь недостойное занятие девушке благородного происхождения. Но как удержаться, если за закрытой дверью большой гостиной речь идёт о твоей судьбе?

Прильнув к замочной скважине, Мелисса затаила дыхание, жадно вслушиваясь в доносящиеся из комнаты слова. Пришлось скрючиться так, что корсет нещадно впивался в рёбра. Будет очень неловко, если кто-нибудь застанет её в таком положении.

А впрочем, есть ли что-то более постыдное, чем то, что уже произошло с их семьёй?..

— У нас нет выбора, — говорил отец. Его голос, всегда такой уверенный и сильный, сейчас звучал непривычно — безнадёжно и глухо. И от этого по коже подслушивающей разговор главы семьи с женой девушки пробегали мурашки, похожие на колкие кусочки льда.

— Но... — начала матушка. Она говорила с достоинством истинной леди, которое не отнять в любых обстоятельствах. Однако всё же и её голос дрогнул, как надтреснутый хрусталь, и у Мелли упало сердце. — Неужели совершенно ничего нельзя сделать? Разве мы утратили покровительство её величества?

— Королева не пойдёт против воли супруга! — почти выкрикнул отец, но тут же откашлялся, точно испугавшись своего порыва. — Хорошо ещё, что у нас не отобрали дом и не пустили по миру! И что тюремное заключение ожидает только моего брата, а не каждого члена семьи!

— Но наши дети...

— Значит, такова их судьба, — сказал, будто обрубил, он, и Мелисса, сдув упавшую на лицо светлую прядь волос, до боли закусила губу.

— Мелли — ещё ребёнок. Как она будет жить среди этих... существ? А если они обидят её?

— Уже не ребёнок. Она девушка на выданье. А вот кому в конечном итоге отдадут её руку, ещё не решено.

— Тогда почему она не может оставаться до замужества в родительском доме?

— Потому что это наказание, Хелена. Для всех нас. Артуриус заигрался в интриги, пошёл против его величества, а пострадал весь наш род. Ему повезло, что у него нет детей. Но у нас они есть, и теперь их жизнью распоряжаемся не мы.

Сейчас глава семьи говорил почти спокойно, терпеливо разъясняя жене ситуацию, в которой они оказались. А ведь начиналось всё с пари, заключённого его старшим братом с кем-то из приятелей. По крайней мере, так сказал он сам, вернувшись в тот вечер домой. Кто же знал, что они там в своём закрытом клубе для аристократов не просто вели разговоры о политике, но и задумали вмешаться в неё? Свергнуть короля, чтобы посадить на престол его дальнего родственника!

Но заговор раскрыли, и теперь дядюшку Мелиссы ожидало тюремное заключение, а их самих... Она всхлипнула и слизнула с нижней губы солёную капельку выступившей крови. Их забирали из семьи, точно котят у кошки, и насильно разводили в разные стороны. Старшую дочь Мирту отдавали замуж в далёкий Лардет, сына Эдмонда забирали в королевскую армию, а младшую... Даже подумать страшно!

В голове будто зазвучал нянин голос. Песня, которую она пела им перед сном, когда непослушные дети не желали засыпать. «Злой зубастый волк придёт и с собою унесёт на край света в тёмный лес, где деревья до небес».

Злой зубастый волк...

В коридоре послышались чьи-то шаги. Мелли поспешно вскочила, оправив платье и, поморщившись от колющей иголками боли в затёкших ногах, отправилась в свою комнату. Туда, где уже начали укладывать её вещи.

Сборами руководила нянюшка — высокая дородная женщина с таким румяным лицом, словно её щёки натирали свёклой. Но сейчас и она выглядела бледной и обеспокоенной. Однако о деле не забывала — даже переживая о судьбе своих воспитанников, не бездельничала сама и горничным не давала.

— Поторапливайтесь, ленивицы! — прикрикивала она на девушек, которые ловко складывали наряды Мелиссы, следя за тем, что они не помялись. — У моей голубки и тёплых платьев-то не

найдётся! У нас здесь нет нужды в одежде из шерсти, а там, на севере...

— Не волнуйся, — обнимая няню за покатые плечи, произнесла Мелли, прикрывая глаза и вдыхая знакомый запах, который обволакивал и успокаивал её ночами, когда приходили плохие сны. От няни всегда пахло хорошо — свежей сдобой, мёдом, сушёными травами. Пахло домом. — Пожалуй, необходимое мне смогут сшить и на новом месте. Ведь носят же что-то их женщины.

— Их женщины — волчицы!

— Уверена, что не все.

— И кто только придумал отправлять мою девочку именно туда? Мало ли других мест в мире? Из тех краёв даже письма наверняка не доходят! А холод? Да ты ведь никогда и не знала настоящего холода, бедняжка!

Мелисса вздохнула. Няня любила её — возможно, даже больше, чем родная мать. Но сейчас эти слёзы и причитания только добавляли масла в огонь. Нет тёплой одежды, нет привычки к холоду — это Мелли и так про себя знала. В семье она младшая, а потому её холили и лелеяли, с самого детства заваливая подарками. Девочка ни в чём не знала отказа и всё же не выросла избалованной гордячкой. Во всяком случае, так казалось ей самой.

И в эти минуты душа у неё болела не только о собственной судьбе, которая уводила в неизвестность, словно в густой туман. Тревожилась Мелисса и за брата, которому предстояло служить в королевской армии, и за сестру, чью руку отдавали незнакомому мужчине, и за родителей. Даже за своего непутёвого дядю, по вине которого они все оказались в нынешнем положении.

Глава 1

Карета тряслась на дорожных ухабах. С надеждой заснуть Мелисса распрощалась ещё несколько миль назад, читать тоже не получалось, и теперь девушка просто смотрела в окно на однообразный пейзаж, который постепенно сменялся на другой. Она покинула родовое поместье рано утром. Отец прощался сдержанно, матушка и сестра старались не плакать, и только нянюшка лила слёзы, которых с лихвой хватило бы на троих. «Как в последний путь провожают», — в голове Мелли промелькнула неприятная мысль, следом за которой пришла другая, куда более отчётливая. А ведь ей действительно не суждено больше сюда вернуться. Из Приграничья она отправится к неизвестному пока жениху, но никак не под родной кров.

Дорога лежала в стороне от Маргенты — столицы, где Мелиссе довелось побывать всего дважды за её девятнадцатилетнюю жизнь. Наверное, это тоже можно считать наказанием. Ведь не ей, представительнице опального рода, любоваться на улицы большого красивого города, башенки королевского дворца и окружающий его ухоженный парк. Нет теперь для неё никакой радости, никакого праздника, никакой надежды. Её не представят ко двору, ей не придётся танцевать на балах, обмахиваясь веером и бросая лукавые взгляды на кавалеров. Мирта учила младшую сестру, что в таких местах имеется свой тайный язык, и с помощью веера можно подавать всяческие послания. Но теперь эта наука Мелли ни к чему, да и веер свой, подаренный на день рождения, она оставила дома.

Переменив позу на ещё более неудобную, Мелисса вздохнула и принялась вспоминать всё, что она когда-либо слышала или читала о Приграничье. Далёкий северный край, где издавна жили оборотни. Целый клан оборотней — крепкий и сплочённый. Они держались особняком, почти никогда не покидая своих владений, однако суровая земля Приграничья не могла обеспечить ни самих оборотней, ни живущих там обычных людей самым необходимым. А потому им волей-неволей пришлось принести клятву верности королю, и такое решение было весьма разумным, поскольку не допустило очередной

войны. Их в истории и так достаточно. Да и сами оборотни ведь не всегда бегают на четырёх лапах, они умеют принимать человеческое обличье и, следовательно, разумны.

За размышлениями время пошло быстрее. Когда карета остановилась, уже наступил вечер. Желание размять ноги оказалось сильнее страха перед возможной опасностью, и Мелли приоткрыла дверцу.

— Заночуем на постоялом дворе! — сообщил кучер.

Постоялый двор оказался покосившимся, но довольно большим зданием со всеминеобходимыми хозяйственными постройками неподалёку. Пока кучер вёл лошадей на конюшню, Мелисса, робея, переступила порог и очутилась в общем зале. Здесь подавали еду и напитки. Пахло не слишком-то аппетитно. Пока Мелли молча стояла в дверях, её окликнули:

— Что вам угодно, барышня? Комнату на ночь? И ужин?

— Да, — ответила она.

Приземистая служанка в чёрном платье и засаленном фартуке — или сама хозяйка? — повела девушку за собой на второй этаж. Ступеньки громко скрипели, над головой, угрожающе покачиваясь, нависала густая паутина. Мелисса старалась идти быстрее и не смотреть вверх — пауков она не боялась, но побороть омерзение, если б на неё вдруг свалился один из них, не смогла бы.

— И почему же барышня путешествует совсем одна? — полюбопытствовала её провожатая, открывая дверь в комнату.

— Я с кучером, — отозвалась Мелли. Больше ей никого взять с собой не позволили — даже горничную. Да и с единственным сопровождающим предстояло расстаться после того, как обитатели Приграничья её встретят.

— А куда направляетесь? — продолжала расспросы женщина.

— В Приграничье.

— Неужто к оборотням?! — ахнула собеседница.

— К ним самым.

Та всплеснула руками, но больше ничего по этому поводу не сказала.

— Вот ваша спальня, барышня, располагайтесь. Ничего не бойтесь, у нас тихо. Хотя дверь на ночь всё-таки лучше закройте, от

греха подальше. А ужин я вам прямо сюда принесу. Негоже такой юной девушке, как вы, есть в общем зале.

Мелисса поблагодарила и со вздохом опустилась на край кровати, занимавшей почти всю тесную комнатку. Ноги гудели, и казалось, будто она всё ещё куда-то едет, покачиваясь. Хотелось спать.

Когда то ли хозяйка, то ли служанка вернулась с ужином на подносе, Мелли дремала, подложив руку под голову и даже не сменив одежду.

— Вам, наверное, надо тёплую воду, чтобы умыться. Я принесу, — суежилась женщина. — А пока поешьте.

Кое-как поднявшись, Мелисса заставила себя проглотить несколько ложек горячего варева, куда явно добавили слишком много перца, но мало соли. Запила ягодным компотом. Неловко стянула платье — раздеваться самостоятельно она не привыкла — и с благодарностью приняла таз и кувшин с подогретой водой.

Дверь она всё же не забыла запереть, а потом провалилась в долгий сон без всяких сновидений.

Разбудил её стук в дверь.

— Ваш кучер говорит, пора дальше ехать! — известили её из коридора, и Мелли со стоном принялась собираться. Надела платье, причесалась. Деревянный гребень путался в густых волосах. Из небольшого тусклого зеркала на неё глянуло бледное лицо. Словно чужое.

Дальнейшая дорога пролегла по северным землям. Мелисса впервые увидела снег. Белый, крупитчатый, сверкающий на солнце. А ещё стало холодно, и пришлось достать из сундука бархатную накидку. Хорошо, что нянюшка положила её поверх остальных вещей.

— На край света в тёмный лес, где деревья до небес, — нараспев произнесла Мелли, глядя в окно. Деревья в самом деле казались высоченными, и — кто знает? — может быть, их кроны действительно задевали небо. А где ещё край света, если не в Приграничье? Ведь никому не известно, что находится за ним. Говорят, что-то опасное, и оборотни, живя у самой границы, охраняют всех от этой неведомой опасности.

Но правда то или нет? Ведь от девушек многое в жизни скрывают. Считается, будто им ни к чему лишние знания.

Карета остановилась.

— Выходите, младшая госпожа! — услышала Мелисса голос кучера.

В первый раз она ступила на снег и тут же ощутила пронизывающий холод, который поднимался от тонких подошв её сапожек, забирался под платье, обнимал колени.

— Дальше поедете на санях!

Мелли уставилась на транспорт, который предназначался для езды по снегу. Сани. Вместо колёс гладкие полозья, а крыши и вовсе нет, точно у открытого экипажа.

Управлял санями бородатый мужчина в тёплой шубе, а кони были запряжены крепкие и лохматые — сразу видно, таким холода нипочём.

— Садитесь скорее! — поторопил её кучер. — Да благословит вас Великая Богиня, младшая госпожа! Я передам вашим родным, что вы добрались благополучно!

— Значит, ты возвращаешься? — отозвалась Мелисса, глядя на карету, пока кучер перетаскивал её сундук. Сердце стиснула глухая тоска. Как же девушка завидовала сейчас человеку, которого ждал обратный путь туда, где ей знаком каждый камешек из тех, которыми вымощен двор, каждый цветок в саду!

— Да, младшая госпожа, прощайте!

— Прощай... — выдохнула она, опуская голову, чтобы скрыть слёзы.

Когда Мелли села в сани, оказалось, что там уже приготовлена шуба и для неё. Девушка закутала ноги в тёплый мех и прикрыла глаза, которые слепило от бескрайней снежной белизны. Всё это время молчащий возница стронулся с места, и кони резво понесли легко скользящие по снегу сани вперёд.

А затем произошло то, чего никто не смог бы предсказать. На дорогу прямо перед санями выскочило какое-то небольшое рогатое животное, лошади резко остановились, и Мелисса не удержалась. Выскользнув из саней, она полетела в сугроб.

Падение получилось мягким. Но шуба отлетела в другую сторону, а накидка распахнулась, и холод тут же напомнил о себе. Ещё и платье задралось, из-за чего снег коварно набился в сапожки и намочил тонкие чулки.

Какой стыд! Мелли приподнялась, чувствуя под собой неустойчивый снежный покров, и вдруг увидела их. Совсем близко —

когда они успели подойти и почему так неслышно?..

Всего трое. Три белых волка. Их шкуры почти сливались со снегом, а похожие на янтарь глаза смотрели так, что Мелисса сразу поняла, что видит не просто зверей. Это и есть хозяева здешних мест. Обратни.

Один из них приблизился к ней, хотя два других, кажется, были против. Они даже что-то неодобрительно заворчали, но молодой волк не послушался. Увидев, как он идёт к ней, Мелли зажмурилась.

— Поднимайся! — сказал ей незнакомый мужской голос. — Ну же! Долго собралась в сугробе сидеть?

Открыв глаза, Мелисса увидела уже не зверя. Над ней склонялся русоволосый человек в светлой одежде. Однако его ноздри совсем по-волчьи втягивали воздух, а в зелёных глазах словно горели отблески янтарного пламени.

Незнакомец протягивал ей руку, и, немного помедлив, девушка вложила пальцы в его ладонь. Она подняла её с такой лёгкостью, будто она совсем ничего не весила. Вглядываясь в резкие, но не лишённые привлекательности черты его лица, Мелли вдруг почувствовала нечто странное. Сердце забилось быстрее, и, несмотря на то, что она уже успела замёрзнуть, к лицу и телу вдруг прихлынул жар. Нельзя сказать, чтобы ощущение было неприятным, и всё же она поспешно прервала соприкосновение их рук и, отряхнувшись от снега, направилась к саням.

— Даже не скажешь спасибо за помощь? — насмешливо бросил ей вслед мужчина. Мелисса обернулась и только сейчас обнаружила, что двое других волков куда-то подевались. То ли ушли совсем, то ли скрылись за деревьями, оставаясь рядом.

— Благодарю, — вымолвила она. — Простите, не знаю вашего имени... Я — Мелисса Тидхелм.

— Меня зовут Арнульв, — произнёс он, продолжая смотреть на неё всё тем же так пугающим её взглядом. — Ты ведь запомнила меня, правда? С первой встречи и навсегда.

— Я... — Мелли растерянно захлопала ресницами. Что она должна ответить?

— Просто скажи «да».

— Да, — повторила она. Впрочем, ни чуточки не покривив душой. Такое разве забудешь?

— Что ж, мы ещё встретимся, — проговорил Арнульв. — Ты ведь удержишься у нас? Мы будем очень гостеприимными хозяевами.

Она снова не поняла, шутит он или говорит всерьёз, и поторопилась откланяться. Села в сани, запустила пальцы в густой мех шубы, проверила, не выпал ли её сундук. Остаться без вещей не хотелось, как и собирать их по сугробам. Но, к счастью, тот удержался на месте. Наверное, потому, что весил куда больше, чем его хрупкая и невысокая хозяйка.

Когда сани снова помчались вперёд, Мелисса решилась оглянуться и увидела белого волка, который находился на том же месте, где некоторое время назад стоял человек. Волк провожал её взглядом. А в ушах всё ещё эхом звучал его голос.

Глава 2

«Кто он?» — размышляла Мелисса по дороге, пока сани скользили вперёд. Очевидно, что оборотень, но ведь и они как-то разделялись. Почему ещё до того, как тот обратился человеком, она почувствовала, что он молод, немногим старше её самой? По стремительности движений волка, который направлялся к ней вопреки мнению сородичей? И, кстати, почему те двое были настроены против? Ведь не думали же они, что Арнульв нападёт на девушку? Или думали?..

Сколько вопросов! Голова от них шла кругом. Хотелось бы надеяться, что дальнейшие часы подарят ответы, но почему-то Мелли в этом сомневалась. Несмотря на сказанное мужчиной, она прекрасно осознавала, что является для оборотней нежеланной гостьей. Их, как и её саму, поставили перед фактом. Не только матушка и няня не могли понять, отчего именно в Приграничье решили отправить младшую дочь в их семье. Сама Мелисса тоже не понимала.

Некоторое время назад в поместье прибыли люди короля, среди которых оказался и его придворный маг. Смотреть ему в глаза все остерегались, ведь поговаривали, будто тому достаточно всего лишь одного взгляда, чтобы проклясть человека. Он сказал, что поочередно проверит всех детей рода Тидхелм — якобы для того, чтобы убедиться, что их сердца чисты, и в них не проросла скверна, посеянная дядей-изменником. Но сама проверка в воспоминаниях Мелли не сохранилась. Она могла лишь припомнить, как вошла в комнату, где её ждал мужчина в чёрной мантии, со страхом протянула ему руку... А дальше наступала крошечная темнота. Словно несколько часов выпало из её памяти.

Именно после той проверки и объявили о решении короля, от лица которого придворный маг имел право говорить. Должно быть, у него существовал какой-то волшебный способ для удалённой связи с его величеством. Ведь не мог же тот сам решить, что единственного в семье сына необходимо отправить в королевскую армию, старшую дочь выдать замуж, а младшую забрать из дома и временно — пока ей

не подыщут достойного супруга — поселить у оборотней в Приграничье.

Дорога вдруг резко пошла в гору, но теперь кони двигались гораздо медленнее. Мелисса во все глаза смотрела на замок, к которому её везли. Она и предположить не могла, что он такой огромный! Наверное, даже больше, чем королевский дворец. Однако тот выглядел изящным и воздушным, точно лебединые крылья, а сейчас перед Мелли возвышалась настоящая крепость.

Замок словно вырастал из скалы, на которой его построили. Крепкие каменные стены, казалось, создавала сама природа, которая в этих краях сурова и безжалостна к людям. Высокие башни имели бойницы для обороны от врагов, ворота наглухо запирались, а тёплый свет в окнах лишь намекал на то, что за этими мрачными стенами течёт мирная жизнь.

Но страшнее всего, что находился замок оборотней над самым крутым и высоким обрывом, который только можно вообразить.

Сани въехали в открытые ворота и остановились. Их уже встречали. К Мелиссе подошла высокая и худая женщина средних лет в шерстяном платье с меховой оторочкой.

— Я Нанна, здешняя экономка, — не слишком-то радушно представилась она. — Ступайте за мной. Ваши вещи тоже доставят, не волнуйтесь.

Мелли снова стало холодно, и она надеялась согреться в замке, но, увы, её чаяния не оправдались. Должно быть, оборотни не мёрзли совсем, иначе как объяснить то, что в стенах их обиталища оказалось лишь немногим теплее, чем за его порогом? Или же им попросту не хватало каминов и дров, чтобы обогреть такую махину. Мелисса вздохнула, чувствуя, как в душе оживает тоска по дому. По его уюту, теплу, родному голосу няни. Доведётся ли им ещё когда-нибудь свидеться? Или нужно примириться с тем, что прощание с домом было навсегда?

— Ваша комната наверху, — оповестила экономка, направляясь к лестнице. — Постарайтесь запомнить дорогу. Каждый раз вас провожать не станут.

Вот ей и дали понять, что она тут лишняя. «Не очень-то и хотелось мне сюда приезжать! — едва не закричала в ответ Мелли. — Мне здесь неуютно, мне холодно!»

Но она промолчала и последовала за Нанной — или госпожой Нанной? — навверх по крутой лестнице. Им больше никто не встретился. Но Мелисса не сомневалась, что в замке живёт весь клан, просто его представители сейчас... «...бегают по лесу в волчьих шкурах», — добавила она мысленно и вспомнила, как легко оборачивался в человека и обратно Арнульв. Хорошо ещё, что одежда оставалась на нём.

В старых легендах рассказывалось, будто род оборотней начался с одного человека. Однажды мужчина на охоте убил волка. Сделал он это в неурочный час, когда охота на них запрещалась самой Яснококой — покровительницей Луны. И тогда спустилась Яснококая с неба и объявила о том, что наказывает она ослушавшегося запрета, и с того дня будет у него одна душа с волком. Одна душа и два тела. Человеческий разум и волчьи инстинкты. И волчьи законы.

Так появились оборотни.

Правда то или нет, Мелли не знала, но легенда звучала красиво. Также ей доводилось слышать, что не Великой Богине поклоняются жители Приграничья, а той самой Яснококой, что когда-то положила начало их существованию. Любопытно, а могла ли она превратить их обратно в людей? Должно быть, могла, но не желала. Ведь единожды изъявив свою волю, высшие силы уже не забирают сказанные ими слова назад.

Нанна открыла дверь комнаты, и Мелисса не смогла сдержать тягостного вздоха, сорвавшегося с губ. Там не оказалось камина! Даже простенькой дровяной печки, как в бедных домах, и то не имелось!

— Но... как же... — пробормотала она.

— Что-то не устраивает? — нахмурилась Нанна.

— А где камин? — задала вопрос Мелли.

— На кой тут камин? Это же не кухня. Готовить на огне не нужно.

— Разве вам не холодно?

— Мы привычные, — обрubiла собеседница. — И вы привыкнете. Месяц-другой, а там и лето.

«Привыкну, если раньше не замёрзну насмерть!» — вспыхнула Мелисса.

— Так, значит, в замке нет ни одной комнаты с камином, за исключением кухни? — уточнила она.

— Ни одной, — подтвердила экономка, покивав головой. — Осваивайтесь пока. Пойду распоряджусь, чтобы вам приготовили чего-нибудь перекусить.

«Да как же... Да как же так?» Не находя слов, Мелли схватилась за голову и, лишь когда за Нанной захлопнулась дверь, наконец-то огляделась.

Комната была просторной, но обставленной без всякой роскоши. Широкая кровать с льняным бельём, тёплым одеялом и тяжёлым балдахинном. Внушительного размера комод для одежды и других личных вещей. Туалетного столика не имелось. Впрочем, и зеркала тоже.

Не прошло и нескольких минут, как принесли её сундук, а затем снова появилась Нанна.

— Пойдёмте, покажу вам трапезную.

Та располагалась на первом этаже, всё её немалое пространство было занятоогромным вытянутым столом и приставленными к нему длинными лавками. Ни привычных Мелиссе высоких стульев с деревянными завитушками, ни кружевной скатерти. Дикие нравы!

— Это для вас, — кивнула на стоящий на краю стола поднос экономка.

Холодное мясо, козий сыр, чёрный хлеб и — о, счастье! — горячий бульон. Мелли с него и начала. В животе разом стало тепло.

— После того, как закончите, возвращайтесь к себе и переоденьтесь. Вас хочет видеть хозяин. Я отведу к нему.

— А нельзя мне... помыться с дороги?

— Помыться? — переспросила Нанна. — Что ж... У нас есть купальня, но сегодня не женский день. Хотя многие из наших мужчин предпочитают туда лишний раз не ходить, а попросту обтираются снегом. Если вам так срочно нужно, что не можете пару дней потерпеть, можно попробовать — я попрошу служанку покараулить.

— Буду очень благодарна! — выпалила Мелисса. Хотелось надеяться, что вода в купальне не ледяная. Обтираться снегом — брррр, что за безумная затея!

— Но только после встречи с хозяином, — строго добавила экономка, и Мелисса решила, что так Нанна зовёт главу клана.

После еды Мелли вернулась в свою комнату и, к счастью, даже не заплутала по дороге. Ей снова никто не встретился. Оказавшись в

выделенной ей спальне, она торопливо, чтобы не замёрзнуть снова, сменила платье на другое — не из шерсти, но хотя бы с длинными рукавами. Причесалась, заплела волосы в косу. И сама себе показалась бедной родственницей, вынужденной из милости жить в чужом доме.

А ведь когда-то слава их рода гремела на всю страну! И что натворил дядя? Как он мог вот так подставить под удар собственных племянников? Их настоящий враг не король, не придворный маг и уж точно не оборотни, а он! Если бы не политический заговор, сейчас всё обстояло бы по-другому.

— Ну что, готовы? — заглянула в комнату Нанна.

— Да! — решительно отозвалась Мелисса. Раз уж у неё нет выбора, нужно хотя бы сохранить собственное достоинство. Даже здесь, где всё совершенно по-другому, не так, как она привыкла с детства.

Аудиенция у главы оборотней состоялась в общем зале, как его назвала экономка. На гостиную он не слишком-то походил, учитывая, что в нём не имелось даже мягких диванов и кресел. Вернее, диваны-то стояли, но они скорее напоминали обитые кожей и накрытые мехом лавки со спинками.

Что впечатлило девушку куда сильнее, чем детали обстановки, так это внешность ожидавшего её мужчины. Он больше походил на медведя, чем на волка. Высокий, с такими широкими плечами, что женских рук не хватит, чтобы их обхватить, с седыми волосами и мощными руками. В нём чувствовалась такая недюжинная сила, что Мелли стало не по себе. А она-то считала, будто у её отца крепкое телосложение! Его бы оборотень наверняка мог бы одной рукой поднять. А её, Мелиссу, одним пальцем.

— Меня зовут Лейдульв, — сказал он звучным — под стать внешнему виду — голосом. — Как ты добралась? Всё прошло благополучно?

— Что? Да, — отозвалась Мелли, решив не рассказывать о том, как упала с саней и встретила волков. Если они захотят, то сами поведают своему предводителю о случившемся.

— Мне неизвестно, сколько дней или месяцев ты проведёшь у нас. Но имей в виду, что мы живём по своим законам. И тебе, пока ты здесь, придётся соблюдать их.

— Я понимаю.

— Знаю, что от твоего решения тут ничего не зависело, но надеюсь на твоё благоразумие. Человек, которому отдадут твою руку, не должен иметь к нам никаких претензий. Будем надеяться, что поиск подходящего кандидата не займёт у его величества много времени.

— Да, — выдохнула Мелисса, соглашаясь с его словами и давая понять, что и она не намерена надолго задерживаться в гостях у оборотней. — Спасибо за приют и напутствие. Я буду благоразумной, обещаю вам.

Глава 3

Мелисса покосилась на выход в надежде, что сейчас Лейдульв её отпустит, но тут дверь распахнулась, и в зал ворвалась молодая девушка. Довольно высокая, со светлыми — почти белыми — волосами. Её наряд имел много общего с одеянием Нанны, только светло-серое, украшенное рыжим мехом, платье юной незнакомки выглядело более дорогим и не лишённым изящества.

— Папочка! — метнулась она к предводителю оборотней, бросив на Мелли полный любопытства взгляд.

— Я же просил не мешать мне, когда я занят, — проворчал он, но с таким добродушием, что стало сразу очевидно — на дочь Лейдульв сердиться попросту не способен. Он погладил девушку по голове, по волосам, заплетённым в две толстые косы. В его взгляде на неё чувствовались теплота и нежность, которых сложно ожидать от столь сурового на вид мужчины.

Мелли вдруг ощутила нечто, очень похожее на прилив зависти. Её собственный отец никогда не был с ней настолько ласковым и непринуждённым. А если бы ей самой вздумалось проделать с ним то же, что эта девушка, то непременно отчитал бы за порыв и несколько раз повторил бы, что леди так себя не ведут.

— Это Руни, моя дочь. Мелисса, наша гостья, — представил он их друг другу. — Надеюсь, вы подружитесь. У Руни здесь мало сверстниц. Думаю, вам будет, о чём поговорить.

— Очень приятно, — вежливо отозвалась Мелли. Сама она уверенности в том не испытывала, но пообещала себе, что постарается быть как можно более дружелюбной с дочерью того, кто являлся главным среди оборотней. Интересно, а Руни тоже умеет превращаться в волчицу?

— Ты надолго к нам? — спросила девушка, прижавшись щекой к отцовскому плечу и ревниво поглядывая на незваную гостью.

— Как получится, — пожала плечами Мелисса. Задерживаться здесь ей совершенно точно не хотелось, но... Кто знает, какую участь в дальнейшем уготовит для неё король? В родной дом уже не вернёт, а, значит, нужно быть готовой к тому, что её отдадут какому-нибудь

незнакомцу. Без всяких предварительных ухаживаний, встреч, даже не спросив её согласия на брак.

Такова её судьба.

Если б не дядино предательство, всё сложилось бы иначе. Разумеется, её мнение не являлось бы главным для принятия решения о будущей свадьбе, и всё же перед ней состоялось бы представление ко двору. А ещё танцы, разговоры с возможными претендентами на её руку. Хоть какая-то иллюзия выбора. Теперь же она лишена и этого.

Любопытно, а как обстоят дела у оборотней? На балы в столицу их девушки едва ли ездят, так что мужей наверняка находят среди своих же. А мужчины... Хватает ли им невест в Приграничье? Или они отправляются за ними в другие края?

«Впрочем, не моё дело, — сказала себе Мелли. — Я здесь временно. И меня брачные обычаи оборотней уж точно никаким боком не коснутся».

— Позвольте мне уйти, — попросила она Лейдульва, и тот кивнул, давая разрешение покинуть зал. Мелисса выскользнула в коридор и отправилась на поиски экономки. Та ведь обещала, что после встречи с хозяином замка гостье можно будет посетить купальню и наконец-то смыть с себя дорожную пыль и запах постоялого двора.

Нанна обнаружилась неподалёку, будто и не уходила никуда. Уж не подслушивала ли разговор? Хотя едва ли, слишком уж прочные тут стены.

— Может быть, всё-таки дождётесь женского дня? — осведомилась она.

— А до его наступления и мне обтираться снегом? — фыркнула Мелли. Сейчас ей было всё равно, пусть даже экономка посчитает её изнеженной и капризной девицей со вздорным характером. — Вы ведь сказали, что служанка может покараулить.

— Так-то оно так, но... — с сомнением пробормотала женщина. — Ладно, ступайте к себе и возьмите всё необходимое. Служанку я пришлю.

«Прямо снисхождение проявила, — вздохнула Мелисса, глядя ей вслед. — Можно подумать, она собственными руками носит и греет воду. Если, конечно, её вообще греют, а не оставляют такой же холодной, как снег».

Поиск нужных вещей много времени не занял. Удобное платье на смену, бельё, полотенце. Нянюшка, руководя сборами сундука для своей любимицы, даже не запомнила положить кусок душистого мыла, от которого пахло луговым разнотравьем. Мелли, прижав его к лицу, жадно вдохнула аромат. Нос тут же защипало — не от запаха, от слёз.

От тоски по дому.

Должно быть, со временем она привыкнет. Сначала к этому месту, потом к новому. И к оборотням с их дикими привычками и законами, и к неизвестному пока жениху. Человек ко всему привыкает. А тоска постепенно притупится и поселится где-нибудь в тайном уголке души, куда никому не будет доступа.

Но пока она ещё оставалась кровоточащей и острой, как глубокий порез на руке, который больно даже легонечко задевать.

Служанка оказалась довольно молодой и молчаливой. Почему-то Мелисса сразу поняла, что та скорее всего обычный человек, и кровь оборотней в ней не течёт. Игнорируя все попытки завести беседу, она провела девушку за собой — сначала на первый этаж, затем по переплетению длинных коридоров, а после ещё ниже по выдолбленным прямо в скале ступенькам.

«Надеюсь, обратно меня тоже проводят, — с тревогой подумала Мелли. — Иначе я тут непременно заблужусь. И стану здешним призраком».

Место, куда её привели, напоминало большую пещеру, освещаемую укрепленными на каменных стенах факелами. Пол тоже оказался каменным, и прямо в нём было выдолблено несколько наполненных водой круглых бассейнов разных размеров. Мелисса покосилась на сопровождающую.

— Ты не могла бы отойти куда-нибудь, чтобы мы друг друга не видели?

Дома Мелли обычно помогала принимать ванну няня или горничная, но они ведь свои, а тут незнакомая особа, да ещё и такая неотёсанная.

— Как пожелаете, — подала голос служанка и скрылась из виду.

Мелисса с облегчением вздохнула и принялась раздеваться. Уж лучше так! Она справится и сама, и нет нужды, чтобы за её купанием наблюдала хмурая незнакомка. Её приставили только проводить

гостью и проследить за тем, чтобы больше никто сюда не вошёл. Вот пусть и караулит в сторонке.

До чего же огромная пещера! Её своды утопали в полумраке, как и отдалённые уголки. А ещё от некоторых бассейнов поднимался пар, который белым туманом окутывал пещеру.

Распустив волосы, сбросив платье и бельё, Мелли осталась обнажённой и смело шагнула в воду. Та оказалась подогретой и мягко обволокла тело, принимая в свои объятия. Вот счастье-то!

Мелисса какое-то время назад и подумать не могла, что её будут радовать такие простые вещи, как тёплая вода и предоставленная возможность вволю в ней поплескаться. Потянувшись за мылом, девушка благодарно выдохнула. До чего же хорошо! И совершенно невозможно понять оборотней, которые предпочитают столь восхитительному удовольствию обтирание колким холодным снегом. Да при одной мысли о таком по коже мурашки бегут!

Прижавшись спиной к гладкой каменной стенке, она принялась намыливаться. Запах мыла тут же стал сильнее, смешиваясь с водой и паром. Мелли готова была замурлыкать от наслаждения, как вдруг...

— Я же говорил, что мы ещё встретимся...

Услышав раздавшийся совсем близко мужской голос, Мелисса ойкнула, выпустила из пальцев скользкое мыло и нырнула под воду. От испуга и неожиданности — с головой. Но тут же высунула голову на поверхность, яростно отплёвываясь и отчаянно надеясь, что сказанные негромко слова ей всего лишь почудились.

Но нет. Арнульв стоял рядом с её одеждой, сброшенной прямо на пол. Он выглядел так же, как в их первую недавнюю встречу. Высокий, с падающими на плечи русыми волосами — судя по всему, оборотни носили волосы чуть длиннее, чем обычно положено мужчинам. И смотрел так же. С янтарным огнём в зелёных глазах, устремлённых на девушку, которая напуганной внезапным появлением кота мышкой таранилась на него из воды.

Мелли вполне представляла, что он видит перед собой. Мокрые светлые пряди, прилипшие к белой, словно прозрачной, коже, расходящиеся вокруг неё круги на воде с хлопьями пены, изумление в широко раскрытых голубых глазах. Ещё никогда в жизни ей не приходилось переживать ничего подобного!

Где эта служанка, когда она так нужна?! Её ведь приставили к гостю как раз для того, чтобы проследить за входом в купальню! Или здесь несколько входов? Но почему тогда ни Нанна, ни её посланница не предупредили о такой вероятности? Знай Мелисса, что тут может появиться мужчина, она бы не раздевалась полностью, не забиралась в бассейн и уж точно не нежилась бы в воде, а ополоснулась бы побыстрому, чтобы поскорее отсюда уйти!

Но сейчас уже поздно корить себя за проявленную неосторожность.

— Пожалуйста, оставьте меня, — попросила она, прижимая скрещённые руки к груди. — Я знаю, что сегодня не женский день... Но мне нужно помыться с дороги, а экономка сказала, что вы обтираетесь снегом и сюда приходите редко.

— Ну, это смотря кто, — отозвался Арнульв. — Мне, например, нравится сюда приходить. И водные процедуры мне по душе куда больше, чем снежные.

— Но вы можете уйти и вернуться позже, когда я закончу. Я не стану задерживаться, обещаю... — выдохнула Мелли, с ужасом наблюдая за тем, как собеседник принимается расстёгивать крючки на одежде. — Разве вы не будете чувствовать себя неловко, если...

— Никакой неловкости, — хмыкнул он, невозмутимо продолжая раздеваться. — Тебе наверняка не рассказывали, но раньше не устраивали никаких женских дней — все мылись вместе. Это Лейдульв так решил, когда его дочь подросла и стала девушкой.

— Руни? — переспросила Мелисса. — А её мать? Неужели он позволял, чтобы другие мужчины глазели на его жену в купальне?

— У Лейдульва нет жены, и лучше тебе больше не заговаривать о матери его любимой дочурки, особенно с ним самим.

— Почему?

— Мать Руни была не такой, как мы. Говорят, они с Лейдульвом встречались лишь однажды, когда он покидал Приграничье, и последовать за ним сюда, жить вместе как муж и жена она не пожелала. Однако физиология людей и обратной несколько различается, что, впрочем, не всегда является препятствием... Видимо, та женщина не могла похвастаться крепким здоровьем. Тяжёлые роды убили её, а, узнав про детей, он забрал их к себе.

— Детей?

— Она родила близнецов.

— Двух девочек? — вздохнула Мелли. Значит, Руни никогда не знала свою мать. Бедняжке досталась только отцовская любовь.

— Мальчика и девочку.

— Но Лейдульв мог бы найти другую женщину и жениться...

— Не мог, — сказал, точно отрезал, мужчина. — Не мог и не сможет. Ты ещё многого не знаешь о нас.

Глава 4

— Почему? — недоумевающе спросила Мелисса. — Что заставляет его хранить верность той, которая даже не была ему законной супругой? Как странно...

Арнульв одновременно боялся и хотел рассказать ей правду. Но способна ли та, чья жизнь проходила в совершенно другом обществе, понять их — волчьи — законы? Обычные мужчины могли бы жениться хоть десяток раз, однако у волков всё иначе. Они выбирали себе пару на всю жизнь. И, если обстоятельства складывались так неутешительно, как у их предводителя, остаток жизни проживали в одиночестве. Лейдульву ещё повезло — его женщина оставила ему детей. И сильного наследника, и красавицу-дочь, в которой он души не чаял.

— Узнаешь со временем, — сказал Арнульв, не решившись сейчас поведать их госте обо всём, что промелькнуло в его мыслях.

— Вам так много о них известно...

— Мы с детьми Лейдульва выросли вместе. Да и не секрет ни для кого, что случилось в его прошлом. И всё же не следует ему о том напоминать и беречь старую рану.

Некоторые из оборотней считали, что их вожаку следовало бы не церемониться с чужеземкой, а силой увести её из родных краёв в Приграничье. Но самому Арнульву такое решение казалось вовсе не слабостью. Лейдульв не просто желал мать своих детей, он любил её. Любил так, что не стал ломать ей крылья принуждением, а смирился с теми условиями, которые она выставила. Смирился, зная о том, что больше никого полюбить не сможет.

В том поступке проявилось истинное благородство волка.

Но сейчас, глядя на девушку, которая всё ещё пряталась от него под водой, Арнульв вдруг представил себя на месте Лейдульва. Как бы поступил он сам, оказавшись в такой же ситуации? И что сделает, если вдруг в действительности окажется?..

Его тянуло к ней. Тянуло с неистовой силой. С самого первого мгновения, когда он увидел, как она — непривычная к местному суровому климату и мало похожему на кареты транспорту — выпала

из саней и оказалась в сугробе. Тогда Арнульв бросился к ней, не обращая внимания на то, что другие оборотни, находящиеся рядом с ним, не одобрили его поведение. Чтобы не испугать незнакомку ещё больше, он обратился человеком, помог ей встать.

А затем с его губ сорвались эти слова. Вопрос, запомнила ли Мелисса его с первой встречи и навсегда. Ему таким важным казалось услышать её ответ, что он не смог удержаться от лукавой подсказки. И она ответила «Да». Волк внутри него поднял голову, и незнакомое чувство — не простого охотничьего азарта, а что-то куда более сильное — заполнило всё его существо.

Приближался брачный период. Арнульв знал об этом, хотя ещё никогда прежде не испытывал такой сильной тяги к кому-либо. Раньше были только мимолётные мечты и какое-то неясное томление души и тела, но в тот миг, когда он услышал от девушки утвердительный ответ, всё изменилось.

Арнульв вернулся в замок почти сразу же после того, как там оказалась она. И подслушал разговор Нанны со служанкой. Экономка ворчала, что гостья желает помыться с дороги, хотя сегодня не женский день, и просила ту приглядеть, чтобы никто не вошёл. Арнульв, воспользовавшись удобным случаем, тут же отправился в купальню и спрятался там в одной из каменных ниш в стене. Служанка не стала осматривать всю пещеру, удовлетворившись тем, что в бассейнах никто не плескался, и вскоре ушла к выходу из купальни, куда не доносилось голосов.

Мелисса осталась одна. Арнульв из своего укрытия неотрывно смотрел на неё, ощущая одновременно острое возбуждение и жгучий стыд. От наполненного паром горячего воздуха на его коже выступили капли пота. И всё же он не мог отвести взгляда от девушки, её быстрых движений — похоже, ей действительно не терпелось скорее искупаться — и плавных женственных линий обнажающегося тела.

Он видел, как она входила в воду, как тянулась за мылом и наслаждалась каждым мгновением, а затем, отринув первоначальное намерение прятаться до конца, приблизился к ней. И сейчас отвечал на её вопросы, раздеваясь и наблюдая за её смущением, смешанным с негодованием и попыткой держать себя, как, должно быть, положено благовоспитанной барышне из высшего общества. Будь на её месте волчица, та же Руни, она вела бы себя совершенно иначе.

Но к Руни его никогда так не тянуло. Он отмечал, что подруга детства и сестра его лучшего друга превратилась в красивую девушку, однако желания бесконечно любоваться на неё у него не возникало. Так, как сейчас он любовался Мелиссой, блеском её глаз, пухлыми алыми губами, хрупкими белыми плечами, выступающими из воды. И отчаянно хотелось не просто смотреть, но и прикоснуться. Жадно вдыхать запах нежной кожи, волос, её чистоты и невинности.

Последняя мысль почти отрезвила его. Если позволить себе большее, чем разговор и подглядывание, если коснуться её, не станет ли последующее необратимым? И как потом отвечать перед Лейдульвом, которому пришлось согласиться временно взять на себя ответственность за девушку?

Что с ним происходило? Почему в нём закипала кровь, а эти желания вдруг стали такими сильными, что затмевали собой всё, даже голос разума? Неужели совершилось то, о чём он прежде лишь слышал, и стать его истинной парой суждено ей? Чужачке, незнакомой с их обычаями? Той, чья рука вот-вот будет обещана другому? Арнульв ещё до её приезда сюда слышал, что Мелисса останется в Приграничье лишь до тех пор, пока ей не подыщут жениха. Это значит, что будущего у них нет.

Но отчего же тогда он не в силах заставить себя уйти, а вместо всех прочих слов и фраз ему хочется сказать лишь одно — «Стань моей»?..

* * *

То, что напоминать предводителю оборотней о смерти матери его детей не следует, Мелисса, безусловно, понимала. А вот причину того, что он не мог выбрать другую женщину, понять не могла. Несомненно, здесь крылась какая-то тайна, вот только Арнульв не стремился раскрывать её незваной гостье.

Он всё ещё не уходил. Всё ещё смотрел на неё. Мелли, хоть и пыталась отвлечь его и себя беседой о семейном положении Лейдульва, ни на мгновение не забывала о том, что она полностью обнажена, и от жадного мужского взгляда её укрывает только тёплая вода с белыми островками пены. Как ненадёжно и непристойно!

Лучше даже не пытаться представить себе, что бы сказала матушка, узнай она о том, в каком положении оказалась её дочь уже в первый день пребывания в Приграничье.

Но родители никогда не узнают. Написать о таком в письме или поведать при встрече — если та когда-нибудь состоится — Мелисса ни за что не решилась бы. Слишком стыдно.

А вот Арнульву стыдно, судя по всему, ничуть не было. Он неторопливо продолжал раздеваться. Мелли показалось, что ткань, из которой шилась одежда оборотней, выглядела необычно. Может быть, она лучше всего подходила к холодному климату? Или только такая ткань позволяла им обращаться в волков и обратно, не разоблачаясь при этом?

Но спросить Мелисса, конечно же, не решилась. Она отвела взгляд, чувствуя, как полыхают её щёки. О, Великая Богиня, только бы ему не вздумалось воспользоваться тем же бассейном!

Но, к счастью, он направился к другому. А перед тем, как погрузился в воду, Мелли всего один раз взглянула на него — разумеется, совершенно случайно. И не сдержала сорвавшегося с губ негромкого восклицания.

Само собой, ей было известно, что мужское тело отличается от женского. Ведь росла она в окружении не только представительниц её же пола. Однако ни отец, ни дядя, ни старший брат никогда не показывались домочадцам неодетыми. Максимум, что они могли себе позволить в домашней обстановке за пределами своих спален, это закатать рукава рубашки. А потому непринуждённость мужчины, свободно и без всякого смущения раздевшегося перед ней, ошеломила Мелиссу.

Арнульв и в одежде, и без неё не выглядел таким же мощным, как Лейдульв, но никто не назвал бы молодого оборотня хилым или слабым. Его стройное тело казалось сплетением крепких мышц, а кожа в свете факелов отливала расплавленным золотом. Чуткий волчий слух уловил тихий возглас девушки, и он обернулся. Их взгляды встретились. Мелли поспешно зажмурилась, отчаянно краснея и уверяя себя, что не так уж много успела разглядеть в наполненном густым паром полумраке.

Но её собственное тело среагировало на случившееся весьма непредсказуемым образом. Соски отчего-то затвердели, а внизу живота

возникло странное незнакомое ощущение. Не болезненное, как порой бывало при ежемесячных женских недомоганиях, а почти приятное — горячее и томительное. Словно вода, в которой она находилась, вдруг стала ещё теплее. Хотя — Мелисса могла бы в том поклясться — её температура не поменялась.

— Можешь открыть глаза, — услышала она. Голос оборотня снова звучал чуточку насмешливо. — Я всего лишь смою пот. Но ты должна уйти первой. Не хочу попадаться на глаза служанке, которая сторожит тебя у выхода.

— Но вы ведь как-то уже прошли мимо неё! — воскликнула Мелли, открывая глаза. Слава Богине, Арнульв теперь тоже находился под водой. В другом бассейне, но всё равно слишком близко.

— Я не проходил, — отозвался он, чуть помедлив.

— Значит, здесь есть другой выход? — предположила Мелисса.

— Нет.

— Но... как же тогда... — Догадка казалась чересчур пугающей. — Вы ведь не могли прийти сюда раньше меня?

— Почему нет?

— И тогда получается, что вы видели... видели, как я...

Казалось, сильнее застыдиться было уже невозможно, но Мелли с трудом удержалась от того, чтобы снова не уйти с головой под воду. Да как он посмел?! Явился в купальню, спрятался и не выдал себя, когда они со служанкой здесь появились! Наблюдал за тем, как она раздевалась, как намыливала себя... И всё потому, что якобы в прежние времена мужчины и женщины мылись вместе!

— Я — не оборотень! — чувствуя, как глаза наполняются слезами, выкрикнула Мелисса. — И ваши обычаи мне кажутся дикими! Дикими и гадкими! Я не знаю, кто тот человек, которого его величество выберет мне в мужья! Но уверена, что он не станет так себя вести, потому что это, к счастью, будет не один из ваших!

Уже не думая, продолжает ли Арнульв смотреть на неё, она выскользнула из воды, путаясь в длинном подоле, натянула прямо на мокрое тело платье — хорошо ещё, что захватила домашнее, которое легко надевать и можно носить без корсета — а остальное бельё и не пригодившееся полотенце свернула в узел. После чего, даже не взглянув в сторону мужчины, зашагала к выходу. Служанка бросила на неё недоумевающий взгляд, но Мелли, не обращая внимания на то, что

с её волос стекала вода, буркнула, что хочет поскорее добраться до своей комнаты.

Глава 5

Девушка давно уже скрылась, а оборотень всё ещё продолжал смотреть ей вслед. Тёплая вода казалась холодной. Арнульв знал, что Мелисса не вернётся, и всё же мысленно подбирал фразы, которые хотел бы ей сказать.

Своими словами она ударила его, будто хлыстом. Назвала местные обычаи дикими и гадкими! А ещё заявила, что её жених, кем бы он ни был, будет отличаться от них, причём в лучшую сторону.

Поначалу Арнульв думал, что Мелисса Тидхелм совершенно не рада своей участи, но из сказанного ею можно сделать вывод, что она ничуть не возражает против навязанного королём брака с незнакомцем.

Вспоминая её слова и взгляд, которым она его одарила на прощание, молодой оборотень чувствовала себя так, как никогда прежде. Словно ему в грудь наотмашь бросили камень, и тот ледяной тяжестью осел на сердце. Но стремление оказаться ближе, снова увидеть, прикоснуться к девушке ничуть не уменьшилось от нанесённой ею обиды.

Арнульв не знал своих родителей — они погибли сразу после его рождения. Осиротевшего волчонка растили и воспитывали всем кланом. Но настоящим приёмным отцом для него стал Лейдульв. Вожак, несмотря на то, что у него подрастали двое собственных детей, принял чужого ребёнка как родного сына и не делал разницы между ним и наследником. А Руни... С одной стороны, она казалась балованной папиной дочкой, но, с другой, всегда умела подобрать нужное слово, утешить, поддержать. Как сестра, которую он готов был уберегать от всех опасностей.

Но кому рассказать о том смятении, которое поселило в его душе появление Мелиссы? Кто поймёт? Если сказать Лейдульву, тот наверняка будет настаивать на том, чтобы его воспитанник отказался даже от мысли о том, чтобы быть с чужачкой. Чтобы отпустил её и попытался забыть. До того, как они с ней стали бы ближе, как когда-то сам предводитель оборотней с женщиной, которая произвела на свет его детей, но так и не осталась с ним. «Мы не животные, — сказал бы Лейдульв. — Даже если и живём по волчьим законам».

Нет, ни к чему ему говорить. Видеть на лице названного отца разочарование и тревогу. У него и без того забот хватает.

Арнульв поднялся из воды, отряхнулся, натянул на мокрое тело одежду. От бассейна, в котором некоторое время назад плескалась Мелисса, пахло цветами и травами — так же нежно и сладко, как и от неё самой. На поверхности воды кружилась белая пена, которая и издавала этот запах, волнующий и будоражащий тем, что напоминал о ней.

Она стала для него особенной. Может быть, другим оборотням их гостя и казалась самой обычной девушкой, но только не ему. Гибкая, белокожая, с голубыми, как весенние небеса, глазами, Мелисса притягивала его к себе, манила, обещала неизведанные открытия и наслаждения. Однако в её взгляде Арнульв не видел и тени ответных чувств. Казалось, будто его общество невыносимо для неё, и она готова на всё, чтобы его избежать.

Мысль о её равнодушии вызвала прилив ярости. А ещё жгучей, точно крапива, ненависти к тому неизвестному человеку, которому собирались отдать руку его — его! — самой желанной в мире девушки. Не бывать этому!

Стоя на том же месте, где Мелисса, уходя, собирала свои вещи, Арнульв дал себе обещание, что сделает всё возможное для того, чтобы она полюбила его и осталась с ним.

* * *

Оказавшись в тишине своей спальни и почти не запомнив обратный путь, Мелли растерянно застыла на середине комнаты. Запал, с которым она высказывала молодому оборотню всё, что думает о заведённых у них традициях, а затем собиралась и уходила прочь из купальни, постепенно начинал спадать. И сейчас девушка чувствовала, что волосы у неё мокрые, ткань платья прилипла к телу, а от холодного воздуха по коже бегут мурашки.

Мелисса вспомнила о полотенце. Вытерла волосы, затем, стянув платье, и всё тело, переделась в сухое. Забралась на кровать, кутаясь в одеяло, и провалилась в накрывший её мягкой лапой сон.

Ей снился заснеженный лес, через который она не так давно проезжала на санях. Дул пронизывающий ветер, гладил по распущенным волосам, забирался под тонкое платье. Никакой накидки на ней не было, и холод пробирал даже во сне. Мелли обнимала себя за плечи в попытках сберечь хоть капельку тепла, но суровая природа оказалась сильнее. И та явно невлюбила прибывшую из теплых краёв девушку, решив известить её, поставив в условия, в которых невозможно выжить.

Мелисса почти сдалась, когда вдруг ощутила, что что-то изменилось. Из-за туч на низком зимнем небе выглянуло солнце, щедро заливая всю округу жаркими лучами. Снег стремительно начал таять. Голые деревья покрылись листвой, а затем и нежно-розовыми цветами. Окружающий её лес больше не выглядел тёмным, неудобным и страшным.

Выскользнув из сна, Мелли не сразу осознала, что с ней происходит. Не могла даже сказать, сколько прошло времени с того мгновения, как она заснула. Волосы успели высохнуть, в комнате стало темно, а рядом с ней на кровати лежал кто-то ещё, обнимая её и прижимая к крепкому горячему телу.

Вскрикнув, Мелисса отстранилась, готовая бежать за помощью, но её тут же снова притянули к себе. Подавив новый возглас, она узнала мужчину. Арнульв!

— Что ты здесь делаешь? — выпалила она. Запоздало осознала, что обратилась к нему иначе, чем обычно, но сейчас было не до церемоний. — Уходи немедленно!

— Я пришёл извиниться, — пробормотал он, зарываясь пальцами в её волосы. — Ноты спала и никак не желала просыпаться. Только твердила во сне, что тебе холодно. Должно быть, после купальни ты сильно замёрзла. Я решил согреть.

— Но почему таким образом?!

— А как ещё?

Мелли возмущённо фыркнула, а затем до неё дошёл смысл первой услышанной от него фразы.

— Так, значит, ты пришёл извиниться за то, что подглядывал за мной в купальне?

— Ну да, — отозвался он, всё ещё находясь до неприличия близко. Но до чего же тёплым оказалось его тело! — Хотя не понимаю,

что в этом плохого.

— Но ведь за Руни ты не подглядываешь! Потому, что боишься гнева её отца! А мой отец далеко и не может за меня заступиться!

— Будь на твоём месте Руни, она сначала попыталась бы утопить меня в бассейне и лишь затем бы оделась.

— Я уже говорила, что я — не одна из ваших!

— Но можешь ею стать, — заметил он. Сердце вдруг забилося быстрее. Или так громко стучало не её сердце, а его?..

— Не могу, — возразила Мелисса. — Однажды мне придётся уехать. Всё уже решено, и не мне оспаривать решение.

— А чего же хочешь ты сама? Жить неизвестно где с совершенно чужим тебе человеком, которого выберет для тебя король? Или самостоятельно выбрать свой путь в жизни и того, кто станет твоим спутником на этом пути?

— Ты слишком складно говоришь для полудикого оборотня из далёкой северной глуши, — фыркнула она. — Но испокон веков так сложилось, что девушки сами не имеют права на такой выбор. А я и подавно. Моей сестре уже подыскали супруга-незнакомца — без всяких предварительных встреч и ухаживаний. Такая же судьба ожидает и меня.

— А если у тебя проснутся чувства к другому?

— К другому? Только не говори, что имеешь в виду себя! У нас нет ровным счётом ничего общего!

— У Лейдульва и его избранницы тоже не было.

— И это плохо закончилось, — добавила Мелли. Ей не нравилось, в какую сторону зашёл их разговор. А если кто-нибудь войдёт и увидит их лежащими на одной постели, да ещё и в обнимку?

Как же стыдно!

— У нас может быть по-другому.

— Арнульв, я... — начала она заготовленную фразу в попытке образумить его, но он прижал ладонь к её губам.

— Сначала выслушай меня. Ты ведь ещё не знаешь... Оборотни выбирают себе пару — свою истинную пару! — однажды и на всю жизнь. Они способны любить и желать только одну женщину. Вот в чём причина, по которой Лейдульв не смог и никогда не сможет жениться на другой, — добавил он, убирая руку.

— Вот как... — Мелисса никак не ожидала, что ответ на заданный ею в купальне вопрос окажется таким. У оборотней действительно всё не как у людей. Мысль о том, что собеседник мог говорить неправду, она отмела сразу же, слишком серьёзным и смятенным выглядело его лицо в вечернем полумраке спальни. — Но не хочешь же ты сказать...

— Да! — выдохнул он, придвигаясь ещё ближе. — Со мной такое впервые. Я знаком не только с Руни, но и с другими нашими девушками, а также с теми, что из ближайших деревень. Нередко я ловлю на себе их взгляды — они смотрят на меня так, словно хотят сказать, что не отказали бы. Но я... Я испытываю эти чувства лишь тогда, когда вижу тебя. И ощущаю твой запах.

Будто желая подтвердить свои слова, он уткнулся лицом в её рассыпанные по подушке волосы.

— Нет, пожалуйста, прекрати! Мы знакомы меньше одного дня! — попыталась отрезвить его Мелли. Сердце стучало так, точно стремилось выпрыгнуть из груди. — И ничего друг о друге не знаем! Тебе неизвестно, что мне нравится, а что нет, как звали мою кошку, которую мне подарили в детстве, какая у меня любимая книга.

— Но разве твой будущий муж всё это знает? Ведь нет же, правда? И ты так уверена в том, что он захочет выяснить такие подробности о тебе, если вы поженитесь?

— Не «если» поженимся, а «когда»! Моя свадьба лишь вопрос времени! Сейчас его королевское величество принимает все решения, которые касаются семьи Тидхелм, и в случае моего отказа выйти замуж за того, кого выберет он, пострадать могут мои близкие! Может быть, до вас не доходят новости, но мой дядя уже в тюрьме! И там же могли оказаться и отец, и брат, хотя они в заговоре вовсе не участвовали! Лишь потому, что носят ту же фамилию! Я не могу так рисковать!

— Но есть что-то, что стоит риска. — Арнульв приподнялся, неотрывно глядя в её глаза. От его близости Мелисса внезапно ощутила то же, что в купальне, когда случайно — конечно же, случайно! — увидела его без одежды. — Прислушайся к себе. И ты найдёшь это, ты тоже почувствуешь, я уверен.

— Нет... — Какое-то безумие! Мелли зажмурилась, но всё равно чувствовала на себе его взгляд.

— Я хочу узнать о тебе всё. Хочу стать для тебя тем единственным, к кому ты будешь стремиться душой и телом. Пусть у меня нет достаточного опыта, я сделаю всё для того, чтобы ты приняла меня как мужчину.

— Нет, — повторила она, не открывая глаз. По щеке скатилась слеза. Не от боли или негодования, как недавно в купальне, а по какой-то иной причине, облечь в слова которую Мелисса не решилась даже мысленно. — Пожалуйста, оставь меня. Уходи, пока никто не пришёл и не увидел нас вместе.

Глава 6

Арнульв послушался. Поднявшись с кровати, неслышно вышел из комнаты. Сразу стало холоднее. Мелисса поплотнее завернулась в одеяло. Прикрыла глаза, вспоминая каждое слово, каждый взгляд, перебирая в памяти недавний разговор, поселивший в душе смятение и ещё больший страх перед ожидающей впереди неизвестностью.

Кто бы мог подумать, что жизнь оборотней подчиняется таким странным и в чём-то жестоким правилам? Их мужчины привязывались к женщинам невидимыми нитями крепче иных цепей. Настолько, что разорвать их не представлялось возможным даже после смерти той, которая становилась для волка истинной парой.

Интересно, что чувствовала мать Руни, прощаясь с Лейдульвом? Ведь она наверняка тоже знала, что он никем не сможет её заменить. Знала и всё равно настояла на их расставании. Не пожалела ли та женщина впоследствии о своём выборе? Или её сдерживало что-то важное так же, как сейчас сдерживал саму Мелли долг перед семьёй и сюзереном?

А, если бы не это, смогла бы она ответить «да» молодому оборотню? Позволить ему назвать её своей? Поддаться его настойчивости, огню в его взгляде, теплу его рук, обнимающих её?

Мелисса стиснула зубы. Что за глупости! Не окажись их семья в немилости, она никогда не попала бы сюда, в холодное Приграничье. И никогда не встретила бы Арнульва. Тогда, наверное, он увидел бы свою истинную пару в другой девушке.

Почему-то думать о таком оказалось неприятно, хотя Мелли и осознавала, что подобный исход являлся бы наиболее благоприятным для них обоих и не принёс бы в их жизни ещё большую сумятицу.

Хотелось с кем-нибудь посоветоваться, излить душу, но рядом не было никого близкого. Ни матери, ни нянюшки, ни сестры. Да и решила бы она рассказать им обо всём, что случилось за долгий день? О произошедшем с ней в купальне, о пробуждении в объятиях мужчины... Да Мелисса со стыда бы сгорела, если б ей пришлось вслух говорить о таком!

Тоска и одиночество, невозможность поделиться ни с кем собственными чувствами нахлынули на неё ледяной волной, до боли сжимающая сердце и терзая душу. Она совсем одна, в окружении чужих непонятных людей, вернее, не совсем людей, которым безразлична Мелли. А тот единственный, кому она не безразлична, лишь добавляет неприятностей. А ещё во всём огромном замке нет каминов. И мыло утонуло.

Почему-то мысль о потонувшем в бассейне мыле стала последней каплей. Уткнувшись носом в подушку, Мелисса разрыдалась. Слезы впитывались в грубую ткань и горчили на губах.

Хрипло дыша и всхлипывая, Мелли не сразу услышала стук в дверь.

— Это я, Нанна! — заглянула в комнату экономка. — Вы пропустили ужин. С вами всё в порядке?

«Всё-таки соизволила проверить, жива ли я», — подумала девушка, садясь на постели. Провела по мокрому от слёз лицу ладонями, щурясь и моргая от света свечей в тяжёлом кованом подсвечнике, который принесла Нанна. Вздохнула и потянулась за гребнем для волос, понимая, что выглядит сейчас, наверное, хуже, чем пугало.

— Нет, не в порядке. Я сильно замёрзла после купальни и заснула. К тому же, никто не предупредил меня о том, во сколько здесь ужинают.

— Что ж, в таком случае я могу приказать, чтобы вам принесли что-нибудь перекусить и горячее питьё прямо сюда, — и не подумала извиниться экономка. — А уж завтракать, будьте так любезны, спуститесь в трапезную. С вами хотят познакомиться остальные обитатели замка.

Представив оценивающие взгляды, которыми станут окидывать её оборотни, Мелисса поёжилась. Главное, чтобы они не догадались о том, что происходит между ней и Арнульвом. Предводитель и другие точно не одобряют.

* * *

«Это сильнее меня», — думал Арнульв, глядя в широкое окно расположенного в замке святилища Ясноокой. За окном кружилась метель, бушуя и щедро раскидывая по земле снежные искры. А молодого оборотня отчаянно тянуло вернуться в комнату к той, которая попросила его уйти.

В святилище он пришёл один, желая, за неимением возможности поговорить с кем-то понимающим, доверить свою тайну божеству, которому поклонялись все представители клана. Статуя, к ногам которой в определённые дни года приносили дары, изображала молодую женщину, чьё лицо напоминало о полной Луне, а глаза светились нездешним синим огнём. Но сейчас её сапфировый взор напоминал Арнульву о другом взгляде — возмущённом и растерянном одновременно.

Мелисса, Мелисса... Не прошло и суток, а она уже успела стать для него наваждением. Одна Ясноокая знает, чего ему стоило удержаться на самом краю, не зайти дальше, не позволить себе большего, ощущая в руках нежное податливое тело и вдыхая чистый свежий запах ещё влажных после купания светлых волос девушки.

— Это сильнее меня, — повторил он вслух. Можно сколько угодно убеждать себя в том, что она чужая и предназначена другому. Легче не становилось.

— Почему ты не спишь? — раздался поблизости мелодичный голос, и в святилище заглянула Руни. — Тебя не было за ужином. Не проголодался?

— Нет, — отозвался Арнульв. Не говорить же, что его голод иного рода, и от него не спастись мясом и бульоном. — А ты почему?..

— Тебя искала. Ты уже видел ту девушку, которую к нам прислали? Отец нас с ней познакомил.

— Видел, — бросил он, пряча лицо от внимательного взгляда собеседницы.

— И что скажешь?

— А что я должен сказать?

— Ну, Арнульв! — насупилась она. — Всегда ты так. Слова из тебя не вытянешь. Не то, что мой брат, у которого язык что помело! Я спрашивала отца — он сказал, что не имел возможности воспрепятствовать королевской воле, потому и пришлось согласиться принять у нас эту Мелиссу.

— Разве что-то изменится от того, что она поживёт здесь? — пожал плечами молодой оборотень, стараясь сохранять невозмутимость и не выдать себя, не показать, что всё уже изменилось — для него уж точно. — Не объест же она нас, в самом-то деле. О чём ты волнуешься?

— Как ты не понимаешь? Скоро брачный сезон! Я беспокоюсь за брата — очень уж он падок на женскую красоту! А ну как увидит её и вобьёт себе в голову... Вот бы отослать его куда-нибудь подальше на то время, что она здесь.

— Не говори глупостей! Хорошо, что Ульвхват тебя не слышит. Ему бы не понравилось, что ты хочешь его отослать!

— И пусть! Я ведь о нём же и забочусь! Эта девушка не для наших. Отец сказал, король уже подыскивает ей жениха. А, когда найдёт, её немедленно заберут отсюда.

— Жених... сам приедет за ней?

— Откуда мне знать? Может, пришлёт кого-нибудь. Там ведь совсем другой мир! — воскликнула Руни. Глаза её заблестели. — Представляешь, до того, как начать женихаться, они наряжаются и навешивают на себя кучу блестящих украшений, а потом танцуют в огромном зале!

— Мы тоже танцуем.

— Но не так. Наши танцы простые, деревенские. Не чета тем, что у них.

Слушая её, Арнульв вдруг подумал о другом танце. О Снежном танце. Том, который танцует оборотень со своей едва обрётённой избранницей, провожая зиму и встречая весну. Хорошо, если они оба принимают волчий облик и кружатся под падающими на них с небес снежинками, оставляя на снегу отпечатки лап. А затем, вновь обратившись людьми, уединяются, чтобы стать одним целым.

Осознав свои мысли, он вздохнул и потёр руками лицо. Вот ведь... Размечтался! Мелисса никогда не станет волчицей. Если он и станцует с ней Снежный танец, то лишь в человеческой ипостаси.

— Ты меня совсем не слушаешь! — тронула его за плечо Руни. — Что с тобой сегодня? Не понимаю!

— Скажи... тебе уже кто-нибудь нравился? — вдруг спросил он. Ожидать от подобного вопроса можно было любой реакции. Дочь Лейдульва могла заявить наглецу, что это не его дело, а то и с кулаками

наброситься — драться она умела с детства не хуже любого мальчишки.

Но чего Арнульв никак не мог предположить, так это того, что Руни вдруг засмущается. В полумраке он видел, как её круглое лицо залилось краской. Так же, как у Мелиссы, когда он подобрался к ней в купальне.

— Почему... почему ты спрашиваешь?

— Просто так.

— Скоро наступит время — сам узнаешь!

Выпалив эти слова, Руни развернулась и бросилась прочь, взмахнув, точно хвостом, подолом платья. Арнульв оторопело смотрел ей вслед, не понимая, что произошло. О каком ещё времени она говорила? Неужели... Дочь вожака стала настолько взрослой, что вот-вот обзаведётся мужем?

Та связь, которую притягивала Лейдульва к его избраннице, была односторонней и не могла заставить человеческую женщину быть с ним против её воли. Но Руни — другое дело. Она наполовину волчица, и её благословение — или проклятие? — Ясноокой тоже не обойдёт стороной, а в силу того, что волчья кровь возьмёт своё, девушку должно потянуть к тому, в ком она ошутит свою пару.

Сердце вдруг сдавила неясная тревога. Арнульв решил, что поговорит с Ульвхвatom — близнецом Руни. Может быть, тому известно, кто смутил его сестру настолько, что она даже на простой вопрос отвечать не пожелала? Ведь он не просил её назвать имя! Могла бы просто сказать «да» или «нет».

Как же всё-таки непросто с этими девушками!

* * *

Пока Мелисса после позднего ужина готовилась ко сну, а молодой оборотень предавался размышлениям в святилище той, что некогда дала начало его роду, в Маргенте — расположенной на западе страны столице — его величество Сильвий Первый принимал у себя гостей. Ужин происходил не в торжественной, а скорее в тайной обстановке. Помимо короля и приглашённых, там находился только придворный маг.

— Итак, что вы предлагаете в обмен на нашу поддержку? — спросил один из сидящих за накрытым столом мужчин, лениво растягивая слова.

— Золото и драгоценности, — произнёс в ответ Сильвий, начиная чувствовать себя не королём, а каким-то перекупщиком, вынужденным торговаться.

— Не интересуется. Хотя, впрочем, можно и рассмотреть предложение... Но его недостаточно, — хмыкнул собеседник. Довольно молодой, вальяжный, дорого и со вкусом одетый, он держался без должной почтительности. Взгляд его светло-серых глаз был холодным и высокомерным.

Отчего-то в его присутствии становилось не по себе.

— У нас есть ещё кое-что, — вмешался придворный маг. — Думаю, вас это может заинтересовать. Позвольте, я покажу.

Вытянув расправленную ладонь, он дунул на неё, и в воздухе за клубился тёмный дым. А затем в созданном им облаке присутствующие увидели возникшую из ничего живую картину. На широкой постели, обнимая подушку, спала белокурая девушка. Спала отнюдь не безмятежно, а вздрагивая и вздыхая во сне. Она не погасила свечи, и их мерцающего света хватало для того, чтобы как следует рассмотреть красивое лицо, алые губы, крошечную родинку возле мочки уха.

— Её зовут Мелисса. Младшая дочь не так давно попавшего в опалу рода Тидхелм. И я уверен, что результаты лично проведённой мною магической проверки вас приятно удивят.

Глава 7

Утро началось со сползшего с кровати одеяла и хмурого зимнего неба, с которого сыпался снег. Мелисса одевалась самостоятельно, ёжась от холода и с тревогой думая о предстоящем дне. Всё, что случилось вчера, казалось ярким безумным сном, однако приближение новой встречи с молодым оборотнем пугало до дрожи.

Почему так случилось? Ведь он сам сказал, что неоднократно замечал заинтересованность других девушек! Вот бы и выбирал себе какую-нибудь из них, жил бы с ней счастливо, растил детей! Что он нашёл в той, которая здесь лишь временно, почему не смолчал, не сдержался, а явился к ней сначала в купальню, затем в комнату? Разве не достаточно тех испытаний, которые и без того выпали на её долю за последнее время?

Всё произошло совершенно не так, как должно было. Раньше жизнь Мелли текла спокойной рекой, изо дня в день оставаясь простой и понятной, счастливой и безмятежной. Её окружали верные семье слуги и близкие люди. Да, она знала, что однажды ей неизбежно придётся выйти замуж, но этому предшествовали бы всевозможные развлечения, прогулки по аристократическим кварталам столицы, пышные балы с танцами и угощениями. Мужчины ухаживали бы за ней изысканно и галантно, выполняя все её капризы, а не вламывались бы к ней в спальню и уж точно не подглядывали бы за тем, как она моется!

Однако всё получилось иначе, не так, как ей представлялось, и непросто даже предположить, кем может оказаться тот, за кого она выйдет замуж. Возможно, таким же неугодным его величеству человеком, как и её дядя? Или же обедневшим дворянином, охотником за приданным?

Но Арнульв её супругом не станет...

«Я должна избегать его, — твёрдо решила Мелисса, расчёсывая волосы. — Со временем его страсть остынет. Ведь остынет же, правда? Если все их девушки так же хороши, как и Руни, быстро сыщется та, кто сможет его утешить. Ведь он даже не уверен, в самом ли деле я его истинная пара или ему лишь так кажется».

Успокаивая себя этими мыслями, она спустилась в трапезную.

— Вы рано, — заметила встретившаяся на пороге Нанна. И всё-то ей не по нраву! Не явилась гостья на ужин — плохо, пришла на завтрак раньше остальных — тоже нехорошо.

— Я подожду, — отозвалась Мелли.

Служанки споро накрывали на стол. Затем появилась Руни. На ней было почти такое же платье, что и вчера, только без меха, а с красивой тонкой вышивкой. В нём девушка выглядела прихорошившейся. Длинные светлые косы она сегодня уложила вокруг головы на манер короны.

— Уже здесь? — удивилась она, приподняв брови при виде Мелиссы. — Я-то думала, тебя добудиться не смогут! Как спалось?

— Хорошо, — ответила Мелли, пожимая плечами. Вчера после ухода экономки она действительно заснула довольно крепко и без сновидений. Правда, свечи не погасила, не желая оставаться в полной темноте.

— Послушай... — вдруг замялась дочь предводителя оборотней. — Скоро ты встретишься с моим братом Ульвхвatom. Он может начать вертеться вокруг тебя, но не думай, будто...

— Ничего я думать не собираюсь! — оборвала её Мелисса. Да что они тут все о себе вообразили?! — Я здесь вовсе не для того, чтобы заводить кавалеров!

— А я что, разве так сказала? — фыркнула Руни. — Вот взбеленилась! Я просто предупредила! Наши парни горячие, в ваших краях таких не бывает! Но с их чувствами шутить нельзя, и я никому не позволю разбить сердце моего брата!

Шутить с чувствами? Собеседница явно имела в виду вероятность того, что кто-то из молодых оборотней может увидеть в гостье свою истинную пару. Вот только с этими предупреждениями Руни уже запоздала.

Мелли не успела ничего ответить — открылась дверь, и в трапезную один за другим начали входить обитатели замка. Первым шёл Лейдульв, мощная фигура которого загораживала весь дверной проём. За ним на почтительном расстоянии следовали все остальные.

Арнульва Мелисса увидела сразу. Даже не просто увидела — почувствовала. Раньше, чем их взгляды встретились. К лицу прихлынула кровь, а сердце забилося чаще. Надеюсь, что никто не

заметил её реакции на появление мужчины, она отвела глаза, сделав вид, что изучает роспись на глиняной посуде. Похоже, только таковая здесь и имелась в наличии. В поместье рода Тидхелм тарелками, чашами и кувшинами из глины пользовались лишь слуги, а хозяева предпочитали более изысканную посуду.

Все расселись за столом. Завтрак подали обильный — видимо, именно такой, какой смог бы насытить настоящий волчий аппетит. Но до того, как присутствующие накинулись на еду, Лейдульв взял слово и представил другим девушку, в сторону которой тут же обратились все взоры.

Мелли не привыкла чувствовать себя в центре внимания незнакомцев. Все — мужчины, женщины — смотрели на неё с любопытством, изучающе и удивлённо, словно на залетевшую в окно посреди зимы яркую бабочку. Она и сама чувствовала, насколько отличается от них. И покроем платья, и причёской, и манерами. Для того, чтобы стать своей в Приграничье, едва ли хватило бы того времени, которое отвёл для неё его величество.

Арнульв тоже смотрел, и его взгляд обжигал её, скользя по коже, захватывая в плен. Мелисса твёрдо знала одно — она не оборотень, и их законы на неё не распространялись. Тогда почему же её тело так отзывалось на его близость? Почему хотелось посмотреть на него в ответ? Неужели случилось невероятное, и это... начало влюблённости?..

* * *

Артуриус Тидхелм не мог представить себе ситуации хуже той, в которой он оказался. Его — потомственного аристократа, представителя одной из древнейших семей — посадили за решётку в грязную камеру, где по соседству наверняка содержались воры, мошенники и головорезы самого низкого происхождения. И за что — за совершенную же глупость! Ну, обсуждали они в своём закрытом политическом клубе возможность посадить на трон другого представителя королевской династии, спорили, прикидывали, как такое можно провернуть, так не воплотили же крамольную затею в жизнь! И всё равно каждого из тех, кто посещал клуб, признали

заговорщиком, виновным в намерении свергнуть с трона его королевское величество, чтоб ему пусто было!

Со стоном Артуриус перевернулся на другой бок. При аресте его ударили несколько раз, и теперь синяки немилосердно болели. А в жёстком матрасе, он не сомневался, водились клопы.

До чего же отвратительно!

Суд над ним должен состояться через несколько дней, но и так всё было ясно, как день. За ним закрылись двери тюрьмы, прежде всеми уважаемая семья попала в немилость, и судьбы его племянников оказались в руках короля, который никогда и ни в чём не упустил собственной выгоды. Такой уж он человек. То, что работорговля официально запрещена, ничуть не мешало ему использовать людей в своих интересах. Особенно в тех случаях, когда всё можно представить так, будто он искренне заботится о подданных.

Племянников Артуриус жалел. Особенно Мелиссу, его любимицу. Самая младшая и самая красивая из детей брата, она могла бы блистать при дворе и составить прекрасную партию, но теперь на то благополучное будущее, что планировали для неё родители, не осталось никакой надежды — все их упования на удачный брак девушки превратились в пепел и развеялись по ветру.

Чувство вины набросилось на него, точно зверь из-за угла, рыча и терзая душу. Почему за его ошибку должна пострадать Мелли? Она-то в чём виновата?!

— К вам посетитель! — раздался из-за решётки грубый голос надзирателя.

— Ступайте, дальше я сам, — произнёс кто-то ещё, манерно растягивая слова.

— Только близко не подходите! — предупредил его надзиратель и, гремя ключами, ушёл.

Неизвестный посетитель держал в руке свечу, и свет больно ударил по глазам. Артуриус, поднявшись с лежанки, сощурился, близоруко вглядываясь в мужскую фигуру. Очки разбились при аресте, а на его просьбу достать новые тюремщички только посмеялись и заявили, что в камере всё равно любоваться не на что.

— Кто вы? — спросил Тидхелм. Он давно ни с кем не говорил, потому охрип и закашлялся уже после первой произнесённой фразы. — Мы знакомы?

— Пока нет, — услышал он в ответ.

Артуриус постепенно привыкал к свету и видел немного лучше. Визитёр, брезгливо морщась, рассматривал тюремные стены. Он был молод — может быть, около тридцати лет, высокого роста и, пожалуй, недурен собой, но пронизывающий взгляд холодных серых глаз словно окунал в ледяную воду.

— Так вот где коротает свои дни Тидхелм-старший, — усмехнулся мужчина.

— Представьтесь, пожалуйста! — Артуриусу очень не нравились эти насмешливые слова. И сам незнакомец тоже.

— К чему вам знать моё имя?

— Но для чего-то вы же пришли ко мне.

— Просто хотел взглянуть на того, благодаря кому я получу ценную награду от его величества.

— Что вы имеете в виду? — Артуриус нахмурился, пытаясь понять, о чём идёт речь. Если о его имуществе, то оно, должно быть, отправится в казну, хорошо хоть, что родовое поместье, где всем распорядился брат, обещали не трогать.

— Вашу племянницу Мелиссу. Его величество взял на себя нелёгкую обязанность подыскать мужа дочери опального рода. Достойные люди и не взглянут на неё, бедняжку, после того позора, который вы на неё навлекли. Кто по доброй воле захочет породниться с семейкой предателя? Так и скажут — гнилая кровь. Супругу её старшей сестры пришлось приплатить за то, что он взял такую жену. А младшая достанется мне, — уверенно и чётко, уже без прежней манерности проговорил собеседник.

— Негодяй! — вспыхнул Артуриус. То, каким тоном рассуждал о его племянницах незнакомец, корбило и заставляло сжимать кулаки от злости. И королю вздумалось отдать руку Мелли этому чудовищу?

— Ну же, не кипятитесь вы так! Сердце может не выдержать. Лучше порадитесь за племянниц — они не помрут старыми девами.

— Да лучше бы она действительно осталась совсем без мужа, чем с таким мерзким типом, как вы...

— А я ведь могу и обидеться за такие слова, — обманчиво-мягко вымолвил сероглазый. Подошёл к решётке чуть ближе, шевельнул тонкими губами, будто хотел что-то ещё добавить, и Артуриус взвыл от боли. Наручники на его запястьях налились жаром, точно их

подержали над открытым огнём, и раскалённым металлом обожгли кожу. Всё длилось лишь несколько секунд, но эти мгновения показались заключённому долгими часами. — Мой вам совет напоследок — лучше быть осторожнее в словах, если не хотите, чтобы ваше положение стало ещё хуже, — донеслись до него слова так и не представившегося посетителя, и тот, развернувшись, скрылся в темноте.

Глава 8

Кусок не лез в горло. Спокойно есть, когда тебя рассматривают несколько пар глаз, у Мелиссы не получалось. А тут ещё и Арнульв... Он тоже смотрел. Смотрел так, что выворачивал взглядом всю душу, пробуждая полынно-горькое сожаление.

Сожаление о чём? О том, что она не хозяйка самой себе. О том, что не родилась, как та же Руни, в волчьем клане или хотя бы в соседней деревушке. Пусть даже самой простой девушкой, не аристократкой. Тогда смогла бы, не оглядываясь и не завися ни от кого, смело взглянуть ему в лицо, улыбнуться в ответ, позволить хрупким росткам неведомых доселе чувств распуститься в её душе, точно весенним первоцветам, что храбро пробиваются из-под снега.

Но нельзя. Ничего нельзя. Её судьба, как и судьба всей её семьи, в руках короля. Только он — лишь он один — может решать, кому отдать её руку. Даже у отца больше нет права голоса в вопросе о её замужестве.

Почему же Арнульв продолжает смотреть на неё с отчаянной надеждой? Неужели не понимает, каково её и без того нелёгкое положение? Или обуревающие его эмоции настолько сильнее его, что он не в силах даже взгляд отвести?..

Когда на пол упала глиняная ложка, раздался глухой стук. Мелисса вздрогнула. Лейдульв нахмурился.

— Плохая примета, — пробормотал кто-то из оборотней.

Девушка, что прислуживала за столом, тотчас же нырнула за ложкой, подняла и вскоре принесла новую.

— Благодарю. — Мелли поднялась из-за стола. — Пойду к себе.

Покинув трапезную, она поднялась в свою комнату, подошла к окну, за которым расстился снежный пейзаж. Чужой, холодный. Сердце сдавила тоска по дому. Что там делает матушка, с кем проводит долгие часы после того, как все её дети уехали? А няня?

Как же здесь одиноко! Не с кем и словом перемолвиться. И сколько ещё впереди таких дней?

Мелисса, подобрав под себя ноги для тепла, села на кровать. Тоска не отступала, в горле будто ворочался колючий комок, но слёзы

не шли. Казалось, вчера она выплакала их все.

Через некоторое время раздался стук в дверь.

— Кто там? — насторожилась Мелли.

— Это я, Арнульв!

На сей раз хоть постучать догадался! А если не впускать? Всё равно ведь войдёт, дверь-то на засов не заперта!

— Входи, — буркнула она. Там, в другой жизни, наверняка бы сгорала со стыда, ведь неприлично молодому мужчине даже заглядывать в комнату к юной девушке. Но здесь некому напоминать о правилах благопристойности, да и стыдиться после вчерашнего уже поздно. Он и раздетой её видел, и обнимал, прижимая к себе, даже когда она спала. И что ему опять от неё нужно?..

Оборотень не заставил себя ждать. Проскользнул в комнату, прикрыл дверь и выложил перед Мелиссой кусок сыра и ломоть хлеба, завернутые в чистую тряпицу. Сам же невозмутимо уселся рядом.

— Зачем ты... — совершенно растерялась Мелли.

— Ты ведь за завтраком почти ничего не съела. А до обеда ещё далеко. Подкрепись немного.

— Спасибо, — отозвалась она. В груди снова что-то томительно сжалось от этой непрошенной, но такой явной заботы. От неприкрытой нежности, что светилась в его глазах, согревая, будто неожиданно выглянувшее на тусклом зимнем небе солнце.

— Ты должна хорошо питаться.

— А если нет аппетита?

— Даже тогда. Иначе заболеешь, — с уверенностью добавил он. — Когда кто-то из наших перестаёт есть, это наверняка означает недомогание, но, если отказываться от еды, будучи здоровой, тоже можно навлечь на себя хворобу.

— Как у тебя всё просто! — вздохнула Мелисса. Но за принесённым угощением всё же потянулась. Не пропадать же добру. К тому же, и хлеб, и сыр оказались мягкими и свежими. Корочка похрустывала на зубах, вкусный запах дразнил обоняние. Похоже, оборотни знали толк в хорошей еде. Может, изысканных разносолов у них и не подавали, но готовили неплохо.

Арнульв, чтобы не смущать её, поднялся и подошёл к окну, как она сама недавно. Стоял неподвижно, вглядываясь в заснеженную

даль. Во всей его фигуре, как в туго натянутой струне, ощущалось напряжение.

— Зачем ты пришёл? — покончив с едой, спросила Мелли. — Разве мы вчера не всё ещё обсудили? То, насколько мы разные... И моё положение. У нас нет общей судьбы, Великая Богиня не написала её для нас.

— Но Ясноокая может написать! — одним стремительным движением обернувшись к ней, твёрдо произнёс молодой оборотень. — Она покровительствует нам. И то, что Лейдульв однажды выбрал женщину, которая не ушла с ним, не было ошибкой, ведь та всё же дала жизнь их детям.

— Детям, которые выросли без матери, — заметила Мелисса, стараясь вложить в то, что собиралась сказать, весь имеющийся у неё здравый смысл. — А найди он себе жену среди своих, и такого бы не случилось. Так не повторяй же за ним... Оглянись вокруг. Чем плоха, например, Руни?

— Руни? — удивился Арнульв.

— Да, Руни. Вы ведь и так словно одна семья. Если решите пожениться, думаю, её отец не станет возражать, — проговорила Мелли. Почему-то представлять этих двоих вместе оказалось почти больно. Но ведь не факт, что она останется здесь до того, как они действительно станут семьёй...

— Ты не понимаешь! — выкрикнул он. — Руни — не моя истинная пара! Так как же я могу жениться на ней?

— Но ты ведь ещё не уверен до конца в том, являюсь ли твоей истинной парой я.

— Можно проверить, — заявил он решительно. — Ясноокая подскажет. Если она подтвердит, ты перестанешь сомневаться во мне?..

— Что ты имеешь в виду? — насторожилась Мелисса. Спросить у Ясноокой? Но разве снисходят высшие до бесед с простыми смертными, да и станет ли говорить с нею чужая богиня?

— Раз в году бывает праздник, когда к ней можно обратиться и попросить подсказать, правилен ли был выбор своей пары. Он предшествует началу брачного периода, когда заключаются такие союзы. Это время всё ближе, и праздник тоже совсем скоро! — горячо добавил собеседник, глядя на неё всё с той же надеждой. — Ты ещё не

успеешь от нас уехать! И мы сможем удостовериться в том, верно ли подсказало мне сердце, когда я увидел тебя в лесу.

— Я не... — Мелли запнулась. Её обуревали сомнения, и отчаянная смелость Арнульва пугала не меньше, чем его настойчивость. — Не поклоняюсь вашей Ясноокой. И едва ли могу рассчитывать на её милость.

— Что ж, если её ответ будет однозначным и покажет, что я выбрал неправильно, обещаю, что больше и слова тебе не скажу. Но, если не попытаюсь, не спрошу у неё, до конца жизни буду терзаться, — протяжно вздохнул он. Приблизился, присел рядом с кроватью и взял в свои ладони холодные руки девушки.

— Обещаешь? — вымолвила она недоверчиво.

— Обещаю, — проговорил в ответ оборотень. Склонился, прикоснулся губами к её пальцам. Совсем легко, так, что это даже поцелуем нельзя было назвать, но сердце Мелиссы застучало быстрее. От кончиков пальцев по всему телу растёкся почти обжигающий жар. К зардевшимся щекам прихлынула кровь.

— Пожалуйста... — выдохнула она, сама не зная, о чём хочет его попросить. «Пожалуйста, перестань», «Пожалуйста, уходи» или «Пожалуйста, не останавливайся»? Почему, ну почему он ей встретился?!

— Я не обижу тебя, — сказал Арнульв, поднимая на неё искрящийся янтарём взгляд. — И всегда приду на помощь, если посмеют обидеть другие. Помни об этом.

Таких слов Мелли прежде не слышала ни от кого, даже от отца или брата. Да и то верно, защитили ли они её? Отец ни слова не сказал против решения короля и отпустил её в Приграничье, даже не предложив проводить, чтобы выяснить, в каких условиях ей придётся жить здесь. Видимо, он считал, что их семья ещё легко отделалась. Вспомнился подслушанный разговор с матушкой, и в глазах защипало.

Её семья отказалась от неё.

Интересно, что бы сделал Лейдульв, окажись на её месте Руни?..

— Что с тобой? — спросил молодой оборотень, вглядываясь в её лицо.

Всхлипнув, Мелисса высвободила ладони, но не оттолкнула мужчину. Не смогла оттолкнуть. Вместо этого она обвила руками его шею, уткнулась лицом в плечо и разрыдалась. Сейчас не хотелось

думать ни о приличиях, ни о том, как расценит её поведение Арнульв. Она просто тянулась к чужому теплу, которое он дарил так щедро, и чувствовала, как вместе со слезами уходит обида, горча на губах и уже не причиняя невыносимо острой боли.

— Прости... — Мелли смущённо отстранилась. Плачет второй день! Точно не взрослая девица, а дитя несмышлёное! Но вчера хотя бы в одиночестве, а сегодня...

— Не нужно стыдиться, — Арнульв коснулся её щеки, стирая слезинки. — В детстве Руни часто видела во сне свою мать, а затем просыпалась и плакала, потому что той не оказывалось рядом с ней наяву. Громко плакала, — с невесёлой усмешкой добавил он. — Мы с Ульвхвatom прибежали к ней и старались утешить. Но только у Лейдульва получалось.

Мелисса молчала. Оборотни ещё совсем недавно казались ей грубыми и невежественными дикарями. Но такой отцовской любви и заботы ей никогда не приходилось видеть в так называемом цивилизованном обществе. А то, что её саму встретили негостеприимно... Так ведь она чужачка, навязанная гостья. Да ещё и приехала накануне начала брачного сезона. Вот Руни и забеспокоилась, что с её братом может произойти то же, что с отцом, и он выберет ту, с кем ему не видать счастья.

Любопытно, волновалась ли она так же и за Арнульва? Он ведь говорил, что они выросли вместе. Значит, Руни ему как сестра?

Его ладонь всё ещё лежала на её щеке, когда вдруг раздался стук в дверь. Мелли вскочила на ноги, заметалась по комнате. Тут даже спрятаться некуда!

— Кто там?! — крикнула она, остановившись у двери.

— Руни!

Легка на помине!

— Что тебе нужно?

— Просто хотела поговорить.

— Я сейчас не могу тебя впустить. Я... переодеваюсь! — выпалила наспех придуманное оправдание Мелисса. — Но мы можем встретиться позже.

— Тогда попроси Нанну проводить тебя ко мне, — фыркнула дочь предводителя оборотней.

Слушая уходящие шаги за дверью, Мелли прижала руку к вздымающейся груди. Их едва не застучали! Руни наверняка бы не понравилось, что Арнульв коротает время в спальне приезжей.

— Кажется, мне пора, — улыбнулся он.

— Тебе смешно? — Мелисса нахмурилась. — А если бы она вошла и...

— Так ведь не вошла же.

— А могла бы и без стука войти! — отозвалась она.

— Ты не ответила, согласна ли ты обратиться за подсказкой к Ясноокой? — напомнил Арнульв.

— Согласна, согласна я, только уходи поскорее, пока ещё кто-нибудь не явился! — указала ему на дверь Мелли. Вот ведь свалилось на её голову наказание... хвостатое!

Глава 9

Нанну Мелисса нашла не сразу. Пришлось изрядно поплутать по замку в поисках экономки. Похоже, днём почти все его обитатели находились где-то в другом месте, так что спросить дорогу было не у кого. Замок оборотней всё больше напоминал холодный мрачноватый лабиринт. Он казался бесконечным, точно в страшном сне, когда пытаешься и никак не можешь проснуться.

— Что это вы тут забыли? — осведомилась полная женщина, видимо, кухарка, когда гостя заглянула в чудом обнаружившуюся просторную кухню.

— Ищу Нанну, чтобы спросить у неё, где Руни, — отозвалась Мелисса. Она сама понимала, как нелепо прозвучали её слова, но что ж теперь поделать? Экономка сама сказала, что встречать и провожать её здесь не будут, так что волей-неволей нужно учиться ориентироваться самостоятельно.

— Нанна отдыхает, — буркнула повариха. — Видать, приболела она. А Руни в святилище Ясноокой.

Значит, в замке есть собственное святилище! Тут же вспомнился недавний разговор с Арнульвом. Сердце забилось чаще.

— А где его найти?

Получив ответ, Мелли снова отправилась на поиски. Святилище выглядело так же, как любой храм, только статуя в нём стояла другая — незнакомая. Лицо волчьей богини в самом деле напоминало о полной луне.

Перед ней стояла Руни — так неподвижно, словно и сама превратилась в статую. Должно быть, молилась. Мелисса неловко застыла поодаль, не желая помешать.

— Ты? — Руни обернулась сама. — А вроде сказала, что переодеваешься.

Мелли вспыхнула. Она совсем упустила из виду, что осталась в том же платье, в котором завтракала. Наблюдательная же эта... полуволчица!

— Передумала. Ты хотела меня видеть? Почему?

— Хочу предложить прогуляться.

— По лесу?

— В окрестностях замка, — пожала плечами дочь предводителя оборотней. — А что? Боишься, заведу тебя в лес и брошу?

Мелли промолчала. Ссориться с девушкой не хотелось. Но и подругами они едва ли смогла бы стать. Очень уж разные. В слишком непохожих условиях выросли.

— Хорошо.

— Идём к тебе! — Руни решительно направилась к выходу. — Подскажу, как одеться.

Спустя некоторое время, понадобившееся на то, чтобы дойти до комнаты гости, Руни презрительно сморщилась, глядя на накидку Мелиссы:

— И это всё, что у тебя есть? Ни шубы, ни рукавиц? Удивляюсь, как ты не превратилась в сосульку по дороге!

— В наших краях всегда тепло, — отозвалась Мелли.

— Ты ведь знала, куда едешь.

— У меня не было времени как следует собраться.

— Оно и видно. Ладно, пойдём! Одолжу тебе что-нибудь из своего.

Одежда девушки пришлась по размеру. Отороченное мехом платье из мягкой тёмно-синей шерсти, короткий полушубок. Глядя в зеркало, украшавшее стену в скромно, но уютно обставленной девичьей спальне дочери главы оборотней, Мелисса не узнавала себя, однако не могла не признать, что ей непривычный наряд оказался к лицу.

Спустившись по лестнице, они вышли во внутренний двор замка. Снегопад недавно закончился, и свежевыпавший снег серебристыми искорками поблескивал на солнце. Морозный воздух покусывал за разругавшиеся щёки.

— Почему ты пригласила меня на прогулку? — любопытствовала Мелли.

— Не сидеть же тебе безвылазно в комнате! — фыркнула собеседница. — Неужто не скучно? Лучше расскажи мне что-нибудь.

— Например?

— О том, как жила раньше. Чем занималась обычно. Какие у вас порядки.

— У нас... всё по-другому, — вздохнула Мелисса, глядя на снег. От яркой белизны слезились глаза. Или от воспоминаний, которые

всколыхнул вопрос полукровки? — В столовой посуда не глиняная, а фарфоровая. К ужину все члены семьи переодеваются в красивые костюмы и платья. Мы с сестрой обычно помогали друг другу, хотя нам прислуживали и горничные. Наряжались, вертелись перед зеркалом и разговаривали обо всём, а после ужина ненадолго шли на прогулку.

— С кем вы гуляли?

— Тоже вдвоём. Иногда с братом или матушкой, но чаще одни. Мы... были очень близки с Миртой.

— А где она сейчас?

— Должно быть, уже вышла замуж. — Глаза снова защипало. Как там Мирта? Тоже скучает по родному дому? Не обижает ли её супруг?

— И ты выйдешь?

— Да. Король подыскивает мужа и мне. Может быть, даже прямо сейчас говорит с ним.

Снова подумалось про Арнульва. Как он верит голосу собственного сердца! Как надеется на то, что Ясноокая подарит их друг другу. Ему и невдомёк, что идти против воли короля равносильно самоубийству. Здесь все подчиняются Лейдульву и живут по своим законам, которые для оборотней важнее всего остального.

— Поскорее бы, — бросила Руни, одарив её коротким взглядом, и решительно зашагала вперёд.

— Тебе так не терпится от меня избавиться? — вслед ей спросила Мелли, но ответа так и не дождалась.

Друг за другом девушки вышли из замковых ворот, а навстречу им со стороны леса направлялись Арнульв и Ульвхват. Оба в человеческом облике. Волосы присыпаны снегом, на лицах улыбки — должно быть, обсуждали что-то интересное.

Мелисса растерянно остановилась, глядя на мужчину, который, увидев её, сбился с шага.

— Ты теперь совсем как одна из нас, — проговорил он, будто невзначай коснувшись рукава полушубка.

— Тише ты! — шикнула на него Мелли, но её спутница оживлённо переговаривалась с братом и ничего, к счастью, не заметила.

— Разрешешь пойти с вами?

— Вы ведь уже возвращаетесь в замок.

— Пройдёмся ещё немного. Ты умеешь играть в снежки? — спросил Арнульв, придвинувшись к ней ближе, чем позволяли приличия. — Это весело.

— Нет, — смутилась Мелисса.

— Решено — идём играть! — провозгласил он так громко, что Руни и Ульвхврат обернулись к ним. Сейчас они действительно выглядели похожими. Близнецы ведь.

* * *

— Что это ты надумал? — недовольно полюбопытствовала Руни, но её брат поддержал идею друга, так что она осталась в меньшинстве и, надув губы, кивнула.

Арнульву хотелось взять Мелиссу за руку или под локоть, но та не позволила — отошла чуть в сторону, увеличивая расстояние между ними. В одежде, которую носили местные, она казалась ему совсем близкой, своей. Её щеки алели от непривычного ей холода, а, может быть, и от смущения. Он ещё раньше заметил, что она легко заливалась краской. Её кожа так и манила протянуть к ней руку, ощутить пальцами её нежность — когда Арнульв не так давно в её комнате касался щеки девушки, ему казалось, что он притрагивается к хрупкому цветочному лепестку.

Отогнав от себя волнующие мысли, молодой оборотень последовал за остальными. Снег сегодня как раз подходил для того, чтобы играть в снежки. Достигнув опушки леса, он начал игру первым, слепив большой снежок и коварно запустив им в ничего не подозревающего Ульвхвата. Тот сразу же подхватил и бросил ответный. А затем присоединились и девушки — сначала Руни, следом, нерешительно помедлив, и Мелисса.

Лейдульв всегда говорил, что юность — лучшее время жизни. Должно быть, вспоминал при этом собственные молодые годы, хотя и сейчас предводителя оборотней никто бы не назвал стариком. Он оставался сильным и крепким, но уже не смог бы вот так поучаствовать в снежной забаве, смеяться так же беззаботно, как его сын, и, сбросив груз ответственности за клан, носиться по лесу хоть на двух, хоть на четырёх ногах.

А Ульвхвату и Арнульву подобное ещё позволялась. Они были свободны, как ветер, ни обрета пока ни серьёзных обязанностей, ни женщин, о которых им надлежало заботиться. Но с каждым днём всё ближе оказывались к тому времени, когда это должно с ними произойти. Встреча с истинной парой, создание семьи, а потом и собственные дети. Сыну предстояло однажды занять место Лейдульва, а Руни... Руни — девушка. Ей суждено стать матерью, хранительницей домашнего очага.

Арнульв был привязан к Руни, как к собственной сестре, и искренне надеялся, что будущий муж будет к ней добр и внимателен.

Но как же всё-таки жаль, что Мелисса не одна из их клана...

Он смотрел на неё с жадностью, отчаянно желая, чтобы она всегда оставалась рядом. Вот так же близко, как сейчас. Неловко училась играть в снежки, звонко смеялась...

Почувствовав его взгляд, она замерла на одном месте, и Руни тут же этим воспользовалась. Ощутив на шее холод снежного шарика, гостя вскрикнула от неожиданности и обернулась к нападавшей. А та уже мчалась с очередным снежком за братом, который с весёлыми подначивающими криками бежал к лесу.

Когда они скрылись за деревьями, Арнульв снова взглянул на Мелиссу и едва успел увернуться от летящего ему прямо в лицо снежка.

— Ах, ты! — засмеялся он.

— У меня не получается так ловко, как у вас, — вздохнула она.

— Научись ещё. Снег надо чувствовать. Он нас любит.

Когда Арнульв сделал шаг к ней, девушка, вдруг снова засмутившись оттого, что они оказались наедине, попятилась и, оступившись, упала спиной в сугроб. Молодой оборотень заспешил к ней. Знал, что она не ушиблась, но могла ведь испугаться.

Мелисса не торопилась вставать, и он, поддавшись порыву, рухнул в снег рядом с ней. Повернул голову, и она ответила тем же. Их взгляды встретились. Арнульв не мог отвести от неё глаз. Разрумянившиеся щёки, выбившиеся из-под повязанного на голову платка светлые пряди волос, пухлые алые губы...

— Мелисса... — хрипло выдохнул он. Ему нравилось произносить её имя, такое непохожее на привычные слуху имена оборотней. Нравилось смотреть на неё, вдыхать её запах. Никогда

прежде ему не доводилось испытывать ничего подобного. — Мелисса...

— Арнульв, мы не должны... — негромко отозвалась девушка, но её глаза говорили другое. И тёплые мягкие губы, которых он несмело коснулся своими, тоже. И сбившееся дыхание, и ресницы, легко скользнувшие по его щеке, когда она прикрыла глаза, отвечая на поцелуй.

В последнюю минуту перед тем, как брат и сестра вышли из леса, Арнульв успел встать на ноги и помог подняться Мелиссе, но, когда попытался отряхнуть её одежду, она, отводя взгляд, оттолкнула его руки. Но он не обиделся. Потому что помнил, как несколько мгновений назад поцеловал её — впервые, и помнил, как сладко и дурманяще это было.

Игра как-то сама собой прекратилась, и они вернулись в замок. Всю обратную дорогу Мелисса молчала, не глядя на него. Руни снова дулась. Лишь её брат-близнец вёл себя как обычно. Стоило им переступить порог замка, как появился Лейдульв.

— Ульвхvat, Арнульв, зайдите ко мне! — распорядился он коротко. На лице промелькнула озабоченность. Казалось, он даже не заметил, что вместе с ними пришла и гостья.

— Папа, что-то случилось? — спросила Руни.

— Иди к себе, — строго велел предводитель оборотней дочери.

Глава 10

Позже Мелисса не могла припомнить, как прощалась со спутницей, как поднималась по лестнице. Помнила лишь, что Лейдульв почему-то вызвал к себе сына и воспитанника, но тогда значения этому не придавала. Мысли были заняты совсем другими воспоминаниями, которые кружили голову, снова и снова возвращая девушку в то мгновение, когда Арнульв прикоснулся губами к её губам.

Её первый поцелуй!

Совсем ещё недавно Мелли не сомневалась в том, что он состоится при совершенно других обстоятельствах. Может быть, после помолвки — на её пальце будет красоваться подаренное женихом колечко, и тот улучит возможность поцеловать её, следя за тем, чтобы никто их не увидел. Или даже только в день свадьбы, когда наречённый откинет с её лица тонкую полупрозрачную вуаль.

Но всё случилось иначе. Не было ни помолвки, ни свадьбы, ни платья с длинным шлейфом. Только лес, мягкий снег, неожиданно переставший казаться холодным и мокрым, жаркое дыхание, горячие губы, голос, настойчиво повторяющий её имя.

Кажется, за эти два дня она пала так низко, что все прежние знакомые, а также родители, брат и сестра непременно осудили бы её за всё произошедшее. Мужчина, с которым они едва успели познакомиться, видел её обнажённой, хотя в том и нет её вины, обнимал и согревал своим телом, лёжа рядом в постели, а сегодня поцеловал её. Просто верх неприличия!

Но почему-то сильнее стыда, постепенно набирая силу, становилось другое чувство, подобрать имя которому у Мелиссы не получалось. Может быть, благодарность? Арнульв был добр и внимателен к ней куда больше, чем прочие обитатели замка. Его беспокоило, не замёрзла ли она, хорошо ли поела. В его отношении к ней не ощущалось корысти или расчёта, он просто заботился о ней так, как умел, и при воспоминаниях об этом на душе становилось теплее.

Что же касалось правил благопристойности, которые заведены там, где она родилась и выросла, то не его вина, что он не имел о них

понятий. У оборотней свои законы и порядки. Чуждые и непонятные ей, однако не такие уж дикие, как казалось поначалу. Здесь всё служило другому образу жизни — простому и бесхитроственному, лишённому большинства условностей высшего общества. Потому не только слуги, но и хозяева не видели ничего зазорного в том, чтобы есть с глиняной посуды и носить одежду, первоочередными задачами которой являлись удобство и защита от холода, а вовсе не красота и стоимость ткани.

Размышляя обо всём произошедшем, Мелли напомнила себе, что она сама здесь временно. Как бы ни старался Арнульв заставить её поверить в то, что они суждены друг другу, пойти против королевской воли она не могла. Тот выдаст её замуж так же, как уже выдал Мирту. По правде говоря, даже странно, что он не сделал этого сразу же. Неужели не нашлось подходящего кандидата? Приданого-то её не лишали. И тогда не пришлось бы ехать к оборотням.

И они с Арнульвом никогда не встретили бы друг друга...

Эта мысль не дарила облегчения, и собственная реакция на него пугала всё больше. Скажи он, что её может тянуть к нему лишь из-за того, что они, возможно, истинная пара, Мелисса бы наверняка залилась, но нет. Если б дело обстояло так, то мать Ульвхвата и Руни не оставила бы их отца, а пошла бы за ним куда угодно, ведомая, точно животным инстинктом, желанием во что бы то ни стало быть вместе. Но та женщина не была волчицей, как и сама Мелли. А потому сделала собственный выбор, наверняка причинивший боль им обоим — ей и Лейдульву. И, поскольку они дали жизнь детям, то, значит, стали близки, как супруги. Так почему же она предпочла расставание?

«Не моё дело, — сказала себе Мелисса. — И сомневаюсь, что Ясноокая решит, будто я лучше других подхожу Арнульву. А, получив её ответ, он успокоится и перестанет меня преследовать. Я просто новенькая здесь, непохожа на местных, вот он мною и заинтересовался. Но долго это не продлится».

Так, успокаивая себя, Мелли переоделась, сменив намокшее после игры в снежки платье Руни на своё. Приближалось время обеда, наверное, следовало бы спуститься в трапезную, но она медлила, не зная, сможет ли взглянуть на Арнульва без смущения. Не выдать бы себя! Может быть, для них поцелуи в снегу — самое обычное явление, а для неё всё иначе... Хотя едва ли. Он смотрел на неё так, словно и

для него такое впервые. Неужели и сам Арнульв никого раньше не целовал?..

К щекам прилила кровь, стоило лишь оживить в памяти прикосновения его губ. Надо же было так рисковать! Ещё бы чуть-чуть, и Руни с братом увидели бы их!

Но, может быть, именно этот риск, осознание того, что они делают что-то запретное, и добавили их поцелую сладости и нежности, похожей на тающие на губах снежинки.

«Он становится мне дорог, — поняла Мелисса с пугающей её саму уверенностью. — Я буду скучать по нему. Я буду... О, Великая Богиня, что же мне теперь делать?! С ним и с собой...»

Сердце колотилось так сильно, что звенело в ушах, но неожиданный стук в дверь оказался громче. Мелли протянула руку к дверной ручке. Отчего-то вдруг показалось, что к ней пожаловали с дурными новостями.

Но предчувствие обмануло. За дверью стояла одна из служанок. Она пришла напомнить о том, что пора обедать.

Поблагодарив, Мелисса оправила одежду и волосы и через несколько минут уже спускалась в трапезную. Мысль о новой встрече с Арнульвом одновременно радовала и пугала. Но ещё больше она беспокоилась, что кто-нибудь может догадаться о том, что между ними происходит. И что тогда? Сама ведь пообещала предводителю оборотней, что будет вести себя благоразумно!

Но за столом не оказалось ни Лейдульва, ни его сына с другом. Может быть, у них появилось какое-то дело? Настолько важное, что даже обед решили пропустить?

Впрочем, размышления об этом всё равно ничего бы не дали. Остальные оборотни вели себя спокойно и ни о чём, похоже, не тревожились. Да и Руни, казалось, не волновалась о том, чем сейчас заняты её отец и брат. Может, приготовлениями к празднику? Ведь совсем скоро уже...

Мелли вспомнила статую Ясноокой в святилище. В самом ли деле волчья богиня могла бы дать ответ на вопрос, связаны ли они с Арнульвом? И, если так, то что ей делать, зная, что, покинув Приграничье, обречёт его на одиночество? Но ведь и остаться она не может... Едва ли король одобрит её брак с оборотнем.

От всех этих раздумий голова шла кругом. Воспоминания то и дело возвращались к тому поцелую. В романах писали о том, что первая любовь для каждого самая сильная, незабываемая, но обычный человек может полюбить снова, для оборотней же эта любовь становилась единственной на всю жизнь.

После обеда Мелисса вернулась к себе. Смутное ощущение, будто приближается что-то плохое, снова вернулось. Точно перед грозой, когда небо ещё кажется ясным, но уже смолкают птицы, прячутся насекомые, и в воздухе словно начинают потрескивать невидимые молнии.

Но что может случиться? Ей ведь говорили, что Приграничье — безопасное место. А та неведомая угроза, которую якобы сдерживали живущие здесь оборотни, скорее всего просто чья-то выдумка. Может, даже самих оборотней. То, что чужаков они недолюбливают, было очевидно с самого начала.

Так почему же всё-таки его величество распорядился отправить её именно сюда?..

Чтобы занять чем-то руки, Мелли разыскала в своих вещах недоделанное украшение — брошь из разноцветных лент и стеклянных бусин. Она собиралась подарить её сестре, но теперь, видимо, придётся оставить себе. Или преподнести в подарок Руни. Кто знает, может быть, ей такое придётся по душе? Рукоделие успокаивало, и вскоре тревоги почти схлынули, уступив место сосредоточенности и мыслям о том, что получится в результате.

Услышав странный звук, Мелисса вскинула голову, отыскивая взглядом его источник. Повернувшись к окну, с изумлением увидела, как просочился сквозь него небольшой круг яркого света. Неужто шаровая молния?

Будущая брошка выпала из рук, бусины со звоном раскатились по полу. Мелли будто окаменела, одними губами шепча молитву Великой Богине. А затем громко ахнула, когда светящийся шарик подлетел прямо к ней и лопнул, превратившись в лист бумаги с чёткими буквами на нём.

Магическая почта! Мелиссе приходилось о ней слышать, но собственными глазами она её работу наблюдала впервые. Но от кого же письмо? Родители едва ли отправили бы ей весточку подобным

образом. Слишком уж большая редкость, и маги за такую услугу берут втридорога.

Протянув руку, Мелли осторожно коснулась бумажного листа, который на ощупь показался самым обычным.

«Дорогая Мелисса! — прочитала она и недоумённо нахмурилась. Почерк выглядел незнакомым, однако обращался к ней неизвестный отправитель так, словно они приходились друг другу близкими людьми. — Передаю вам привет от его величества Сильвия Первого. Он рассказал о вас и пообещал мне вашу руку. А потому уже скоро я приеду за вами в Приграничье, после чего состоится наша свадьба. Жду с нетерпением. Искренне ваш, Эдмер Сигестан».

Мелли знала, что однажды так и случится, готовила себя к этому, но действительность будто ударила её под дых. Разом вытряхнув из сладких волнующих воспоминаний об Арнульве и сегодняшнем поцелуе, заставив забыть о разбросанных по полу бусинах. Её, точно заигравшегося ребёнка, схватили за руку и потащили в классную комнату.

Эдмер Сигестан! Что за странное имя? Чужеземное? Её будущий муж иностранец? Повторяя про себя непривычно звучащее имя, Мелисса силилась представить себе лицо его обладателя, но не получалось. Вместо лица виделось лишь размытое тёмное пятно. Одно было очевидно — незнакомец очень богат, если может позволить себе воспользоваться магической почтой.

«Жду с нетерпением»... Он приедет за ней лично! Мог бы ведь просто послать слугу или поверенного. Но нет. Её жених хочет забрать её сам.

Успеет ли он приехать до праздника, о котором говорил Арнульв?..

Арнульв! Он должен узнать о скором приезде Эдмера Сигестана от неё. Будет нечестно, если ему расскажет кто-то другой. Как бы ни складывались их отношения, он заслуживал достойного прощания. Она ведь предупредила его, что однажды так и случится, и ей придётся покинуть Приграничье, стать женой того, кого выберет для неё король. Тот, как оказалось, не стал раздумывать долго и уже отыскал кандидата. И он намерен прибыть сюда за невестой.

О, Великая Богиня, если всё правильно, и в том состоит её долг, то почему же так больно?!

Глава 11

Его величество Сильвий Первый считал себя мудрым и предусмотрительным монархом. Кроме того, он соглашался с тезисом о том, что для безопасности и процветания государства непременно требуются жертвы, которые должны приносить его жители. Никогда прежде он не испытывал ни сомнений, ни мук совести, распорядясь судьбами людей.

Однако сейчас король впервые чувствовал нечто странное. Казалось, будто он совершает ошибку, дав согласие на сотрудничество с Эдмером Сигестаном. И пообещав ему руку Мелиссы Тидхелм — девушки из попавшей в немилость семьи.

Сигестан пугал его. Несмотря на то, что безупречно выглядел, вёл себя непринуждённо и аристократично, а ещё умел внимательно слушать, лишь изредка усмехаясь каким-то своим мыслям. Но что-то было в нем неприятное, настораживающее. Он получил разрешение навестить Артуриуса Тидхелма, якобы для того, чтобы обменяться несколькими словами с заключённым, и после его короткого визита тот будто с ума сошёл, даже от еды отказывался, часами сидел на одном месте, глядя перед собой и вцепившись скрюченными пальцами в неряшливую шевелюру. О его ненормальном поведении докладывали надсмотрщики. Что же такого сказал ему Эдмер Сигестан, что это произвело подобный эффект?

Придворный маг уверял, что они всё делают правильно. Им нужна поддержка соседней страны, послом которой и являлся Сигестан. Данный факт также выглядел необычно. Почему дипломатом выбрали довольно молодого человека? Неужели никого постарше и поопытнее не нашлось?

Впрочем, политика другого народа Сильвия не касалась. Главное, что мирный договор вот-вот будет подписан. Эдмер Сигестан поставил условие — только после свадьбы. В тот день, когда Мелисса станет его женой, он поставит свою подпись от имени короля страны, из которой прибыл. Но не раньше.

«Пусть едет за ней немедля», — нахмурившись, заявил придворный маг, услышав о выдвинутом условии. Сильвий собирался

отправить за девушкой своих людей, но Эдмер заявил, что хочет поехать самолично. Что ж, если таково его желание, то пусть. Лишь бы скорее подписать договор. У оборотней они точно не задержатся, тем не по душе, когда в их краях гостят посторонние, особенно чужеземцы.

Мир будет заключен, и Сигестан вернётся на родину, перестав вызывать у короля неприятные ощущения одним своим видом.

А Мелисса Тидхелм... Должно быть, такова её судьба. Разумеется, никаких преступлений против короны она не совершала, крамольных замыслов не имела и при иных обстоятельствах могла бы составить удачную партию, но придворный маг уверял, что ценность её состоит вовсе не в молодости, красоте и размере приданого.

А придворному магу Сильвий Первый верил, как самому себе.

— Я известил девушку о своём прибытии магической почтой, — сообщил Эдмер Сигестан, явившись на аудиенцию к королю.

— Вот как? Значит, она предупреждена о вашем приезде, — отозвался Сильвий. С утра у него побаливала голова, и хотелось, чтобы визитёр ушёл поскорее. Следовало отменить встречу, но тот настаивал, что хочет отправиться в Приграничье как можно скорее, а перед этим следовало кое-что обсудить. Не терпелось ему, дескать, увидеть невесту.

— Да, сюрпризом для неё моё появление не станет, — самодовольно улыбнулся собеседник. — Что с вами, ваше величество? Плохо себя чувствуете?

— Такое бывает к перемене погоды, — пожаловался король. Не говорить же, что за мысль крутилась юлой в его увенчанной короной голове. Мысль о дочери, входящей в брачный возраст. Дочери младшей, единственной и любимой. Будь она на месте юной Мелиссы, отдал бы он её руку этому человеку?..

Думать на эту тему отчаянно не хотелось, но мысль, точно назойливая муха, так и лезла в голову. Что за глупости?! Его дочь — принцесса, а не девица из опального рода, которой сейчас любое замужество за счастье!

— Вы ведь помните, о чём мы условились? — произнёс Эдемер Сигестан. — Я еду в Приграничье, возвращаюсь с девушкой, мы женимся в столице, а на следующий день я подписываю договор.

Роскошную свадьбу для нас можете не организовывать, лучше, если всё произойдёт быстро и скромно.

— На следующий день? — уточнил Сильвий.

— После первой брачной ночи, — ухмыльнулся тот. — Всему своё время, не так ли? Время для удовольствия, время для решения важных дел. А затем мы уедем. В посольстве останется другой человек, я сюда больше возвращаться не намерен.

От этих его слов король почувствовал облегчение. А затем почудилось, будто собеседник заметил его реакцию. Прищурил холодные серые глаза и проговорил:

— Уверю вас, вы не пожалеете о том, что решили заключить с нами мир.

— Соглашусь с вами, — пробормотал Сильвий. Любопытно, кстати, каким образом Эдмер научился так хорошо говорить на чужом языке? — Вы действительно собираетесь ехать в Приграничье в полном одиночестве, даже без слуг?

— Мне не нужен камердинер для того, чтобы содержать себя и свои вещи в порядке. Я привык обходиться малым. Кучер тоже не требуется, я отправлюсь верхом. К тому же, мою невесту ведь тоже никто не сопровождал. Она не взяла с собой даже личную горничную, верно?

— Таково было условие, — развёл руками король. — Обратни не любят принимать у себя чужих. Достаточно и того, что согласились на саму девушку.

— Это ведь придворный маг вам посоветовал отправить её именно в Приграничье?

Сильвий Первый кивнул, с раздражением скрипнув зубами. И всё-то он знает! Поскорее бы в самом деле отправлялся за своей невестой, а затем прочь из страны!

* * *

«Рассказать Арнульву!» Эта мысль преследовала её, пока Мелисса снова и снова перечитывала строчки из письма неизвестного ей человека. До сей поры её будущий жених не имел имени, однако сейчас оно у него появилось. Если согласие короля уже получено, а у

родителей его наверняка даже не спросили, то её мнением и вовсе никто интересоваться не станет. Кому какая разница, что на душе у разменной монеты?

Сердце сжималось от боли. Совсем ведь ненадолго она позволила себе быть обычной девушкой, поверить ласковым словам и тёплыми руками, помечтать немного о любви, о счастье. Напрасно. Знала же, что потом будет ещё хуже, ещё тяжелее. И ответ Ясноокой, которой молодой оборотень собирался задать вопрос на празднике, ничего не изменит.

А может ли вообще что-то перемениться в этой ситуации? Её судьба словно написана рукой не доброй и справедливой Великой Богини, как о ней говорилось в сказаниях, а какого-то злого насмешника. Сначала лишили права жить дальше так, как полагалось девушке её происхождения, отобрали саму возможность хоть как-то принять участие в выборе будущего супруга, а сейчас, когда Арнульв, взломав её сопротивление, точно лёд по весне, ворвался в её сердце, напомнили о том, что ей не следовало даже мечтать.

Вдруг подумалось, что остальные оборотни, должно быть, будут рады, что чужачка скоро покинет их замок и земли. Надо сообщить Лейдульву о письме. Совсем недолго выпало ей погостить в этих холодных краях, и всё же отчего-то казалось, будто тут прошла целая жизнь. Слишком многое изменила одна встреча. Сегодняшний день перестал походить на вчерашний, потому что во вчерашнем не было Арнульва, и ей самой больше не дано стать прежней. Уезжая из Приграничья, она унесёт с собой воспоминания о его губах, взгляде, голосе. То, что у неё никто и никогда не отнимет.

Мелисса выпрямилась, привела в порядок одежду, снова уложила волосы. После здешней воды они стали мягче и нежнее, напоминая тончайший шёлк. Расчёсывая их, она снова возвращалась в воспоминаниях к тому, как смотрел на неё Арнульв...

«Я должна быть сильной», — сказала себе Мелли. Сейчас, когда она лишилась родительской поддержки, рассчитывать не на кого. Не на кого, кроме самой себя.

Спустившись вниз, девушка встретила Нанну и сказала, что хочет увидеться с Лейдульвом.

— Он может быть занят, — проворчала экономка, всем своим видом выражая недовольство своенравной гостьей, но Мелисса

продолжала настаивать на том, что ей необходимо встретиться с предводителем оборотней.

— Мне нужно ему кое о чём сообщить.

— Ладно, — буркнула Нанна.

Лейдульв оказался в святилище — там же, где недавно Мелли говорила с его дочерью. В суровом молчании неподвижно стоял перед статуей Ясноокой. Наверное, мысленно говорил с ней о чём-то.

Когда он обернулся и удивлённо посмотрел на неё, Мелиссе показалось, что она ненароком подглядела за чем-то очень личным.

— Простите! Я... мне... Это пришло сегодня, — несмело вымолвила она, протягивая ему письмо.

В мощной руке оборотня листок бумаги выглядел совсем маленьким. Мужчина прочитал, хмурясь. Затем вернул письмо ей.

— Знаешь, кто он?

— Нет... — Мелли покачала головой. — Судя по имени, могу предположить, что чужестранец.

— Только иноземцев тут не хватало, — проворчал Лейдульв, но, заметив её испуг, сразу же смягчился. — Не бойся, я знаю, что в том нет твоей вины. Уж не знаю, что там себе думает король, но, пока не вышла замуж, ты находишься на нашем попечении, и я за тебя отвечаю. И одну с ним отсюда не отпущу, выделю провожатых. Ясно?

— Да, — почему-то ощутив от его слов облечение, отозвалась Мелисса.

— Моего мнения никто, конечно, не спрашивал, но я так скажу — неправильно, когда дети за грехи отцов расплачиваются. Не дело это. И с рук такое даром не сходит.

— Его величество был добр к нам, — проговорила она тихо. Сердце кольнула зависть к Руни, которой так повезло с отцом. — Всё могло быть хуже.

— Может, и могло. Только что-то не похоже, чтобы ты своей будущей свадьбе радовалась. Эдакая пичужка! Не научили тебя ещё притворяться, вот и не умеешь. Да и кто бы на твоём месте радовался, коли за нелюбого выдают?

— У нас так бывает, — отважилась взглянуть ему прямо в глаза Мелли. — Даже если бы не случившееся с дядей, всё равно никто не разрешил бы мне выйти замуж по любви за человека не нашего круга... Это у вас всё по-другому.

— Будь я твоим отцом, уж не стал бы свою дочь вот так неволить, — продолжая хмуриться, сказал собеседник и, вдруг протянув руку, неожиданно мягко для мужчины такого роста и силы провёл по её волосам. — Держись, девочка. Нам всем сейчас нужно держаться. Не вовремя приезжает твой наречённый. Ну да будем надеяться, что всё обойдётся.

Он ушёл, мягко, по-звериному ступая, и Мелисса не успела спросить, что означали его слова.

Глава 12

— К нам едет жених нашей Мелиссы, уже завтра будет здесь! — влетела к мужу с известием леди Хелена Тидхелм. — Он отправляется за ней в Приграничье, но сначала хочет познакомиться с нами и заглянет сюда! Какой милый молодой человек!

— Откуда тебе известно, что молодой? — осведомился её супруг, подняв взгляд от газеты, которую читал за чашкой чая.

— Мне так показалось, — поёжилась леди Тидхелм. Когда муж смотрел так строго, ей хотелось куда-нибудь спрятаться. Однако стоило уединиться, как начинало тянуть к человеческому обществу. Прежде она могла уйти к дочерям, занять время разговором о каких-нибудь безделицах и так скоротать день. Но сейчас они, оставшись наедине, будто превратились в заложников собственного дома. Как одиноко стало, когда все разъехались! Хоть компаньонку заводи.

— Он прислал письмо?

— Да, по магической почте. Вот оно. Прошу прощения, что прочла его первой.

Лорд Тидхелм что-то проворчал себе под нос, выражая недовольство, но листок бумаги всё же взял и внимательно изучил.

— Что за нелепое у него имя? Кто станет называть так детей? А фамилия?

— Полагаю, он иностранец, — осмелилась заметить его жена. — Кто бы мог подумать, что его величество выберет для нашей Мелли такого супруга! И он вовсе не беден, раз может позволить себе пользоваться магической почтой, а, значит, не охотник за приданым, как мы опасались!

— Рано радуешься, — буркнул её муж. — Поглядеть ещё надо на него. Чужеземец в родственниках... А если испортятся дипломатические отношения между странами? Что тогда будет с нашей дочерью?

Леди Тидхелм лишь вздохнула в ответ. За Мелиссу она волновалась больше, чем за остальных детей. Младшая дочь всё ещё казалась ей ребёнком, и даже представить было страшно, как она там, у оборотней в Приграничье. Хорошо её кормят? Не обижают ли? Но

перед мужем она старалась своих тревог не показывать. Ему не нравилось видеть её грустной и подавленной.

Разве что старая няня детей разделяла беспокойство матери, но сейчас та уехала навестить родственников.

— Нужно ведь всё приготовить к его приезду! — спохватилась она. — Он ведь будет оценивать, радушно ли мы его встретим, в порядке ли дом. Я должна показать себя хорошей и гостеприимной хозяйкой, чтобы он знал, что я дочерей тому же научила!

— Вот и прибавилось хлопот, — заметил лорд Тидхелм. — Постарайся быть экономнее. Не стоит излишне тратиться.

— Экономнее?! Но как же... Он же... — всплеснула руками мать Мелиссы и Мирты. Ничего-то эти мужчины не понимают! Конечно же, будущий зять хочет взглянуть на родителей, чтобы знать, чего ему ожидать от невесты, с которой он пока ещё ни разу не встречался. Безусловно, умение экономить, может, и нужное, но не в таких случаях, когда встречаешь важного гостя. Ах, сколько же всяческих мелочей нужно учесть, чтобы не ударить в грязь лицом, всего и не упомнишь!

А потому вместо того, чтобы тратить время на объяснения, она зашагала отдавать распоряжения слугам. Всё вокруг завертелось. В поместье опального рода давно не принимали гостей, так что потребовалось немало усилий для того, чтобы привести дом в порядок. Хозяйка, одним глазом приглядывая за хлопочущей прислугой, другим смотрела в поваренную книгу, составляя меню. Обычно она доверяла этот вопрос опытной кухарке, которая много лет работала у них, но сейчас ей хотелось всё сделать самостоятельно. Жених Мелиссы должен быть доволен будущими родственниками. А потому на стол необходимо подавать только лучшее.

Время до приезда Эдмера Сигестана пролетело незаметно. «Была бы хотя бы неделя в запасе! — сокрушалась хозяйка дома. — Тогда я бы всё приготовила на самом высоком уровне, а так придётся сказать в оправдание, что у нас по-простому, по-деревенски!»

Но, когда мужчина въехал в ворота и показался перед лордом и леди Тидхелм, все слова точно вылетели у неё из головы, а язык прилип к нёбу. И ведь выглядел будущий зять почти так же, как она успела себе представить — довольно молод, хорош собой, с серыми глазами и подтянутой фигурой. Но почему-то в его присутствии она

почувствовала себя неловко, будто показалась перед королём замарашкой в лохмотьях. Такой сон несколько раз снился ей когда-то накануне представления ко двору, заставляя просыпаться в холодном поту и судорожно проверять, готово ли платье для королевской аудиенции. Но к этому времени, когда в прошлом остались и её дебют, и первый бал, и свадьба, сон успел выветриться из памяти, а сейчас вдруг возвратился неуютным полузабытым ощущением.

— Господин Сигестан... — пробормотала Хелена Тидхелм, но тут же взяла себя в руки. — Добро пожаловать! Мы рады приветствовать вас в нашем скромном...

— Что за церемонии? — белозубо усмехнулся в ответ иноземный гость, который, что поразительно, говорил совсем без акцента. — Мы ведь почти родственники. Зовите меня просто Эдмер.

— Как скажете! — заулыбалась она, искоса поглядывая на мужа, который стоял рядом. — Проходите скорее! А вашего коня отведут на конюшню!

Входя в особняк, Эдмер Сигестан задержался перед вывешенными в просторном холле портретами. Здесь имелся и портрет Мелиссы — недавний, тот, где она была изображена вместе с сестрой. Одна в голубом платье, другая в белом, обе — словно весенние цветочки на зелёном лугу.

— Красивая... — медленно произнёс гость. Он смотрел прямо на Мелли, и леди Тидхелм удивилась. Как догадался, что именно она его невеста? — Покажете мне мою комнату? Хочу освежиться с дороги.

— Разумеется, покажу! — откликнулась она. Можно, конечно, горничную отправить, но с её стороны такая услуга будет демонстрацией уважения и благодарности. Ведь не каждый же согласится взять в жёны девушку, от семьи которой отвернулись даже старые знакомые.

* * *

Ощущение после разговора с предводителем оборотней казалось каким-то странным. Вроде и полегче стало на душе от поддержки отца Руни, но что-то настораживало. И снова вспомнился тот факт, что ни его, ни Арнульва с Ульвхватом не было за ужином.

И где теперь искать её оборотня, чтобы рассказать ему о письме?..

Осознав, что в мыслях безотчётно назвала Арнульва своим, Мелисса замерла на одном месте. Разве так правильно? У них нет и не может быть общей судьбы, вот только незнакомый и нелюбимый жених, найденный королём, совсем чужой человек для неё, а стремительно ворвавшийся в её жизнь молодой оборотень уже кажется своим, близким. Но об этом лучше молчать. Ни ему, ни другим не показывать, какие чувства она испытывает.

Так будет лучше для всех.

Бросив напоследок взгляд на статую Ясноокой, Мелли вышла из святилища и тут же столкнулась с Руни.

— А я отца ищу! — удивлённо произнесла не ожидавшая встретить здесь гостью девушка. — Вроде он тут был. Не видела его?

— Уже ушёл, — отозвалась Мелисса. — Скажи, а праздник, когда ваша покровительница сможет ответить на вопросы... Он скоро?

— Откуда ты знаешь о празднике? — нахмурилась Руни. — Уже кто-то рассказал? Ну да, скоро. В полнолуние. Но у тебя, наверное, нет лунного календаря.

— Нет, — призналась Мелли.

— А нам он и не нужен, — похвасталась собеседница. — Мы смену лунного цикла чувствуем интуитивно. Просто знаем, когда будет полнолуние, а когда молодой месяц. Но тебе-то оно к чему? Хочешь посмотреть на праздник?

— Да, просто любопытно. Хотелось бы взглянуть. Или чужие туда не допускаются?

— Почему же, такого запрета нет. Приходи, если хочешь. Увидишь, как я обращаюсь к Ясноокой с вопросом.

— Хочешь, чтобы она подсказала тебе, кто твоя истинная пара?

— И всё-то ты выяснила! — с досадой воскликнула Руни. — Да, хочу спросить. Мы с братом уже вошли в подходящий возраст, и я своего не упущу.

— Удачи тебе! — заставила себя улыбнуться Мелисса. Хотелось спросить, где Арнульв, но что отвечать, если дочь вожака поинтересуется, зачем он ей понадобился? Оставалось надеяться на то, что он сам придёт к ней, как уже приходил раньше.

— А когда твоя свадьба?

— Наверное, скоро, — вздохнула Мелли, вспомнив о письме, которое будто обжигало ладонь. — Что ж, я пойду к себе. Увидимся за ужином!

Чувствуя направленный ей в спину внимательный взгляд полукровки, она зашагала вперёд по коридору. По дороге подумала о том, что Руни вроде славная девушка, только очень уж ревниво относится к своим близким. Интересно, кто станет её парой?..

Но все мысли о дочери Лейдульва и их разговоре тут же вылетели из головы, когда Мелисса увидела ожидающего её у двери комнаты мужчину. Он стоял, прислонившись к стене и прикрыв глаза, точно задремал. Но, услышав её шаги, тут же повернулся к ней, и его лицо озарила тёплая улыбка.

— Арнульв... — выдохнула она. — Что ты здесь делаешь? Кто-нибудь может увидеть и обо всём догадаться...

— В твоих интересах впустить меня поскорее, — откликнулся он.

— Я искала тебя, — сообщила Мелли, когда они оказались в её комнате, и дверь за ними плотно закрылась.

— Вот как?

— Хотела показать это, — быстро добавила она, пока он не нафантазировал себе чего-то другого, и протянула ему письмо. — Лейдульв уже видел. Сказал, что отправит со мной провожатых, потому что отвечает за меня... до свадьбы...

Арнульв молча взял лист бумаги, развернул, прочитал. Нахмурил брови и так плотно стиснул зубы, что лицо, разом утратив юношеские черты, вдруг стало взрослым и суровым. Мелисса даже отшатнулась в испуге, когда он поднял на неё потемневший взгляд.

— Я же говорила, что так будет...

— До праздника ты останешься здесь, — проговорил он с непривычно-властной интонацией. — Что бы ни случилось, я задам вопрос Ясноокой. И ты в тот момент должна быть рядом.

— Но что это изменит, если его величество... — начала Мелли, но он, не дав ей договорить, шагнул к ней, обнял за плечи, мягко привлёк к себе.

— Давай дождёмся праздника. А пока ни о чём не тревожься. Просто верь мне, — прошептал Арнульв, легко касаясь губами её виска.

— Я верю, — отозвалась она, чувствуя себя не в силах сопротивляться зовущей нежности его прикосновений. — Но всё же мы пока не знаем, что он за человек. И почему король выбрал для меня именно его.

— А ты выбрала бы другого? — спросил он, и Мелисса, чтобы избежать ответа, уткнулась лицом в плечо Арнульва. Как же в его объятиях хорошо и уютно! Казалось, она готова весь день вот так простоять, ощущая, как ласково его пальцы перебирают её волосы, а ладонь медленно поглаживает по спине.

Глава 13

Слуги семейства Тидхелм, оставшиеся верными хозяевам после всего произошедшего, собрались на кухне, где готовился обед для гостя.

— Вы его уже видели? — полюбопытствовала немолодая, но не утратившая интереса к жизни за пределами кухни кухарка Ильда, щедро посыпая жаркое душистыми травами.

— Я видела, я! — звонко воскликнула горничная Кэйри, радуясь, что в кои-то веки оказалась в центре внимания. — Он просто красавец! И по-нашенски говорит хорошо, даром, что не местный!

— Ты и его голос его слышала? — тут же насели на неё остальные.

— А как же? Очень приятный, говорит, точно бархатом гладит! Повезло же молодой госпоже, что выйдет за него замуж!

— Только жаль, что свадьба будет не здесь, — вздохнула Ильда. — Уж я бы расстаралась! Такой пир бы устроила для нашей госпожи Мелиссы, что столичным поварам не под силу.

— Так уж сложилось, — кивнула в ответ Кэйри. — Сбегаю проверю, может, у него цветы в комнате завяли. Поменять бы надо.

— Цветы завяли, как же, — фыркнула ей вслед другая горничная — Ленни. — Знаю я её! Хочет хвостом перед ним повертеть.

— А завидовать плохо, — глубокомысленно произнесла Ильда, помешивая суп. — Поди лучше салфетки на столе разложи. Да покрасивше, чтоб леди Тидхелм не ругалась!

Пока надутая Ленни раскладывала в столовой тоненькие и узорчатые, как паутинка, салфетки, расположение которых угодило бы хозяйке, Кэйри поднялась в комнату гостя. Сердце стучало так, словно в груди били в барабаны. По правде говоря, молодая горничная уже не являлась невинной девушкой и считала, что разбирается в мужчинах, но настолько привлекательных ей прежде не попадалось. Ах, до чего же повезло младшей дочери Тидхелмов! Совсем не так, как старшей, супруг которой ничем особенным не отличался.

Постучав для порядка и не получив ответа, Кэйри вошла. Цветы, которые она лично получила от садовника, благоухая, стояли в вазе и

не думали вянуть. Одежда будущего зятя хозяев лежала на кровати, а его самого не оказалось.

Кэйри уже собиралась уйти, когда скрипнула дверь примыкающей к комнате ванной, и появился он, облачённый лишь в завязанное на узких бёдрах полотенце. Барабаны в груди забили громче. Вцепившись влажными от волнения пальцами в край накрахмаленного фартука, горничная сглотнула, с трудом отвела взгляд от худощавого, но сильного мужского тела, поклонилась и попятилась к двери.

— Подожди! — остановил её гость. — Не бойся! Тебе что-то нужно?

— Нет, господин, я пришла спросить, не нужно ли чего-нибудь вам, — не поднимая головы, пробормотала она.

— Как тебя зовут?

— Кэйри, господин.

— Посмотри на меня, — приказал он. Вроде бы мягко, но так, что не послушаться не получалось. — Ну же!

— Д... да, господин, — отозвалась она, вскидывая на него взгляд. Серые глаза, кажущиеся то темнее, то светлее, смотрели на неё так, что не получалось отвести глаза. Голова закружилась.

— Кто прислуживал госпоже Мелиссе, пока она жила здесь?

— Я, господин.

— Отлично, ты-то мне и нужна. Принеси мне одну вещь, которая принадлежала ей и касалась её тела. Не всё же она забрала с собой в Приграничье?

— Не всё, господин.

Не спрашивая, зачем ему это нужно, Кэйри, никого по дороге не встретив, покорно отправилась в бывшую спальню Мелиссы Тидхелм. Собиралась она второпях, так что некоторые безделушки остались. Горничные ещё надеялись получить их в подарок за хорошую службу.

Отыскав в шкатулке с украшениями круглый медальон, который не открывался после того, как владелица его уронила и сама же на него наступила случайно, Кэйри отнесла его мужчине.

— Молодец, быстро управилась, — похвалил он её, принимая в ладонь сломанный медальон. От соприкосновения их рук кожу будто обожгло. — Надеюсь, ты и дальше будешь умницей и никому не скажешь, что я его забрал.

— Не скажу, господин. Да хозяева и не хватятся. Госпожа Мелисса его любила, потому не стала выбрасывать, хотя матушка, то если леди Тидхелм, ей говорила, что надо бы, ни к чему хранить поломанные украшения. Но носить-то его можно было! Открывать только нельзя, механизм из строя вышел.

— Что ж, открывать его мне ни к чему, — усмехнулся собеседник. Приблизившись ещё на полшага, погладил Кэйри по волосам, по плечу под форменным платьем горничной, провёл длинными пальцами по талии, стянутой поясом. — Разве что там спрятан портрет моего соперника. Но твоя госпожа ведь ещё никого не любила?

— Что вы, господин! В кого бы госпожа Мелисса могла влюбиться, если с неё глаз не спускали? Её даже с кавалерами ещё не знакомили, только собирались познакомиться... позже... в столице.

— Замечательно. А ты, Кэйри? Ты уже любила кого-нибудь?

— Я...

Почему он спрашивает? Разве должна его интересовать её скромная персона? Она ведь всего лишь служанка!

— Так как?

— Н... нет, господин, — выдохнула она. И правда, разве игривые взгляды, танцы на деревенском празднике, несколько коротких встреч, когда ей торопливо задирали юбку на сеновале, можно назвать любовью? А потом «Я нанялся на работу, уезжаю», и прости-прощай, романтическая мечта глупой горничной.

— У тебя, наверное, есть и другие дела. Ступай! Придёшь ко мне ночью.

— Да, господин.

Поклонившись на прощание, Кэйри выскользнула в коридор.

* * *

Мелисса чувствовала себя так, словно её подхватил на своих крыльях тёплый весенний ветер и понёс за собой. Сквозь холодные тучи, снега и дожди. Туда, где она наконец-то обретёт счастье.

Но, стоило Арнульву разжать объятия, как тут же вернулись смятение и неловкость. Казалось, будто её разбудили, не дав досмотреть яркий сказочный сон. А затем в воздухе появилось

знакомое сияние, и в окно влетело новое отправленное магической почтой письмо, которое скользнуло к ней в руки.

Увидев на лице молодого оборотня настороженность и удивление, Мелли успокоила его, а затем развернула лист бумаги. На сей раз письмо оказалось от брата. Должно быть, он действительно соскучился, раз решил отправить сестре весточку столь дорогостоящим способом.

«Ты, наверное, и не ожидала, а я выкроил время и пишу тебе. Военная служба — не такое уж весёлое занятие, как казалось мне прежде. Только и твердят о дисциплине, а ещё постоянно приходится следить за формой, как бы не помялась да не запачкалась. Скукота, правда? Держу пари, тебе в Приграничье куда интереснее, чем мне. Когда бы ещё представилась возможность собственными глазами увидеть, как живут оборотни? Я даже завидую, сестричка.

У меня новости от Мирты. Она теперь стала хозяйкой большого дома, где есть и штат слуг, и сад с цветами. Да, в глуши, конечно, но не каждому же выпадает шанс жить в столице. Уверен, она всем довольна. Слышал, тебе тоже подыскали жениха— иноземного посла, у которого какие-то дела с его величеством. Увы, встретиться с твоим будущим мужем лично у меня не получилось, однако мне сказали, будто он поехал знакомиться с нашими родителями. А уже затем отправится за тобой, так что скоро вы свидитесь и поедете в Маргенту, где и сыграете свадьбу.

На сём прощаюсь. Прости, что я оказался не таким братом, которого ты заслуживаешь. Не тем, который бы заботился о тебе в предсвадебное время, когда любой девушке нужна поддержка семьи. Мне жаль, что я больше ничего не могу для тебя сделать. Надеюсь, ты будешь счастлива».

Прочитав письмо, Мелисса вздохнула. Похоже, и старшая сестра, и брат нашли своё место в новых обстоятельствах, свыкнувшись с тем, как изменилась судьба их семьи после ареста дяди Артуриуса. И лишь она сама точно болтается в воздухе, тщетно пытаюсь опуститься на твёрдую землю и не находя под ногами опоры. Никак не может смириться, хотя и понимает, что бороться против королевской воли бессмысленно. Если рассердить его величество неповиновением, он может отыгаться на её близких. Этого никак нельзя допустить. Она

никогда себя не простит, если из-за её чувств к Арнульву и нежелания становиться женой другого пострадают её родные.

Но, выходит, что ради того, чтобы не стало ещё хуже, ей нужно принести себя в жертву? Отказаться от едва проклюнувшейся надежды на счастье и покорно выйти замуж за незнакомца? Выполнить свой долг перед семьёй и сюзереном, раз уж больше ничего от неё не зависит. Не следовало даже воображать себе, будто она сможет стать женой по любви, а не по предварительному сговору. Такое бывает только в романах.

Но тогда... Тогда необходимо оборвать все нити прямо сейчас, как бы тяжело это ни оказалось. Ни к чему тянуть время, иначе и ей, и ему впоследствии будет ещё больнее.

— Выслушай меня... Пожалуйста. Не думаю, что нам непременно следует ждать праздника и задавать вопрос, — проговорила Мелли, заставив себя посмотреть собеседнику в глаза. — Всё уже решено, и ничего не изменится, как бы тебе того ни хотелось. И даже если окажется, что я действительно твоя истинная пара, ни Лейдульв, ни король Сильвий Первый не позволят нам пожениться.

— Тогда мы сбежим, — заявил Арнульв решительно.

— Куда? Как ты сможешь скрыть, что умеешь превращаться в волка? Может быть, в ближайших деревнях этим никого не удивишь, ведь их обитатели привыкли жить рядышком с Приграничем, а в других местах? И почему ты не хочешь меня понять? У тебя нет родственников, тебе некого терять и не за кого волноваться, а у меня есть семья, есть люди, которых его величество сможет наказать, если я ослушаюсь!

Выпалив эти слова, Мелисса, отойдя подальше, насколько позволяли размеры комнаты, отвернулась к окну и лишь недовольно передёрнула плечами, когда оборотень, приблизившись, попытался к ней прикоснуться. Сейчас она не желала ничего слышать и ни о чём говорить. В горле стоял колючий ком, но выплакаться больше не получалось. Когда за Арнульвом негромко закрылась дверь, Мелли прижала к щекам холодные ладони и почувствовала, что вся дрожит. Её колотило, словно в лихорадке, но никакое одеяло или горячее питьё не смогли бы помочь. Лишь тепло того, кого она сама оттолкнула. Оттолкнула, потому что не видела другого выхода.

— Приезжайте скорее, господин Сигестан, — хрипло пробормотала Мелисса, обращаясь к тому, кого ещё не знала. — Поспешите. Я готова уехать с вами.

Стоило ей сказать эти слова, как произошло нечто странное. Неизвестно откуда взявшийся в комнате сквозняк ледяной рукой коснулся её шеи. Поблизости никого не было, но Мелли вдруг услышала шёпот:

— Жди, скоро буду.

Глава 14

В замке готовились к празднику. Суетились служанки, наводя блеск и чистоту в залах. За ним строго присматривала Нанна, указывая девушкам на каждую обнаруженную ею пылинку. Даже леди Тидхелм никогда не казалась настолько придирчивой хозяйкой. Видимо, праздник действительно очень важен для оборотней, так что они не желали допустить ни малейшей оплошности.

Мелисса чувствовала себя лишней. Разумеется, её кормили и не попрекали тем, что она ещё здесь, но и особого дружелюбия никто не проявлял. Лейдульв был погружён в свои думы и нередко уходил куда-то в лес с другими мужчинами. Руни помогала эконолке в подготовке к скорому празднеству, и её, кажется, ничего не волновало, кроме вопроса, который она собиралась задать Ясноокой. Набиваться к ней в подруги и лезть в душу Мелли не хотела, а потому почти всё время проводила в гордом одиночестве.

Они с Арнульвом, словно по негласному договору, избегали друг друга. Встреч, разговоров. Иногда, сидя за общим столом в трапезной, Мелисса ловила на себе его грустный, будто потерянный взгляд, этим всё и ограничивалось. Впрочем, не встречаться и не говорить оказалось, несложно, поскольку он практически постоянно находился в компании Лейдульва, Ульвхвата и прочих оборотней. Кажется, они занимались то ли тренировками, то ли обучением молодёжи, как поняла Мелли из кратких объяснений брата Руни, когда сестра-близнец предъявила ему претензию, что он то и дело где-то пропадает.

Самой Мелиссе это обстоятельство пришлось на руку. Арнульв больше не преследовал её, и она даже начала подумывать, что он образумился и перестал лелеять идею найти подтверждение своей мысли об истинной паре. Но Эдмер Сигестан ещё не приехал, и девушка пришла к выводу, что едва ли сможет покинуть Приграничье до праздника. Ведь Лейдульв обещал, что с ней поедут провожатые из числа оборотней, а кто из них захочет пропустить столь важное для них событие? Оставалось лишь смириться с тем, что быстро уехать не получится, а, значит, ей придётся присутствовать на празднике и увидеть всё, что там будет происходить.

«Я справлюсь, — ворочаясь в постели бессонными ночами, говорила себе Мелли. — Я смогу жить дальше. Всё так, как и должно быть».

Но уговоры помогали плохо, и, забывшись сном лишь под утром, она просыпалась с тёмными кругами под глазами и мокрой от слёз подушкой.

Мелисса старалась не думать о том, испытывает ли какие-то страдания Арнульв. Если допустить мысль, что она действительно его истинная пара, и её отказ будет означать для него одиночество на всю оставшуюся жизнь... Нет, лучше не терзать себя напрасными размышлениями, которые всё равно ни к чему не приведут и лишь заставят её мучиться ещё и от угрызений совести.

Но разве можно решиться на безрассудный поступок, что он ей предложил в их последнем разговоре? Просто сбежать куда глаза глядят, стать отверженными и среди людей, и среди оборотней. Подвести не только собственную семью, но и Лейдульва, который обещал его величеству приглядывать за ней до замужества.

Так Мелисса поступить не могла.

Накануне праздника к ней заглянула Руни. Похоже, дочь предводителя оборотней пребывала в хорошем настроении. Если и волновалась о предстоящем, то ожидала наилучшего исхода задуманного.

— Что ты наденешь завтра? — любопытствовала она, поглаживая пальцами грубоватую, но красивую вышивку на своём светло-сером платье. — У тебя есть что-нибудь нарядное? Если хочешь, я могу одолжить.

— Есть, — отозвалась Мелли. По правде говоря, она не думала, что ей здесь могут понадобиться платья, предназначенные для торжественных случаев, но нянюшка всё же упаковала одно из них, которое Мелисса надевала, когда у них в поместье случались гости. Вот и пригодится.

— Замечательно. Хоть это и не твой праздник, ты тоже должна выглядеть хорошо. Пожелай мне удачи! — выдохнула Руни, взволнованно прижав руки к груди и ничем не отличаясь в эту минуту от самой обыкновенной девушки, чья судьба должна вот-вот решиться. — Я никогда ещё не обращалась с вопросом к Ясноокой, но верю, что мне она непременно ответит. Знаешь, у меня на сердце есть

один мужчина, и я надеюсь, что именно он и окажется моей истинной парой.

— Вот как? — Мелли бросила на неё заинтересованный взгляд. — Что ж, удачи тебе!

— Отношения у нас с тобой не слишком-то заладились, прости, — вдруг сказала собеседница. — Делить нам нечего. Ты скоро уедешь отсюда, выйдешь замуж, и пути наши больше никогда не пересекутся.

— Да, — согласилась Мелисса.

— Чтобы показать, что я сожалею о том, что была с тобой груба, доверюсь тебе. Скажу имя того, кого хочу видеть рядом с собой всегда-всегда. Не как друга или названного брата, а как супруга. Только не говори никому! Завтра и так все узнают!

— Хорошо, не скажу.

— Это Арнульв! — выпалила Руни. — Ты удивлена? Не спорь! Вижу, что удивлена! Даже отец считает, будто он мне как второй брат, но... Да, мы выросли вместе, однако общей крови у нас нет. Отец относится к нему как к сыну, а после нашей свадьбы мы породнимся по-настоящему.

— Я... не ожидала, — ответила Мелли, отводя взгляд. Язык не слушался, казался тяжёлым и неповоротливым. — А ему ты говорила... о своих чувствах?

— Конечно, нет! — помотала головой Руни и убрала за ухо выбившуюся из косы прядь светлых волос. — Кто же будет заговаривать о таком ни с того ни с сего? Надо дождаться праздника, там всё и решится!

«Да, — мысленно согласилась Мелисса. — Там всё решится. Но, если и Руни, и Арнульв... Если они оба зададут Ясноокой такие вопросы, ожидая получить разные ответы, тогда... И будут ли эти ответы в действительности разными?»

Увы, пока она в этом сомневалась. Не потому, что верила в возможность счастливого исхода для них с оборотнем. Но потому что помнила его слова о Руни. Он всегда говорил о ней так, как мог бы говорить о сестре. Кто же знал, что сама она испытывала к Арнульву совершенно другие чувства?..

«Не рассказать ли ему о нашем с ней разговоре? — подумала Мелли, но тут же отбросила эту мысль. — Нет, так будет неправильно.

Ведь праздник уже завтра, лучше дожидаться его. Кто знает, возможно, Ясноокая и не пожелает никому отвечать? А, когда я уеду, то Арнульв, может быть, посмотрит на Руни иным взглядом и поймёт, что она действительно подходит ему куда лучше меня».

— А бывали у вас случаи, чтобы оборотень женился на той, кто не приходится ему истинной парой? — полюбопытствовала она.

— Зачем? — удивилась полукровка. — Ведь сама наша покровительница так задумала. Она посылает нам истинные пары, и так предопределено задолго до моего появления на свет.

— Но, если хотя бы предположить... Ведь не всегда же возможен союз с тем, кто является истинной парой. Или же... может случиться и безответная любовь, — стараясь говорить без намёков на грустную историю Лейдульва, произнесла Мелисса, но, похоже, собеседнице её слова пришлись не по нраву.

— Не суди о том, в чём ничего не понимаешь, — нахмутив брови, пробурчала Руни. — Ты ведь не оборотень, откуда тебе разбираться в наших порядках? Я верю, что Арнульв — моя истинная пара, и нечего тут намекать на то, что мои чувства могут остаться без ответа. Даже если пока он не ощущает того же, то после праздника всё изменится. Он не сможет сопротивляться зову, и нынешний брачный период — самый подходящий для того, чтобы мы с ним сочетались браком.

«Вот ведь избалованная девчонка! — про себя возмутилась Мелли. — Всё уже решила за двоих и никаких аргументов против не желает даже слушать. А ведь сама, хоть и выросла здесь, волчица всего лишь наполовину, а на другую половину — такой же человек, как и я».

Но вслух спорить не стала, только пожала плечами.

— Пойду я. Надо помочь Нанне. Увидимся!

Когда Руни вышла из комнаты, Мелисса, проводив её взглядом, тяжело вздохнула. На сердце будто холодный камень лежал. Не давал ни дышать полной грудью, ни улыбаться, ни плакать.

По правде говоря, Мелли не слишком-то удивилась тому, что услышала от дочери предводителя оборотней. Достаточно вспомнить Арнульва, его голос, его взгляд, согревающий, как лучи весеннего солнца. В него нельзя не влюбиться. Даже среди других местных мужчин, отличавшихся силой и статью, он выделялся. А Руни знала его куда дольше, чем сама Мелисса, так что наверняка успела всей

душой к нему привязаться, и первым, о ком она начала мечтать, взрослея, превращаясь из девочки в девушку, тоже оказался он.

«Удивительные фаталисты эти оборотни, — сказала себе Мелли. — Ведь Лейдульв не мог не понимать, что выбранная им женщина может не уйти с ним в Приграничье. Однако для него не существовало никого, кроме неё».

Несмотря на всю романтичность этой истории, наверняка впечатлившей и растрогавшей бы читателей, если описать её в романе, от неё веяло трагичностью и безысходностью. Встретить и тут же потерять. Воспитывать детей и жить дальше, когда единственная любимая уже покинула мир живых. Мелисса уважала предводителя оборотней, но никому бы не пожелала такую же судьбу, какая выпала ему. Он был достоин большего, чем вечное одиночество.

Чтобы не сидеть на месте и не гадать со страхом, что для неё, Арнульва и Руни готовит завтрашний день, Мелли заняла себя делами. Перебрала одежду, критическим взором оглядела платье для праздника. Не слишком ли измялось за время пути? Отвлекать от забот служанок не хотелось, но и в мятом идти тоже не выход. Может, она и не королева праздника, а всё же матушка приучила её всегда выглядеть красиво и опрятно.

Прислужница неожиданно появилась сама — заглянула напомнить, что в купальне нынче женский день.

— Чтобы вы снова не ходили туда в мужской, — не без ехидства добавила она, и у Мелиссы кровь прихлынула к лицу от воспоминаний о том, к чему привёл её тогдашний поход в купальню.

— Благодарю, — ответила ей Мелли холодно. — Только, боюсь, меня снова придётся провожать. Я не запомнила дорогу. И помогите мне приготовить праздничное платье. Надеюсь, у вас найдётся уют?

— А как же, конечно, есть, — буркнула собеседница. — Так как? Вас прямо сейчас проводить али погода?

— Чуть позже, сначала займёмся платьем. — Мелисса погладила нежную светло-голубую ткань. — Оно требует деликатного обращения, так что я хочу лично всё проконтролировать.

«Матушка бы мною гордилась», — подумала она, не обращая внимания на скорченную недовольной претензиями гостьи служанкой кислую физиономию.

Глава 15

Бытовые хлопоты действительно отвлекали. Сначала под строгим надзором Мелиссы платье было приведено в порядок и оставлено в комнате дожидаться завтрашнего дня. Затем девушку проводили в пустую — все уже успели покончить с гигиеническими процедурами раньше — купальню, где она с наслаждением поплескалась в тёплой воде, отгоняя от себя мысли о том, как в прошлый раз встретила здесь с Арнульвом. Второго куска мыла нянюшка не положила, так что пришлось удовольствоваться тем, что принесла служанка. Впрочем, несмотря на отсутствие приятного запаха, пенилось оно ничуть не хуже привычного и любимого.

Вернувшись в комнату после купания, Мелли отказалась от ужина и легла спать. Удивительно, что бессонница её в эту ночь совершенно не мучила. Впрочем, даже если не спать всю ночь, следующий день всё равно наступит, так что перед испытанием, которое сулил приближающийся праздник, следовало хорошенько отдохнуть.

Наутро все второпях позавтракали в трапезной, а затем разбрелись по своим покоям — одеваться к празднику. Поскольку облачиться в нарядное платье без посторонней помощи не получилось бы, Мелиссе пришлось попросить о подмоге одну из служанок. Та, в отличие от той хмурой особы, которая вчера занималась глажкой, смотрела на тонкую ткань, украшенную вышивкой, с восхищением и дотрагивалась до неё так аккуратно, будто одним прикосновением боялась испортить.

Мелли не надевала это платье уже довольно давно и сейчас, несмотря на повод, поняла, что рада возможности снова в него нарядиться. словно получила весточку из родного дома — тёплое, как солнечный лучик, воспоминание о тех беспечных днях, когда она с нетерпением ожидала прихода гостей, вокруг суетились горничные, и столовую наполняли вкусные запахи. Сейчас, наверное, у семьи Тидхелм и визитёров-то не бывает, все о них позабыли или сознательно приняли решение не общаться, точно опала, как заразная болезнь, могла передаваться другим.

Несправедливо! Ошибся только дядя Артуриус, а пострадали все. У дядюшки собственной семьи — жены и детей — нет и никогда не

было. Сначала он путешествовал и прожигал жизнь, затем сибаритствовал дома, а после его втянули в закрытый клуб для аристократов, с которого всё и началось. Теперь же ему придётся коротать остаток жизни в тюрьме или в ссылке, а его племянников словно ветром разбросало. Соберётся ли ещё когда-нибудь семья вместе? Или выбранный королём супруг не позволит ей даже навещать родителей?

— Вы такая красивая! — услышала Мелисса шёпот помогающей ей служанки. — Очень красивая! Не грустите!

В её глазах, будто в зеркале, которого не имелось в её спальне, Мелли видела собственное отражение и понимала, что да, она действительно хороша собой. В этом платье, лёгком, как лебединые перья, воздушном, нежно обнимающем тело. Она красива даже тогда, когда не улыбается, как сейчас, а всеми силами старается сдержать слёзы, потому что, как известно, слезами горю не поможешь.

А прощание с первой и такой безнадёжной любовью — разве не горе?..

— Спасибо, — отозвалась Мелисса. — Ты ведь не оборотень, верно? Родом из ближайшей деревни?

Девушка кивнула.

— А не страшно было идти сюда в услужение?

— Поначалу побаивалась, а теперь лучшего места и не представляю. Оборотни — честные и достойные хозяева, жалованье платят вовремя, да и к женщинам не пристают. Нанна, конечно, иногда бывает сердитой, но я к её ворчанию уже привыкла.

— А в большом городе побывать не хотелось бы? — полюбопытствовала Мелли.

— Да кому мы там нужны, кроме жулья всякого? — фыркнула собеседница. — В больших городах, небось, вор на воре сидит и воров погоняет! Только и ждут, когда приедет глупая деревенщина, чтобы залезть к ней в карманы!

— Ну, возможно... — Мелисса пожала плечами. С такой точки зрения она на города не смотрела. Мечтала о поездке в столицу, но понимала, что будет передвигаться по ней исключительно в карете и под присмотром. — И всё же там красиво.

— У нас тоже красиво! Снег на солнце блестит и переливается, как драгоценные камни, а при лунном свете отликает серебром. А

весной распускаются первоцветы. Мы с подругами всегда за ними ходим. Даже примета есть — та, что отыщет первый весенний цветок раньше остальных, первой выйдёт замуж.

— И что, сбывается?

— А как же!

Мелли невольно улыбнулась. Хорошо, наверное, быть такой простодушной, как эта молоденькая служаночка, жить обычной жизнью, до которой дела нет его величеству. Зато и выбирать можно сердцем, а не покоряться чужой воле.

«Я ей что, завидую?» — спросила себя Мелисса и вдруг поняла, что действительно завидует. Будь она на месте этой девушки, могла бы стать женой Арнульва. Но на собственном месте у неё такого права нет и не будет. Только и остаётся, что отпустить его, пожелав ему счастья, а Руни удачи, и покинуть Приграничье. Кто бы мог подумать, что она будет сожалеть о том, что настала пора уехать из места, показавшегося ей поначалу таким суровым и негостеприимным?

— Кажется, уже пора! — напомнила собеседница и открыла перед ней дверь.

Придерживая обеими руками подол платья, Мелли вышла из комнаты и, миновав хитросплетения длинных коридоров, шагнула на первую ступеньку лестницы. В стёклах витражных окон танцевало солнце. Сердце взволнованно стучало, а дыхание перехватывало при мысли о том, что должно случиться совсем уже скоро.

У подножия лестницы, не сводя с Мелиссы взгляда, стоял Арнульв.

К лицу прихлынула кровь, и девушка, замедлив шаг, крепче вцепилась в гладкие деревянные перила. Почему он здесь? Так смотрит... Пристально, даже не моргая, будто обжигая взглядом, который, словно бы проникая под тонкую ткань платья, касался кожи. Если кто-нибудь заметит реакцию оборотня на её появление, без труда догадается о том, что они не просто знакомые...

Но поблизости, на её счастье, никого не было.

Арнульв протянул руку, но, поборов искушение вложить дрожащие от волнения пальцы в крепкую ладонь, Мелли спрятала обе руки за спину.

— Я хочу проводить тебя в большой зал, — проговорил он.

— Спасибо, не нужно, — отозвалась она, стараясь вложить в слова как можно больше холодности, но голос срывался, выдавая её чувства. — Я знаю дорогу. Иди.

— Чего ты боишься? Если Ясноокая ответит, что мы истинная пара, все об этом узнают. Я сам объявлю, что женюсь на тебе.

— Объявишь всем?! Женишься?! Ты с ума сошёл! — не сдержала Мелисса громкого восклицания и тут же огляделась по сторонам — не слышал ли кто? — Так неправильно, — добавила уже тише. — Ко мне со дня на день приедет жених. А ты... Руни... — хотела рассказать о том, что вчера услышала от дочери предводителя оборотней, но смолчала.

— Неправильно? — усмехнулся он. — Неправильно — обманывать себя. Неправильно — выходить замуж за того, кого не любишь.

— Девушки моего положения редко выходят замуж по любви.

— Разве ты не утратила это положение? Иначе танцевала бы сейчас на балах в столице, а не находилась бы среди нас. Уверен, если я поговорю с Лейдульвом, он поймёт меня и поможет откупиться от короля и от... того человека, которого он за тобой отправил.

— Как у тебя всё просто! — вздохнула Мелли. — А если Лейдульв не захочет нам помогать? Или его величество откажется от выкупа?

— Тогда мы убежим, как я и предлагал.

— Если мы так поступим, король может наказать за моё поведение моих близких. Я уже говорила, что такое возможно. И... не могу так рисковать.

— Сюда кто-то идёт. Поговорим позже. И помни, что я не отказался от своего намерения задать вопрос Ясноокой.

— Так, значит, её ответ услышишь только ты?

— Не только я, — бросил Арнульв, уходя. — Мы оба. Чтобы ты не сомневалась и не считала, будто я всё выдумал.

От его слов спокойнее не стало. Но она хотя бы узнала, что голос богини не раздастся во всеуслышание. И Арнульв, и Руни, если и услышат ответы Ясноокой, то таким образом, что смогут выбрать, нужно ли говорить о них другим.

А Мелисса уж постарается убедить молодого оборотня, чтобы он промолчал.

В большом зале уже собрались почти все. Мелли скромно пристроилась сбоку, среди тех, кто ожидал, когда же начнётся праздник. Сначала всем предстояло выслушать речь Лейдульва, затем проследовать к святилищу Ясноокой, чтобы выразить ей почтение, и тогда все желающие смогли бы задать покровительнице свои вопросы. После же присутствующих ожидало щедрое угощение в трапезной, а следом — веселье и танцы. Закончилась долгая зима, наступала весна, счастливое и радостное для всех оборотней время обретения своей пары и свадебных празднеств.

Как было бы просто, если бы Арнульв и Руни оказались истинной парой! Лейдульв наверняка бы порадовался. Брак юноши, которого он воспитал как собственного сына, и любимой дочери — что могло бы оказаться лучше для вожака клана? Уж точно ему не нужны неприятности с тем, чтобы выкупить у короля Сильвия Первого младшую дочь опального рода, чья участь — своим послушанием искупить грех родственника. Может, Арнульв пока этого и не понимал, однако для Мелиссы всё было очевидно, и в то, что оборотни станут защищать её перед его величеством, она не верила.

На мгновение промелькнула малодушная мысль — а не сбежать ли сейчас, пока праздник ещё не начался? Спрятаться в своей комнате, не присутствовать у святилища. Только едва ли её уход заставит Арнульва передумать, мало ли, ещё вознамерится отправиться на поиски, да и другие могут начать задаваться вопросом, куда подевалась гостья.

— Красивое платье! — услышала она и, обернувшись, увидела Руни.

— Спасибо! — Мелисса заставила себя улыбнуться. — И твоё.

Дочь Лейдульва действительно расстаралась для праздника. Выглядела, точно принцесса, облачённая в платье из тёмно-синей парчи с серебристой вышивкой, которое выгодно оттеняло её светлые волосы, уложенные в корону из кос. На лице отражалось взволнованное ожидание, и у Мелли дрогнуло сердце при мысли о том, что Руни сегодня услышит от Ясноокой.

Торжественную речь Лейдульва Мелисса слушала рассеянно, спохватилась лишь под конец, когда в зале воцарилось напряжённое молчание, а стоящая рядом Руни прижала ладонь в губах, словно пытаясь сдержать рвущийся с губ крик.

Лейдульв говорил об опасности, которая надвигалась на Приграничье. О той опасности, которую и прежде сдерживали оборотни. Однажды она отступила — и все в то время решили, что навсегда — но сейчас приближалась снова.

Теперь Мелли понимала, к чему он готовил Арнульва, Ульвхвата и других молодых оборотней. Готовил, до поры до времени не говоря им всей страшной правды и лишь сейчас рассказав её в присутствии всех обитателей замка.

Глава 16

На лицах окружавших девушку оборотней отражалась настороженность. Однако даже тени неверия в слова своего предводителя на них не промелькнуло. Казалось, скажи он сейчас, что им нужно прямо с праздника отправиться воевать, и никто ни словом, ни жестом не возразит.

— Так это правда? — спросила Мелисса. Все взгляды тотчас же обратились в её сторону. — Не легенда?..

— Хотел бы я, чтобы это было легендой, — вздохнул Лейдульв, показавшийся вдруг куда старше, чем он выглядел обычно. Отчётливее стали видны морщины, а в звучном голосе будто появился надлом. Словно непоколебимая каменная скала пошатнулась, и смотреть на эти изменения оказалось так страшно, что у Мелли похолодели руки. — Я надеялся, что мои дети с этим не столкнутся. Сожалею, что пришлось рассказать вам всё в столь важный и радостный для нас день. Простите. И ты, Мелисса, меня прости тоже, — добавил он, неотрывно глядя на гостью.

— А мне за что вас прощать? — ответила она. — В том ведь нет вашей вины. К тому же, я скоро уеду и...

— Нет, девочка. Пока ты находишься на моём попечении, я отвечаю за тебя перед его величеством. В стенах замка ты в безопасности, но за его пределами тени с каждым днём сгущаются, и покидать его молодой девушке слишком рискованно. Да и своих провожатых с тобой я теперь уже отправить не смогу, для них найдутся другие дела. Если бы твой жених приехал немного раньше, вы ещё могли бы уехать, но, видимо, что-то его задержало.

Такого ответа Мелли никак не ожидала. Она ошеломлённо застыла на месте, пытаясь уложить слова Лейдульва в голове. Но не получалось, мысли путались, и всё, чего ей хотелось сейчас — оказаться рядом с Арнульвом, в его утешающих объятиях. Но молодой оборотень стоял возле своего вожака, и было явно не самое подходящее время для того, чтобы окружающие узнали о его чувствах к госте. Потому она смолчала, стараясь держаться с достоинством и не впадать в панику, несмотря на то, что пока не могла даже толком

понять, что именно представляет из себя та опасность, о которой говорил предводитель оборотней. Воинственно настроенные дикие племена? Или какие-то сверхъестественные существа, жаждущие крови?

Чем бы та опасность ни оказалась, она уже близко, и все присутствующие это осознавали.

— Мы не будем нарушать традиции, — продолжал Лейдульв. — И я хочу, чтобы те из вас, кто вступает в брачный возраст, обратились к Ясноокой с вопросами, если на то есть ваше желание. А затем мы отправимся в трапезную и подкрепим силы. Жизнь продолжается. Мы выполним свой долг, как выполняли его наши предки.

Все одобрительно закивали и один за другим начали выходить из зала. Механически, точно заводная кукла, переставляя ноги и лишь каким-то чудом не наступая на подол платья, Мелисса последовала за ними. Сердце громко стучало. Ей всё ещё не верилось в то, что за Приграничем в самом деле обитает что-то жуткое и хищное, и лишь оборотням под силу сдерживать наступление неведомой опасности. Если бы не они, та уже давно распространилась бы дальше, не пощадив никого.

Мелли казалось, будто она, как в детстве, всего лишь услышала страшную сказку, но на сей раз всё являлось правдой, и прятанье под одеялом не помогло бы ей, как в те безмятежные дни. А хуже всего — не то, что нет возможности покинуть Приграничье в ближайшее время. Хуже всего то, что Арнульву — её Арнульву! — придётся сражаться вместе с остальными, рискуя собственной жизнью.

Мелисса старалась отгонять пугающие мысли, но те, точно назойливые мухи, тут же возвращались снова. Она задержала дыхание, чувствуя, как стискивает рёбра туго затянутый корсет, и отрешённо взглянула на статую Ясноокой, к которой с мольбами об успешном исходе приближающейся войны подходили оборотни. А затем к ней направился Арнульв, шагая с такой уверенностью, словно ничто в целом мире не смогло бы его остановить. Закаменевшая, будто и сама превратилась в статую, девушка не слышала его слова, но знала их содержание. Он задавал своей покровительнице вопрос, ответ на которой должны были услышать двое.

Поначалу ничего не происходило. Арнульв с низким поклоном развернулся и выпрямился. Когда же Мелли уже почти понадеялась на

то, что ничего больше не случится, в её ушах вдруг раздался мелодичный женский голос, звучащий подобно перезвону серебряных колокольчиков.

Голос повторял одно лишь имя.

— Арнульв. Арнульв! Арнульв... — звучало на разные лады, и Мелисса смятенно оглядывалась по сторонам, убеждаясь в том, что больше никто того же не слышит. — Однако ты ведь и сама об этом знала, верно? Тебе подсказывало сердце.

«Но я же не оборотень», — мысленно возразила Мелли.

— Неважно. Вы — истинная пара. Ваши судьбы связаны, мне точно известно. А что тебе теперь делать с этим знанием, твой выбор. Смотри, не ошибись с решением! — насмешливо добавила Ясноокая, и голос в голове смолк окончательно.

А потом перед Мелиссой появился Арнульв. Его твёрдый взгляд светился расплавленным янтарём, и в нём она прочла то, что он, разумеется, тоже услышал ответ лунной богини. И теперь ни капли не сомневался и в собственных чувствах, и в том, кто предназначен ему судьбой.

Мелли наверняка знала, что, поскольку в её жилах не течёт волчьей крови, она в силах сопротивляться. А потому может отказаться от него, как когда-то мать Ульвхвата и Руни отказалась от Лейдульва. Руни!

Вспомнив о вчерашнем разговоре, Мелисса поискала глазами дочь предводителя оборотней, но её нигде поблизости не было видно.

А вдруг Руни видела, как Арнульв подходил к статуе? Если она поняла его цель, то, возможно, уже пришла к выводу, что не является его истинной парой. Не наделала бы глупостей!

— Нужно найти Руни! — оставив на потом объяснения, воскликнула Мелли и схватила Арнульва за руку. — Скорее! Мы должны её отыскать!

Первым делом они вернулись в большой зал, но тот уже опустел. Затем бросились к комнате девушки, но там никого не оказалось. Возвратились к святилищу, поспрашивали стоящих там оборотней, но никто не мог сказать, когда в последний раз видел дочь Лейдульва. Даже сам он лишь пожал плечами в ответ. Вся надежда оставалась на Ульвхвата, который обнаружился у дверей трапезной, однако и он

ответил, что потерял сестру из виду, поскольку не обязан приглядывать за ней в надёжных стенах замка.

— Где ещё она может быть? — спросила у спутника Мелисса. — Неужели вышла? Если она там...

— Погода портится, — заметил, нахмурившись, Арнульв. — Но сначала поищем ещё немного в замке. Хорошо?

— Хорошо, — отозвалась она и, переведя дыхания, заспешила следом за ним.

Замок оборотней напоминал запутанный лабиринт. Неужели когда-то она здесь замерзала? Мелли почти бежала за Арнульвом, её бросало в жар, а подол платья приходилось крепко сжимать одной рукой, чтобы не упасть, споткнувшись об него. Корсет впивался в рёбра. Заметив, что ей тяжело, мужчина остановился, чтобы дать девушке немного отдохнуть, и привлёк к себе, ласково поглаживая по волосам.

— Почему ты так о ней беспокоишься?

— Руни... — Имела ли она право рассказывать чужую тайну? — Руни хотела спросить у Ясноокой о своей истинной паре и, не получив желаемый ответ, могла сильно огорчиться. А тут ещё и это объявление Лейдульва... Слишком много всего сразу на неё одну.

— Но я не видел, чтобы она подходила к статуе Ясноокой.

— Если она слышала, о чём спрашивал ты, ей не было нужды подходить.

— Что ты этим хочешь сказать? — Арнульв уставился на собеседницу с удивлением. Ах, до чего же недогадливый!

— Я хочу сказать, что Руни любит тебя! — выпалила Мелисса и отвела взгляд. — Она рассказала мне вчера... Именно о тебе она и собиралась спросить у вашей богини-покровительницы.

— Но мы же... Я никогда не думал, что... Мне всегда казалось, будто она считает меня братом, как я считал её сестрой!

— Знаю. Но чувства девушки... Руни могла хорошо их скрывать, так что ни ты, ни Ульвхvat с Лейдульвом ни о чём даже не подозревали. А теперь представь, в каком она сейчас состоянии. Ведь голоса Ясноокой так и не услышала, следовательно...

— Да, — прерывисто выдохнул молодой оборотень. — Возвращайся к остальным. Я поищу её во дворе.

— Я с тобой!

— Мелисса, твоя одежда не подходит для прогулок, — терпеливо пояснил он, держа её за плечи и заглядывая в глаза. — А я не замёрзну. Кроме того, ты ведь собиралась скрывать то, что нас связывает, а сейчас кто-нибудь может заметить, что мы слишком много времени провели наедине якобы в поисках Руни.

— Ладно, — неохотно согласилась Мелли. Теперь они словно поменялись местами — в ней проснулось безрассудство в то время, как Арнульв взывал к её разуму. — Береги себя.

— И ты, — наклонившись к ней и касаясь её лба губами, шепнул он. — Найдёшь обратную дорогу? Или проводить?

— Найду, — улыбнулась она. — Отправлюсь сразу в трапезную. Будем надеяться, что скоро вы оба ко мне присоединитесь.

Мелисса зашагала в нужном направлении. Сейчас она могла не торопиться и идти медленнее. В тишине коридоров гулко звучали её шаги, и, казалось, точно она совсем одна в огромном заколдованном замке. А ведь здесь живут оборотни и слуги. Просто все в эту минуту собрались в другом крыле, вот и кажется, что никого нет.

Услышав какой-то шум, Мелли остановилась. Сердце испуганно застучало. Может, следовало принять предложение Арнульва и позволить ему её проводить?..

— Наконец-то мы встретились! — услышала она и не сдержала вскрика, когда из-за очередного поворота к ней шагнул незнакомый мужчина. Он выглядел не так, как все местные, хотя от него пахло морозом, а на бархатной ткани чёрного плаща таяли снежинки. — Вы этому рады?

— Вы меня знаете? — осведомилась Мелисса.

— Разумеется, — усмехнулся сероглазый незнакомец. — Вы ведь получили моё письмо, не так ли? Меня зовут Эдмер Сигестан.

— Вы приехали?! — воскликнула она, отшатнувшись.

— Как и обещал. Но почему же вы так странно на меня реагируете — словно на вас напали из-за угла, требуя жизнь или кошелёк? Даже, я сказал бы, невежливо. Я проделал долгий путь и рассчитывал на куда более тёплый приём. Как прискорбно!

— Простите... — устыдилась Мелли. — Сегодня в замке праздник. Если вас впустили, то должны были об этом предупредить.

— Да, что-то припоминаю, — отозвался он.

— Вы, наверное, проголодались с дороги, а я как раз направляюсь в трапезную, — проговорила она, стараясь взять себя в руки. — Можете составить мне компанию. Я представлю вас остальным.

— Вы здесь будто уже совсем своя, — хмыкнул собеседник. Взял её под локоть, заставив вздрогнуть от ледяного прикосновения его руки и одежды. — Привыкли?

— А у меня имелся выбор?

— Тут демонски холодно, — бросил он, не прокомментировав её слова. — Но ничего, скоро вы сможете согреться. Я прибыл из жаркой страны, и мы отправимся туда вместе.

Глава 17

Руни стояла во внутреннем дворе замка, жадно вдыхая холодный воздух. Она выскочила, не одеваясь, в одном лишь платье, но кровь оборотней не позволяла ей быстро замёрзнуть. От ворот слышались голоса и конское ржание, но идти и смотреть, что там происходит, девушку не тянуло. Не хотелось никого видеть, ни с кем разговаривать. Даже мысли об угрозе, о которой говорил отец, отступали, когда она вспоминала то, что случилось позже.

Арнульв опередил её! Он подошёл к статуе Ясноокой, чтобы спросит о том, кто его истинная пара. Стоя в толпе, Руни наблюдала за ним, и её чуткий слух позволил услышать его слова, в которых звучала самая настоящая искренность. Сердце полукровки стучало вспугнутой пташкой, а душа наполнялась предвкушением. Оно было сильнее страха из-за возможной опасности, ведь вместе — Руни точно знала — они сумеют совладать со всеми невзгодами.

Она много раз представляла себе этот момент. Представляла, как услышит голос своей покровительницы, произносящий обращённые к ней слова. Но отчего-то, несмотря на то, что Арнульв уже успел отойти от статуи богини, Руни ничего не слышала, как бы ни напрягала голову и ни закрывала глаза, чтобы сосредоточиться получше.

Почему? Неужели Ясноокая не снизошла к ним? Посчитала её недостойной, потому что она, Руни, оборотень лишь наполовину?

Несправедливо!

А затем она увидела, к кому направлялся Арнульв, и на неё обрушилось горькое понимание. Он даже не смотрел в её сторону, потому что шёл совсем к другой девушке. К чужачке! А та повернулась к нему, больше ничего вокруг не замечая. И между ними двумя словно натянулась невидимая сияющая нить, которая притягивала их друг к другу.

Руни, едва сдержав то ли смех, то ли плач, бросилась прочь. А она-то, дурёха, боялась, что Ульвхvat заинтересуется Мелиссой. Но у её брата-близнеца хватило ума даже не глядеть в сторону приезжей. Опасность подстерегала вовсе не там. Ей следовало бы раньше

подумать о такой вероятности, раньше заметить, что Арнульв стал другим после того, как эта девица появилась в замке.

А теперь уже поздно.

Ответ Ясноокой услышала другая.

Руни хотела бы об этом забыть, однако уже сейчас знала, что никогда не сможет.

Начиналась метель, снег летел в лицо, ветер развевал подол платья, но уходить не хотелось. Здесь было хорошо. Казалось, будто её подхватывала стихия, ласково, как мать, которой она никогда не знала, обнимая и баюкая песнями ветра.

Но внезапно что-то изменилось. Исчезло чувство, что она в безопасности. Руни насторожилась, ощутив, как все человеческие и волчьи инстинкты разом кричат ей: беги!

Убежать она не успела. Стоило сделать шаг в направлении тропинки к двери замка, за которой горел свет, как перед ней выросла тёмная тень. Большая и расплывчатая, как пятно выплеснутых на белый лист чёрнил.

Руни вскрикнула. Отшатнулась, едва не упав на спину. Её сковывал страх, подобного которому она никогда в своей жизни ещё не испытывала. Панический, заставляющий забыть, кто она, где она. Он будто вытягивал из неё силы противиться.

Девушка не знала, сколько длилось показавшееся вечностью ощущение всепоглощающей жути. А затем раздалось знакомое рычание, и между нею и чёрной тенью прыгнул белый волк. Припав к земле, он угрожающе оскалил зубы.

Арнульв! Но он совсем один! Нужно звать подмогу!

Воспользовавшись тем, что странное существо, кем бы оно ни было, отвлеклось на волка, Руни кинулась бежать. У ворот стояли двое стражников, им она и указала на то место, где всё происходило, а сама помчалась в замок. Надо немедленно рассказать отцу!

Теперь Руни понимала, что именно об этой опасности он и говорил. Прежние нападения случались так давно, что почти стали легендой. Страшной сказкой из прошлого их предков. Оборотни-пограничники зажили мирной жизнью. Предводитель клана рассчитывал, что так будет и впредь, и никто не мог предположить, что угроза снова окажется у порога.

Все уже собрались в трапезной. И отец, и прочие, и даже Мелисса. Возле неё сидел какой-то незнакомец, по-хозяйски положив ладонь на её руку. Неужто жених наконец-то приехал? Наверное, его появление у ворот Руни и слышала, когда вышла во двор.

Впрочем, сейчас это неважно, всё неважно, лишь бы Арнульв спасся!

Пробравшись к тому месту, где восседал Лейдульв, Руни наклонилась к его уху. Кричать на весь зал она не стала. Понимала, что правильнее будет не поднимать панику, а возложить ответственность на того, кто будет отдавать дальнейшие распоряжения. На того, кому она доверяла больше, чем себе самой. Её детская вера в отца и его могущество была такой крепкой, что ничто не смогло бы эту веру поколебать.

Лейдульв выслушал её молча, плотно сжав губы. Затем поднялся, окликнул кое-кого из сидящих за столом. Взглянул в глаза дочери.

— Я пойду с вами!

— Нет. Ты должна остаться здесь. Будь рядом с братом и ничего ему пока не говори.

Но Ульвхват уже о чём-то догадался и, встав с места, ринулся к двери. Даже позволения у отца не спросил! Руни со страхом смотрела ему вслед, тщетно силясь отогнать дурное предчувствие.

Гостья бросила на неё встревоженный взгляд.

— Ты здесь! А где же?.. Где Арнульв?

— Не твоё дело! — сухо бросила Руни, отворачиваясь от ненавистного ей лица девушки, с которой ещё вчера пыталась быть дружелюбной. Притвора! Ведь эта Мелисса даже удачи ей пожелала!

* * *

Леди Тидхелм стояла у окна пустой и кажущейся сейчас слишком большой гостиной. На сердце было тяжело. Женщина убеждала себя, что она должна радоваться, ведь обе её дочери, можно сказать, успешно пристроены, у сына есть небольшой, но всё-таки шанс сделать карьеру в армии, а они с супругом продолжают жить в своём поместье так же, как и до того, как опрометчивое поведение Артуриуса вмешалось в мерное течение их сельской жизни.

Но, если всё наладилось, почему же на душе так тревожно?..

Будущий муж Мелиссы прогостил у них несколько дней. Он вёл себя достаточно учтиво, а они старались выполнять все его желания. Леди Тидхелм не спрашивала, почему именно Эдмер Сигестан оказался тем, кого выбрал его величество, а сам он не поднимал эту тему. В один из вечеров они с супругом попросили его рассказать о его стране и остались довольны тем, что услышали. Судя по всему, люди там образованные и культурные, а сам господин Сигестан происходил из хорошей семьи, так что их дочь ожидала вполне достойная судьба, не лучше, но и не хуже той, которую они сами бы для неё устроили, если б не утратили такую возможность по причине королевской немилости.

Лорд Тидхелм был всем доволен и прямо сказал жене, что и ей следует благодарить Великую Богиню за то, что Мелли повезло с женихом. Это прозвучало весьма здраво, но она ничего не могла поделать со смутным ощущением неловкости и беспокойства, которое испытывала в компании Эдмера. Казалось, будто он произносил все слова заученно, словно бы без души, а, кроме того, носил непроницаемую маску, за которой скрывалось истинное лицо, способное напугать каждого, кто взглянул бы в него.

Должно быть, у неё просто разыгрались нервы, вот и представлялось невесть что.

Сейчас леди Тидхелм думала о том, что её будущий зять наверняка уже добрался до Приграничья, и скоро они с Мелиссой отправятся в столицу, где и состоится их свадьба. Господин Сигестан сказал, что хочет провести её скромно, без пышного торжества и толпы гостей. Приглашения, на которое она как мать невесты втайне рассчитывала, увы, не прозвучало.

— Госпожа! — услышала леди Тидхелм и, обернувшись, увидела, что её зовёт горничная.

— Что случилось?

— Пожалуйста, позвольте вызвать для Кэйри доктора! Ей совсем плохо! Не думаю, что её болезнь заразна, но всё может быть!

О том, что одна из горничных занедужила, хозяйка слышала впервые, и новость ей совсем не понравилась. У них и без того осталось не так много прислуги, как раньше. А если всё же эпидемия?

— Отведи меня к ней! — приказала она девушке.

Кэйри, прежде служившая личной горничной младшей дочери, всегда выглядела полной сил цветущей особой. Но сейчас никто бы её таковой не назвал. Казалось, будто за пару дней она постарела на несколько лет. Тёмные глаза ввалились, кожа стала болезненно бледной и тонкой, как бумага, руки тряслись. Ужасающее зрелище!

— Как... Как такое могло произойти? — с трудом вымолвила леди Тидхелм. — Может быть, она чем-то отравилась?

— Мы каждый день едим и пьём одно и то же, госпожа, но остальные слуги чувствуют себя хорошо. Она же не на шутку занемогла. А сегодня и вовсе впала в беспамятство!

— Ты меня огорчила, — пробормотала хозяйка. — Пошли кучера за доктором! Будем надеяться, что больше никто не заболит.

Поднявшись на второй этаж, она осмелилась побеспокоить супруга. Он должен знать, что одна из горничных серьёзно больна. Пусть домашнее хозяйство не его, а её вотчина, столь пугающую новость леди Тидхелм скрывать не хотела. К тому же, ей требовалась поддержка. Она уже и не помнила, когда муж просто обнимал её и утешал ласково, но сейчас хотелось немного тепла от того, кто являлся её единственной семьёй после того, как разъехались все дети.

Однако лорд Тидхелм только недовольно приподнял брови, с неохотой оторвавшись от бумаг, которые изучал в своём кабинете.

— Эта девица не бегала в ближайшую деревню или куда-нибудь ещё в последнее время? — осведомился он.

— Я не давала ей выходных. Никому не давала, потому что у нас был гость, — напомнила ему жена. — А после его отъезда прошло слишком мало времени, да и погода испортилась, так что...

— Что ж, в таком случае подождём, что скажет доктор, — отозвался собеседник, явно недовольный тем, что за осмотр и лечение горничной придётся платить. — У простолюдинов ведь крепкое здоровье, они с малых лет закалены и даже практически не простужаются. Так как она могла захворать?

— Ума не приложу, — вздохнула леди Тидхелм, пожав плечами. Сейчас она даже радовалась тому, что её сын и дочери больше здесь не живут. Ведь, если болезнь заразная, они тоже оказались бы в опасности!

— Хм... Если она сама никуда не выходила... А не могла ли заразиться от того, кто посещал дом? — предположил супруг.

— Но нас навещал только господин Сигестан! — воскликнула она, отмечая эту гипотезу. — Который выглядел вполне здоровым, ел с большим аппетитом и не сомневался, что способен проделать верхом долгую дорогу до Приграничья! Да и разве Кэйри общалась с ним ближе, чем мы? Она всего лишь убиралась в отведённой ему комнате, да и то в его отсутствие! Нет-нет, он тут не причём!

Глава 18

Мелисса никак не могла поверить, что всё взаправду. Ещё накануне вечером её незнакомый жених оставался лишь безликим именем на бумажном листе, а сейчас он вёл её под руку по коридорам замка оборотней. Ещё вчера угроза, исходящая от чего-то неведомого за Приграничем представлялась девушке всего лишь легендой, а сегодня стала устрашающей реальностью.

Ей хотелось бы, чтобы всё оказалось сном, но, увы, это происходило на самом деле. Она покорно шагала, ощущая, как крепко сжимает её пальцы идущий рядом мужчина. Чужой, настораживающий. Он выглядел и говорил иначе, чем Арнульв, по-другому улыбался и смотрел на неё. Его речи звучали вполне учтиво, причём без всякого акцента, несмотря на иноземное происхождение, а Мелли хотелось, чтобы вместо него рядом был её оборотень.

Дойдя до трапезной, где уже собрались за столом обитатели замка, Мелисса извинилась за опоздание и представила своего спутника. На него тут же обратились полные любопытства взоры присутствующих. Он, ничуть не смутившись от вызванного их совместным появлением интереса к его персоне, раскланялся и во всеуслышание поблагодарил Лейдульва за то, что тот присматривал за его невестой.

«Присматривал! — фыркнула про себя Мелли. — Как будто я дитя несмышлёное, и мне нужно нос вытирать и с ложечки кормить!» Но заставила себя улыбнуться и поклониться вожаку клана, который внимательно смотрел на неё — так, словно видел не только ту маску, которую она пыталась натянуть на лицо, чтобы скрыть своё смятение, но и всё, что за ней пряталось.

Ни Арнульва, ни Руни за столом не оказалось. Их отсутствие заставляло беспокоиться всё сильнее, с тревогой поглядывая на дверь. Кухарки расстарались, но в рот ничего не лезло, так что девушка лишь пригубила стакан воды. Зато Эдмер Сигестан, кажется, успел проголодаться по дороге. Он отдавал должное угощению, сидя рядом с Мелиссой и время от времени касаясь её руки уверенным

собственническим жестом, от чего она каждый раз невольно вздрагивала.

Когда в трапезной появилась Руни, Мелли с надеждой затаила дыхание, ожидая, что следом покажется Арнульв, но дочь предводителя оборотней пришла одна. Она выглядела взволнованной и тут же кинулась к отцу, которому что-то зашептала на ухо. Лейдульв, нахмурившись, поднялся из-за стола и позвал по именам нескольких мужчин, которые, не задавая вопросов, тут же последовали за ним.

Руни явно желала пойти с ними, но отец ей не позволил. Зато Ульвхват без всякого разрешения помчался к двери, оставив сестру растерянно смотреть ему вслед. Неужели что-то случилось за то время, что они с Арнульвом находились за пределами замка?..

— Ты здесь! А где же?.. Где Арнульв? — боясь выдать собственные чувства и одновременно будучи не в силах не задать этот вопрос, спросила Мелисса.

— Не твоё дело! — отозвалась Руни и презрительно отвернулась. Вероятно, ей всё стало очевидно, когда она не услышала голоса Ясноокой. Или Арнульв сам успел ей рассказать о том, что дочь предводителя для него как сестра и не более?

— Руни, я... — Мелли запнулась. Она чувствовала себя виноватой перед девушкой, хотя и понимала, что ничего не могла изменить. Хотя, если бы она не приехала, возможно, всё сложилось бы иначе? Едва ли...

— Произошло что-то, о чём я не знаю? — напомнил о себе господин Сигестан. Его холодные пальцы обхватили её запястье. Мелисса закусила губу.

— Если вы тот... если вы её жених, то почему вы не приехали раньше? — повернувшись, набросилась на него Руни. — Почему вы не увезли её с собой, пока это ещё было безопасно? А теперь отец не сможет выделить для вас провожатых, и вам обоим придётся здесь задержаться!

— Вот как? — Судя по всему, услышанное Эдмеру не понравилось. — Вы уверены, что мы не сможем уехать?

— Отец отвечает за неё перед его величеством! — кивнула Руни в сторону Мелли, продолжая говорить о ней в третьем лице, так, словно сама она не сидела поблизости, а находилась где-нибудь в другом месте. — Конечно же, он не позволит вам ехать только вдвоём! А

сейчас... когда я сама — собственными глазами! — видела, что там такое...

— Однако вы забываете, что я приехал сюда некоторое время назад, не столкнувшись ни с чем, что бы мне угрожало, — напомнил ей собеседник.

— Значит, вам повезло, — заявила в ответ Руни, глядя на Мелиссу так, что у той и тени сомнения не возникло — если б всё зависело только от дочери Лейдульва, она бы вышвырнула гостью из замка, невзирая на все поджидающие за порогом опасности. Прежде Мелли только доводилось слышать о том, что ревность из самой скромной и добросердечной особы может сделать мегеру. А эта девушка и без того не отличалась кротким нравом, так что сейчас просто закипала от одного лишь взгляда на соперницу.

— Что ж, если задержка не будет долгой, я не против, — вымолвил Эдмер Сигестан, явно сделав для себя какие-то выводы, и взгляд его серых глаз обратился к невесте. — Но, как только покинуть замок станет возможно, мы незамедлительно отправимся в столицу. Там и поженимся.

— Совет вам да любовь! — бросила насмешливо полукровка, заставив Мелиссу неуютно поёжиться. Похоже, она нажила себе врага в замке. Теперь нечего и надеяться на то, чтобы обрести подругу в лице Руни.

Но где же Арнульв? Почему Лейдульв, Ульвхват и другие, не говоря ни слова, бросились прочь из трапезной? Какую весть им принесла Руни? Мелли обвела взглядом сидящих за столом. Судя по выражениям их лиц, все понимали, что за произошедшим кроется недоброе.

Если с Арнульвом что-то случилось, сможет ли она жить дальше? Смириться, покинуть Приграничье, выйти замуж? Хватит ли у неё сил свыкнуться с уготованной ей судьбой, если Арнульва не будет не только в её жизни, но и вообще в мире?..

* * *

Арнульву никогда прежде не доводилось встречаться с подобными существами, но, должно быть, в нём оживала память предков, которые

защищали от них Приграничье. Иначе откуда он знал, что в человеческом облике справиться с ними невозможно? Молодой оборотень стал волком, громко рыча и отгоняя чёрную тень от замершей в испуге Руни.

Полукровка не умела обращаться. Эта способность досталась её брату, но не ей. Должно быть, человеческая кровь в ней оказалась сильнее. Это огорчало дочь Лейдульва, хотя она никогда не подавала вида и считала себя волчицей, да и выросла она среди оборотней, а не в окружении людей. Поскольку они жили в укреплённом замке, а не в диких условиях, от неё не требовалось принимать другой облик, и предводитель клана не пощадил бы любого, кто бы опрометчиво позволил себе оскорбительное или хоть малость пренебрежительное замечание в адрес его любимой дочурки.

Вот и сейчас она смогла лишь убежать, как Арнульву и хотелось. Но он не мог последовать за ней. Эта тварь напала на его подругу, пробравшись во внутренний двор! По всему выходило, что за пределами замка теперь никто не сможет чувствовать себя в безопасности. Но Руни наверняка пришлёт к нему подмогу, а пока предстояло лишь некоторое время продержаться, не сдаваясь и не отступая.

В волчьем облике Арнульв почти не чувствовал страха. Ведь он был волком, а не зайцем, следовательно первым его инстинктом являлось нападение, а не желание убежать, трусливо поджав хвост. Броситься, разорвать, защитить замок и всех, кто там находится!

А в первую очередь — Мелиссу. Мелиссу, которая ждала его в трапезной. Мелиссу, которая сказала ему «Береги себя» на прощание и едва не последовала за ним.

Даже страшно представить, что произошло бы тогда!

Арнульв с облегчением подумал о том, что и Мелисса, и Руни сейчас в безопасности, а это самое главное.

Он втянул носом воздух и заметил что-то странное. От существа ничем не пахло. Ни страхом, ни яростью, ни дымом, ни потом. Чуткое обоняние волка улавливало лишь знакомые и приятные ароматы свежеснеженного снега и смолистой хвои, к которым не примешивалось никаких посторонних запахов. Как необычно...

Эта странность пугала и настораживала, и молодой оборотень пожалел о том, что не успел узнать у Лейдульва больше о тех, от кого

они охраняли Приграничье и расположенные за ним области.

Почему нет запаха? Он должен быть у всех, живых или мёртвых. Пусть слабый, пусть едва различимый, но должен быть!

Тень не спешила нападать, кружа вокруг тёмным грозовым облаком. Арнульв, щеря зубы, вертелся одновременно с ней, стараясь не упустить момент. Хотелось прыгнуть, оттолкнувшись мощными волчьими лапами от земли, щёлкнуть пастью, хватая добычу, но он не спешил. Выжидал. И заранее готовился к тому, что от того, что не имеет запаха, можно ожидать чего угодно.

Всё случилось одновременно. От ворот к нему бежали стражники, а от входа в замок — другие оборотни. Но всех их опередил Ульвхват. Друг успел обратиться раньше остальных и сейчас нёсся к нему в волчьем облике. Тень тоже заметила подкрепление, но вместо того, чтобы уйти, бросилась в атаку на Арнульва.

Однако её добычей стал не он, а тот, кто бросился наперерез.

— Ульвхват! — отчаянно закричал Лейдульв, очевидно, уже понимая, что не успевает спасти сына.

Позже Арнульв не раз вспоминал о том, что произошло. Тень исчезла, оставив тело его лучшего друга лежать на земле. После гибели он вновь стал человеком, и его бледная кожа и светлая одежда почти сливались со снегом. Казалось, он просто спит. Хотелось разбудить, но подоспевший Лейдульв остановил молодого оборотня, когда тот попытался приблизиться.

— Возвращайся в замок! — коротко приказал он.

— Но я...

— Возвращайся! — прорычал вожак, и, не осмелившись ослушаться, Арнульв принял человеческий облик и направился к парадной двери. Ноги не слушались. Казалось, будто на его шее висит камень, придавливая к земле.

Арнульв знал, что никогда не избавится от чувства вины. Знал ещё до того, как Лейдульв отправил его в замок. До того, как к нему в коридоре с надеждой бросилась Руни и, не обнаружив за его спиной брата, всё поняла без слов и замерла на месте.

А затем он увидел незнакомого мужчину рядом с Мелиссой. Тот смотрел на оборотня холодными серыми глазами и по-хозяйски обнимал девушку за талию. Так, будто имел все права касаться её.

— Кажется, мы друг другу ещё не представлены, — проговорил незнакомец. — Моё имя Эдмер Сигестан. Я жених Мелиссы.

— Арнульв, — скрипнув зубами, представился оборотень и покачнулся, когда на него налетела Руни, оцепенение которой сменилось звенящим от отчаяния криком и слезами.

Глава 19

Реальность стремительно превращалась в ночной кошмар. О том, что произошло что-то ужасное, Мелисса догадалась, когда, выйдя из трапезной вслед за Руни, увидела направляющегося в их сторону Арнульва. Он выглядел так, словно с момента их расставания прошло не несколько долгих минут, а куда больше времени, за которое он успел столкнуться с чем-то таким, что никогда и никто не сумел бы исправить.

Мелли стояла, глядя на него, почти забыв об Эдмере Сигестане, который вышел вместе с ней и сейчас, встав слишком близко, возложил руку на её талию. Всё, что её сейчас беспокоило, касалось в первую очередь не его, а другого мужчины. Но она не могла поступить так же, как Руни, которая с плачем кинулась к молодому оборотню, сначала толкнув его в грудь ладонями, затем обняв за шею в каком-то отчаянном порыве.

— Должно быть, что-то случилось, — услышала Мелисса и растерянно глянула на лицо обнимающего её жениха, который успел представиться Арнульву, держась так свободно, будто на их глазах не происходило ничего странного. — Пойдём. Не будем им мешать.

— Но я хочу знать... — возразила она.

— Это не наша война, — заявил он решительно. — Нам нужно всего лишь дождаться, когда обратная дорога станет безопасной, и мы сможем уехать. Всё остальное нас не касается.

— Меня касается, — твёрдо проговорила Мелли и сама себе удивилась. Неужели она действительно осмелилась прекословить человеку, которому должна будет дать клятву повиноваться во всём? — Оборотни были добры ко мне, и я не могу оставаться в стороне, когда их настигла беда, — пояснила уже более мягко и, освободившись из его объятий, сделала несколько шагов к Арнульву, который смотрел на неё из-за плеча приникшей к нему девушки.

— Ульвхват... — произнёс он и запнулся, точно голос отказался ему служить. — Мы его потеряли. Он закрыл меня собой.

— Великая Богиня! — Мелисса прижала ладони к щекам, чувствуя, как глаза наполняются слезами. Она почти не знала

Ульвхвата, но сейчас вспомнила его таким, каким видела на прогулке в лесу, где они играли в снежки. Простодушным, смешливым. Таким молодым.

Страшно было даже представить, что сейчас испытывал сам Арнульв. Ведь они с Ульвхватом выросли вместе, и теперь лучший друг погиб на его глазах. А Руни? Они же близнецы, значит, она наверняка чувствует всё куда острее, чем просто сестра! И Лейдульв утратил единственного сына, своего наследника...

— Мои соболезнования, — пробормотала Мелли, глядя на Арнульва. Он не плакал. Его лицо будто закаменело.

Прежде ей никогда не приходилось сталкиваться со смертью. Все её близкие, что окружали её с детства, живы. Родители, нянюшка. Мелисса была младшей дочерью в семье, потому не знала своих бабушек и дедушек, они умерли ещё до её рождения. Ей не довелось пережить их потерю так остро, как сейчас переживали смерть Ульвхвата оборотни.

Хотелось спросить, как это случилось, но она молчала, не отрывая взгляда от лица мужчины, которого — теперь уже без всяких сомнений — любила всем сердцем. Она не имела возможности утешить его и не знала, что ещё можно сказать, все слова, приходящие на ум, казались бессильными. Но пообещала себе, что непременно отыщет возможность встретиться с ним наедине.

Руни притихла, подняла голову и небрежно вытерла слёзы рукавом платья. Затем обернулась к Мелли. Губы её дрогнули.

— Ты принесла нам несчастье, — сказала полукровка, медленно и отчётливо произнося каждое слово. — Ты! Мой брат умер из-за тебя.

— Я? — опешила Мелисса. — Но почему ты так...

— Всё началось с твоего появления. Забирайте её и увезите отсюда! — снова обратилась Руни к Сигестану. — Иначе я за себя не ручаюсь.

«Она меня ненавидит», — с горечью подумала Мелли, провожая взглядом дочь Лейдульва, которая, выпрямив спину, гордая и красивая даже в своём горе, входила в дверь трапезной, где ещё оставались другие оборотни, не знающие о случившемся.

— Что теперь будет? — спросила у Арнульва Мелисса. Её сердце разрывалось от невозможности прикоснуться к нему, обнять, не

отдавая ему свою боль, как только что делала Руни, а принимая его собственную. — Неужели они уже так близко к замку?

— Да, — ответил он. — Не выходи никуда. И окна тоже не открывай.

С губ девушки едва не сорвался смешок. Ещё бы она открывала окно в комнате, где нет камина! Тем более, что весна пока наступала лишь по календарю, а до настоящей весны оставалось ещё немало времени.

— Могу я поговорить с вашим предводителем? — произнёс Эдмер Сигестан.

— Сейчас ему не до того, — бросил Арнульв, и Мелли показалось, будто он вот-вот зарычит. — Его единственный сын погиб. Если вас интересует, в какой спальне вы будете ночевать, обратитесь к экономке.

— Я сама с ней поговорю, — вступила в разговор мужчин Мелисса. — Здесь ведь достаточно свободных комнат, правда? Отыщется одна и для вас.

— У меня будет заботливая жёнушка, — хмыкнул иноземец. — Жаль, конечно, что пока мы не можем занять одну спальню. Приходится соблюдать приличия. А, может быть, мы сумеем пожениться прямо здесь? И тогда отвечать за мою супругу придётся уже не вожаку клана, а мне самому.

— Нет, — проговорил оборотень. — Вы не можете пожениться здесь. У нас нет храма, одно лишь святилище Ясноокой, а она может соединять судьбы только оборотней и...

— И?.. — вздёрнул брови его собеседник.

— Оборотней и их избранниц.

— Которые могут быть человеческого, а не вашего рода?

— Да, если на то будет воля Ясноокой.

Мелли затаила дыхание, молясь про себя о том, чтобы Арнульву не вздумалось рассказать её жениху про истинные пары. И про то, что он сам говорил со своей покровительницей. А также о том, чем закончилась эта беседа.

Когда и он, и сама Мелисса услышали ответ лунной богини с сапфировым взором.

Но Арнульв не стал продолжать. Лишь сверкнул глазами, в которых так и не появилось слёз, и повернул голову туда, откуда

доносились голоса вернувшихся в замок оборотней. В то же время открылась дверь трапезной, из неё начали выходить остальные, и вскоре в коридоре образовалась толпа.

Эдмер Сигестан взял Мелли за руку и, с силой сжав пальцы, потащил за собой. На второй этаж, в пустующую галерею с витражными окнами, за которыми завывал буран. Там он наконец-то остановился, и девушка смогла перевести дыхание.

— Почему мы здесь?..

— Я уже сказал, что это не наша война. Вы — не волчица и не одна из их женщин. Будь тут храм, мы поженились бы немедленно.

— К чему такая спешка?

— А что, вы не хотите за меня замуж? — задал вопрос он, уставившись ей в лицо холодными серыми глазами.

Мелисса поняла, что ступает на тонкий лёд. Если жених, которого для неё выбрал король, узнает о её чувствах к другому, последствия могут оказаться непредсказуемыми. Он даже будет иметь право вызвать Арнульва на дуэль!

— Я не чувствую, что готова к замужеству, — ответила она, помедлив, и постаралась придать себе как можно более кроткий вид. — Со мной нет никого из родных. Нет матери, которая могла бы дать мне необходимые каждой девушке наставления, даже няни нет. Я совсем одна. Боюсь, они не смогут приехать даже на свадьбу, так как же я могу чувствовать себя счастливой невестой?

— Так, значит, вас тревожит только это? Что ж... Не зря говорят, что дочь — всего лишь гостя в родительском доме. Она живёт там временно, потому что должна уйти в дом мужа. Кроме того, вы ведь знаете о тех обстоятельствах, из-за которых вашу семью наказали, а вас лишили положенной вам возможности попасть на бал дебютанток в столице?

— Знаю, — кивнула Мелли. — Но мне всё равно тяжело. И то, что происходит здесь и сейчас, меня тоже пугает.

— Не бойтесь, — проговорил собеседник обманчиво-мягко. — Я сумею вас защитить. Доверьтесь мне.

«Я не могу», — подумала Мелисса. Но Эдмер уже обнимал её. Положил руки её на плечи, провёл ладонями вниз, к локтям, привлёк к себе.

— У вас красивое платье, — услышала она его голос у самого уха и невольно поёжилась от неловкого ощущения. — Мне бы очень хотелось увидеть вас в свадебном наряде. А ещё больше — совсем без одежды.

— Нет, пожалуйста, не сейчас! — выдохнула Мелли, отстраняясь, когда его губы почти коснулись её виска. — Нужно разыскать экономку и сказать, чтобы распорядилась приготовить вам комнату! Вы ведь с дороги, вам нужно отдохнуть...

— И в самом деле — до чего же заботливая! — насмешливо откликнулся он, но руки, к счастью, разжал. — Хорошо, идёмте! Поищем вашу экономку.

Мелисса с облегчением зашагала вперёд, слыша, как звонко стучат каблочки её туфель. Девушку била мелкая дрожь. Казалось, её не обнимали только что, а медленно погружали в ледяную воду, после чего вытащили на берег, подарив короткую передышку, на которую она уже и не надеялась.

«У него есть право меня касаться», — напомнила себе Мелли. Жених мог заключать свою наречённую в объятия и даже целовать тайком от её родственников. А все родственники невесты господина Сигестана слишком далеко, так что они-то уж точно не могли бы оказаться даже случайными свидетелями того, как он давал волю рукам.

Нанна обнаружилась в кухне. Она приглядывала за работой служанок, но мыслями, судя по тому, что отозвалась не сразу, пребывала где-то очень далеко. Мелисса заметила, что глаза у строгой экономки красные.

— Комнату? — переспросила она. — Да-да. Пусть приготовят ту, что поблизости от вашей.

Мелли едва не сказала, что это плохая идея, но пришлось смолчать. Нанна отправила служанку на второй этаж, где располагались спальни. Даже на благодарности не обратила внимания, смотрела будто сквозь собеседницу.

«Наверное, она была очень привязана к Ульвхвату, — подумалось Мелиссе. — Как и все здесь. До чего же несправедливо!»

Покидая кухню, девушка бросила взгляд в одно из окон. Там разыгралась метель. Всё стало белым от падающего снега. Мелли

вспомнила, что сегодня праздник. Но для оборотней он теперь станет траурным днём.

«Неужели я ничего не могу сделать для Арнульва? — спросила она себя, и сердце, вторя этим мыслям, жалобно заняло. — Помочь ему, поддержать. Ещё и этот Сигестан везде ходит за мной, как привязанный!»

— Кажется, я забыл вам кое-что отдать, — снова напомнил он о себе и взял её за руку. Мелисса вздрогнула от холода его касаний. Спустя мгновение на её безымянном пальце оказался тонкий ободок кольца, украшенного небольшим, но явно недешёвым драгоценным камнем — красным, точно капелька крови.

— Что...

— Просто помолвочное кольцо. Как знак того, что теперь нас ничто не разлучит. Есть и обручальное, и оно у меня тоже с собой.

— Я не могу подарить вам ответный дар.

— Вы его уже подарили, — отозвался Эдмер, заставив её бросить на него недоумевающий взгляд. — А теперь, думаю, мне действительно требуется отдых. Да и вам тоже.

— Мне нужно проверить, как там...

— Кто? Та девушка, что просила меня поскорее вас отсюда забрать? Или мужчина, которого она обнимала, когда оплакивала смерть брата?

— Все.

— Они разберутся и без вас. В погребальных обычаях оборотней вы не эксперт, в сражениях тоже, а для всего остального есть прислуга. Лучше не показываться лишний раз у них перед глазами, если не хотите снова услышать обвинение в том, что навлекли на это место несчастье одним своим приездом.

— Неправда! Тут нет моей вины! — выпалила Мелли. Ей не хотелось допустить даже мысли, что собеседник в чём-то прав.

— Но люди весьма суеверны, да и оборотни, как я успел убедиться, тоже. Каким образом вы можете доказать, что не приносите несчастье? Той девушке сейчас и без того нелегко, так что не следует искать с ней встречи.

Глава 20

Всю свою жизнь, начиная с рождения и до нынешнего момента, Арнульв провёл в Приграничье вместе с Лейдульвом, его детьми и другими оборотнями. Его никогда не тянуло в незнакомые края, да и нужды покидать родные места не имелось. Ведь где ещё он бы смог чувствовать себя так привольно, как здесь, в замке и окружающих его заснеженных лесах?

Первая мысль уехать появилась после встречи с Мелиссой. Арнульв знал, что, если им не позволят быть вместе, он сделает всё возможное для того, чтобы не разлучаться. Убежит, бросит всё, пожертвует своей привязанностью к Приграничью, но останется с ней, уговорит её согласиться во что бы то ни стало.

Но то вчера, а сегодня — после гибели Ульвхвата — всё изменилось. словно жизнь молодого оборотня разделилась на до и после. И теперь ему пришлось вспомнить о своём долге перед Лейдульвом, который заменил Арнульву родителей.

Ульвхват был единственным сыном предводителя клана. Больше наследников у него нет. Руни быть вожаком не сможет — она девушка, да и способность оборачиваться полукровкой от отца не досталась. А это означает, что Лейдульву придётся выбрать своим преемником кого-то другого. И он уже принял решение.

До того, как собрать всех обитателей замка и объявить им свою волю, Лейдульв пригласил воспитанника к себе. Переступая порог зала, в котором его ждали для разговора, он уже знал, что услышит. И не ошибся.

— После похорон Ульвхвата я скажу всем, что назначаю своим наследником тебя, — проговорил вожак, подняв усталые глаза на молодого оборотня. Лейдульв изменился. Казалось, будто смерть сына подкосила его, сделала ниже ростом, лишила не только внутренних, но и физических сил, и лишь ответственность перед кланом заставляла его держаться.

— Но есть ведь и более достойные, — попытался возразить Арнульв. — Слышать такое — большая честь для меня, однако... Может быть, вы ещё подумаете над этим и тогда...

— Не спорь! — оборвал его слова вожак. — Ты забыл, что должен подчиняться мне? Как и все здесь.

— Да, — опуская голову, отозвался Арнульв.

— Моя вина в том, что я не начал готовить вас с Ульвхвatom раньше к тому, что сейчас происходит. Глупец! Понадеялся на то, что всё в прошлом, и вам посчастливится жить в мирное время.

— Вы расскажете, что они за существа? Тени. Почему от них ничем не пахнет? — спросил он, вспомнив, как безуспешно пытался ощутить хоть какой-нибудь запах, который можно было бы запомнить, чтобы впредь чувствовать появление теней на расстоянии.

— Потому что они — нечто противоестественное. Когда-то за нашим Приграничьем располагалась другая страна, очень богатая и развитая. Там жило много магов, которые заботились о том, чтобы на страну никто не напал, и делали для предотвращения угрозы всё возможное. Экспериментировали, и власть их поддерживала. Именно маги и создали теней — для защиты от внешней опасности. Но что-то пошло не так. Врагами для теней, этого жуткого порождения тьмы, стали не возможные захватчики, а любые живые существа. Они уничтожили всех в той стране. А затем двинулись дальше. К нам.

— Но как же наши предки сумели их остановить?

— Дело в том, что мы, оборотни, нечувствительны к магии. Вернее, чувствительны, но гораздо меньше, чем обычные люди. Особенно когда пребываем в волчьем облике. Не можем её распознавать, неспособны отличить мага от обычного человека, пока тот не начинает творить свою магию. Понимаешь?

— Пока нет, — признался Арнульв. О таком он раньше не слышал. Да и не задумывался, если честно. Какие маги в Приграничье? Их и осталось-то наверняка немного, и большинство обитали в столице.

— Ещё одна наша особенность — когда рядом с нами находится необычный человек, другие люди тоже не могут заметить его отличие от остальных. Мы как бы прячем его магический огонь, прикрываем, как заслонка печи. Что же касается этих, как ты их называешь, теней, то они рождены чёрной магией, сотканы из самой тёмной стороны человеческой природы, пропитаны самыми низменными эмоциями — подлостью, ненавистью, завистью и другими. Созданы для того, чтобы

убивать. Они вечно голодны, вечно в поиске искр жизни, которые во что бы то ни стало хотят потушить.

Арнульва передёрнуло. Он вспомнил, как тень, кружа вокруг бесформенным сгустком тьмы, медленно подкрадывалась сначала к Руни, потом к нему. И, если бы не Ульвхват...

— На людей им воздействовать проще, чем на нас. Тени вызывают в них панический страх, лишаящий воли и здравого смысла. Боюсь, мои дети могли ощутить их влияние на себе, ведь они не чистокровные оборотни.

В воздухе повисло молчание. Так, словно рядом появилась тень Ульвхвата. Арнульву даже показалось, что он чувствует обращённый на него пристальный взгляд, хотя и понимал, что это невозможно. Призраков не существует. Его лучший друг ушёл во владения Ясноокой, туда, где вечные снега, и на них льётся с неба серебряный лунный свет.

Но, может быть, и там иногда наступает весна? Для тех светлых душ, что ушли слишком рано. Ушли, слишком многого не успев.

— Я немолод и сломлен гибелью сына. Клану нужен сильный молодой вожак. Думаю, будет правильно, если до того, как занять моё место, ты женишься, — услышал Арнульв голос собеседника.

— Женюсь? — переспросил он растерянно.

— Да, — кивнул Лейдульв. — Я хочу, чтобы ты женился на моей дочери. На Руни.

— Но... — Арнульву показалось, что у него пропал дар речи. Будто все слова разом выветрились из головы.

— Я понимаю, что ты хочешь сказать. Вы ещё слишком молоды, да и нет уверенности в том, что Ясноокая предназначила вас друг другу. Так?

— Д... да, — запнувшись, согласился с вожаком оборотень.

— Наша покровительница измыслила для нас истинные пары, и мы всегда с этим смирялись, как настоящие волки, храня верность одной-единственной женщине. Возлюбленной, которую мы выбираем сердцем. Но сейчас не то время, чтобы полагаться на такой выбор, который далеко не всегда приводит к счастью. Важно и другое — верность клану, а в будущем появление сильных наследников. Сейчас в Приграничье военное положение. Я не намерен больше беречь себя и буду сражаться в первых рядах. Возможно, это приведёт к тому, что я

последую за сыном. Ты будешь тем, кто займёт моё место и возглавит наш клан, вернее, то, что от него останется, — с горечью добавил предводитель оборотней. — Твой брак с моей дочерью станет залогом моего решения. Ты ведь позаботишься о ней, когда меня не станет?

— Я бы позаботился о ней в любом случае! — воскликнул Арнульв, но собеседник в ответ лишь покачал головой.

— Я верю тебе. Однако мне будет спокойнее, если вы поженитесь. И никто в клане не посмеет возразить, когда я скажу, что объявляю своим преемником не просто одного из молодых оборотней, а своего будущего зятя.

Арнульв молчал, вспоминая недавний разговор с Мелиссой, когда она сказала, что Руни влюблена в него. Дочь Лейдульва — лишь наполовину оборотень. Человеческая кровь в ней сильнее волчьей, и этим можно объяснить то, что она влюбилась в мужчину, который не являлся её истинной парой.

— Я вырастил тебя как родного сына, — продолжал говорить Лейдульв. — И никогда тебя о чём не просил, не требовал благодарности. Но сейчас я прошу. Ты знаешь, для меня встреча с истинной парой стала проклятием, а не благословением. Я не представляю себя без своих детей, однако ко мне не раз подкрадывалась мысль о том, что, возможно, я был бы счастливее, если б не встретил однажды ту женщину, которая не захотела жить со мной в Приграничье...

Арнульв низко опустил голову. Предводитель не догадывался о его чувствах к Мелиссе, но своими словами невольно попал в цель. Напомнил о том, что любимая девушка принадлежала другому, и тот собирался увезти её, навсегда разлучив их.

— Я знаю, что ты и Руни близки, поскольку росли вместе. Может быть, ты никогда не смотрел на неё как на будущую жену, но всё может измениться со временем. Вы заключите брачный союз вне зависимости от того, предназначены ли друг другу судьбой. Это моё решение, и отвечать за него перед Ясноокой тоже мне.

— Я могу подумать?

— Недолго, — отозвался Лейдульв. — А теперь оставь меня. Поговорим позже.

Арнульв вышел в коридор. С удивлением обнаружил, что уже наступил вечер, сгущались сумерки. Долгий страшный день подходил

к концу. Сегодня они даже не ужинали, потому что есть никому не хотелось, несмотря на то, что на кухне к празднику наготовили много всего. Завтра — похороны Ульвхвата и военный совет.

Остаток вечера молодой оборотень провёл в святилище. Смотрел в лицо покровительницы, мысленно спрашивая совета. Но она ему больше не отвечала.

Когда настала ночь, Арнульв, неслышно ступая, поднялся на второй этаж, некоторое время постоял, прислушиваясь, у двери комнаты, затем тихонько вошёл. Мелисса крепко спала. Её длинные волосы в лунном свете отливали серебром. Он приблизился, осторожно, чтобы не разбудить, коснулся разметавшихся по подушке светлых прядей. Девушка вздрогнула, но не проснулась.

Арнульв сел на пол возле её постели, прислонившись к стене. Закрыв глаза, слушая мерное дыхание спящей. Он пришёл к ней, движимый лишь одним желанием — побыть хоть немного рядом. И сейчас собирался охранять её сон до самого утра. Оберегать от теней, от жгучей, как крапива, ревности Руни, которую Лейдульв прочил ему в жёны, от не внушающего никакого доверия жениха, что незваным явился в Приграничье.

«Что мне делать?» — безмолвно спрашивал оборотень. Он уже и сам не знал, кому адресует свой вопрос — Ясноокой, Мелиссе или же Ульвхвату, который пожертвовал своей жизнью, спасая его. Тени насылали на людей страх, а его друг был наполовину человеком. Однако на другую половину он был волком, потому панический ужас заставил его не убегать, а нападать. Но Лейдульв не успел научить его всему, что требовалось для борьбы с тенями.

С точки зрения предводителя клана, женитьба на Руни являлась разумным решением, но он не знал, что его воспитанник уже отыскал свою истинную пару. Ту, что встречается только раз в жизни. Он встретил её, выбрал сердцем, и теперь безграничная любовь к ней сражалась в его душе с долгом и благодарностью за всё, что дали ему Лейдульв и его дети.

Арнульв и сам не знал, что победит.

За окном уже светало, когда он открыл глаза. Надо же, задремал и не заметил. Но сон его был чуток, и он услышал, как Мелисса пошевелилась, тоже просыпаясь. Она позвала его по имени, заставив повернуться к ней. Затем, словно не веря своим глазам, протянула руку

и погладила его по щеке. Арнульв перехватил её ладошку, прижал к губам. На сонном лице девушки появилась улыбка — такая светлая и открытая, что он мог бы любоваться ею вечно.

Глава 21

Мелисса смотрела на него с такой нежностью и доверием, что Арнульв не сразу решился заговорить с ней, и она снова нарушила молчание первой.

— Я не слышала, когда ты пришёл...

— Не хотел будить, — признался он. — Вчера мы больше не виделись после... Ты провела остаток дня с ним?..

На лбу девушки появилась хмурая складка, будто, окончательно проснувшись, Мелисса вспомнила о чём-то плохом.

— Нет, не с ним, я сказалась больной и ушла к себе. Что касается Ульвхвата... Мне очень жаль. Так хотелось быть рядом и поддержать тебя, но у меня не было на это права... при всех... Прости.

— Тебе не за что извиняться, — покачал головой Арнульв. — Никто ещё не знает... о нас. Я должен рассказать...

Он запнулся, глядя в глаза собеседнице и пытаясь предугадать, какой будет её реакция на его слова. Но молчать дальше нельзя. Она должна узнать новость от него, а не от кого-то другого.

— Вчера со мной говорил Лейдульв. Он хочет, чтобы я стал его преемником и в будущем возглавил клан. Вместо Ульвхвата...

— Такого решения следовало ожидать, ведь ты ему как сын, — заметила Мелисса.

— Однако есть кое-что ещё. Он хочет... Хочет, чтобы я женился на Руни.

Самое главное было сказано, и молодой оборотень затаил дыхание, ожидая ответа девушка. Он всё ещё держал её руку и почувствовал, как её пальцы дрогнули. Он легко погладил её ладонь, снова поцеловал.

— Но вы ведь... Вы же не истинная пара! Так как же...

— Лейдульв сказал, что сейчас не то время, чтобы исходить лишь из этого, — вздохнул Арнульв.

— И... что ты ему ответил? — выдохнула она.

— Сказал, что хочу подумать, но скоро он потребует окончательного ответа.

Мелисса опустила ресницы и попыталась отвернуться, но не смогла скрыть выступившие на глазах слёзы. Арнульву показалось, будто его сердце сдавила чья-то холодная рука. Он почти никогда не ощущал холода, но сейчас тот словно подкрался изнутри, завладевая им.

Она плакала из-за него! Девушка, которую он полюбил, ради которой стал готов на всё! А теперь сам же и причинил ей такую боль, заставившую её заплакать.

Рывком поднявшись, Арнульв пересел с пола на край кровати и притянул Мелиссу к себе, обнял крепко, вдыхая запах её волос и прижимая к себе хрупкое, тёплое после сна тело девушки.

— Я боюсь его, — услышал он у самого уха её сбивчивый шёпот. — Он, кажется, хорошо образован и довольно учтив, в Маргенту приехал в качестве посла другой страны, а на такую должность не каждого назначают. Думаю, мои родители даже рады, что король выбрал для меня именно его. Но я всё равно очень боюсь... Не могу представить, что не ты, а чужой человек станет моим мужем... будет иметь все права на меня... навсегда...

* * *

Руни смотрела на платье, которое ей надлежало носить после случившегося вчера. Траурный наряд. Чёрный, унылый, лишённый даже намёка на вышивку или другие украшения. Ей впервые предстояло такой надеть. Ведь вся её семья, кроме матери, которую она не знала и не помнила, до вчерашнего дня была жива.

Ей всё ещё не верилось в то, что она больше не увидит брата. Что он не постучится в её дверь, чтобы позвать на прогулку. Что не будет сидеть напротив за столом в трапезной, наворачивая за обе щёки. Что никогда больше не улыбнётся так, как умел лишь он один. Что не женится на какой-нибудь хорошей девушке, не даст жизнь племянникам, которых Руни заранее любила.

Брат-близнец был лучше неё, умней и сильнее. Он умел обращаться волком, а сама она уже давно потеряла всякую надежду стать настоящей полуволицей. Человеческая кровь одержала в ней верх над кровью оборотней. И всё же Руни не завидовала. Ни

Ульвхвату, ни другим в клане, и никто никогда не давал ей почувствовать себя ущербной из-за того, что она скорее принадлежала к обычным людям, чем к тем, кто поклонялся Ясноокой.

Может быть, богине это не понравилось, потому она и не позволила Руни стать истинной паре для Арнульва? Но ведь та приезжая девчонка и вовсе не имеет никакого отношения к оборотням! Она даже не полукровка!

«Как и моя мать», — подумала вдруг Руни и вздрогнула от непрошенной мысли. Её отец провёл некоторое время вдали от Приграничья и там встретил девушку, которая стала для него наваждением. Она оказалась его истинной парой, однако не принадлежала к числу его соплеменников, родилась обычным человеком. А, следовательно, могла выбирать, оставаться ли с ним. И не захотела остаться.

Руни не раз пыталась представить, как бы всё получилось, сложись судьба её родителей иначе. Свадьба, совместная жизнь в Приграничье. Может быть, в том случае молодая женщина не умерла бы при родах? Ясноокая помогла бы ей. Но прошлого не изменить, можно лишь заглядывать в него, понимая, что не в силах что-либо сделать.

Лейдульв никогда не показывал другим, что страдает. Он держался, оставался мудрым и сильным. До вчерашнего дня.

Руни натянула платье и вышла из своей комнаты. Решила спуститься в кухню и вместе с Нанной проверить, всё ли готово к завтраку. Ей пора брать на себя роль хозяйки, хотя бы до тех пор, пока отец не назовёт имя того, кто станет следующим предводителем клана.

Выглянув в окно, за которым наконец-то прекратилась продолжавшаяся всю ночь метель, Руни вспомнила о тени, которая пробралась вчера во внутренний двор замка, и с горечью, похожей на вкус лечебной настойки, осознала, что виновата. Если бы она, забыв о предупреждениях Лейдульва, не выскочила за порог, разозлённая молчанием Ясноокой и осознанием того факта, что Арнульву по сердцу другая, он не последовал бы за ней. И Ульвхват не рванулся бы туда, чтобы спасти друга.

Какого жить дальше, зная, что собственная опрометчивость послужила причиной смерти единственного брата? Как смотреть в глаза отцу? И Арнульву...

«Она принесла нам несчастье», — сказала себе Руни, вспоминая, с каким недоумением на неё уставилась Мелисса, услышав это обвинение. Бесстыжая! И почему её жених не явился раньше, чтобы навсегда увести эту девицу из Приграничья?

Руни в бессильной злобе сжала кулаки и почти зарычала сквозь стиснутые зубы. Несправедливо! Она была с Арнульвом с самого детства, подругой, напарницей по играм, а он влюбился в чужачку, рука которой отдана другому мужчине!

* * *

Мелисса вздрагивала в объятиях Арнульва, чувствуя, как стыд заставляет её прятать лицо на его плече. Ей так хотелось поддержать его, утешить, а что в итоге? Ему приходится утешать её!

— Прости, прости... — отчаянно повторяла она, всхлипывая. — Я не должна жаловаться. Тебе и так тяжело.

— Ты не хочешь выходить за него замуж?

— Нет, не хочу, не хочу...

— Ты не станешь его женой, — горячо зашептал ей на ухо Арнульв, волнуяще касаясь губами и дыханием её кожи. — Верь мне. Мы убежим, спрячемся, но ему я тебя не отдам.

— Но разве у нас есть другой выход? — спросила Мелли, подняв голову, чтобы взгляды их встретились. Она даже забыла, что глаза у неё мокрые и красные. — Я должна выйти за Эдмера Сигестана, а ты — жениться на Руни.

— Не произноси его имя, — поморщился молодой оборотень. — Я что-нибудь придумаю и постараюсь отговорить Лейдульва. Ведь главная задача сейчас — остановить тени, снова сделать Приграничье безопасным и подходящим для жизни.

— Когда дорога освободится, я больше не смогу здесь оставаться. Он захочет увести меня немедленно. В столицу, а затем ещё дальше...

— Не думай сейчас об этом. Просто доверяй мне и будь на моей стороне. Хорошо?

Мелисса решительно кивнула и обвила руками его шею. Она понимала, что долго они пробыть вместе не смогут, Арнульву надлежало находиться с Лейдульвом и другими оборотнями, но

хотелось ещё хотя бы на несколько мгновений продлить время, проведённое наедине. Не расставаться, не выпускать из объятий.

Поцелуй обжёг губы и растаял на них, как снежинка. Согревая всё тело и будоража кровь. Пальцы девушки зарылись в волосы мужчины, слегка потянув, и он с негромким рычанием привлёк её ещё ближе. Его ладонь скользнула по спине, и Мелли особенно сладко и остро ощутила его прикосновения сквозь тонкую ткань. А горячие губы следовали ниже, покрывая поцелуями её шею, ключицу, плечи в вырезе ночной рубашки.

У Мелиссы кружилась голова от ощущений, которые она не испытывала никогда прежде. Тот невинный поцелуй, когда они лежали на снегу, был лишь предвкушением, намёком на что-то большее. А сейчас всё иначе. Арнульв целовал её так, словно вся сдерживаемая им страсть вырвалась наружу, как вода, прорвавшая плотину. Целовал с отчаянием заблудившегося в жаркой пустыне путника, который, почти утратив надежду, наконец-то отыскал ручеёк с холодной водой и теперь никак не мог напиться ею.

— Ты станешь моей? — выдохнул Арнульв, не прекращая касаться её разгорячённой кожи губами и руками.

Мелиссе хотелось сказать, что она уже принадлежит ему всей душой — не потому, что Ясноокой вздумалось сделать их истинной парой, а потому, что сама выбрала его. Но интуиция подсказывала, что он спрашивал о чём-то другом. О чём-то, что значимее любой клятвы.

На какое-то мгновение Мелли ощутила тень страха. Неуверенности в том, что должна ответить согласием. Вспомнились материнские наставления, что девушка должна блюсти свою честь до свадьбы, не позволяя большего тому, кто не является её супругом.

Но ведь её с Арнульвом уже связывает нечто большее, чем просто брачные узы. Они предназначены друг другу — сама лунная богиня вложила руку Мелиссы в его руку. И пусть сейчас судьба не на их стороне, чувства между ними сильнее и важнее, чем договорённости о браках, лишённых самого главного.

Мелли потянулась к нему, чувствуя, как сбивается с ритма сердце, и слова согласия уже почти сорвались с её губ, когда раздался стук в дверь. Громкий, безапелляционный. А следом и голос.

— Вы уже проснулись? Позавтракаем вместе? — спрашивал за дверью господин Сигестан. — Кажется, здесь обычно встают рано.

— Я не одета! — крикнула в ответ Мелисса, ощущая себя так, словно её окатили ледяной водой. — Вы можете спуститься в трапезную! Скоро подойду!

— Подожду вас здесь, — отозвался он.

Арнульв повернул голову к двери, явно желая вмешаться, но Мелли остановила его.

— Сейчас не время, — шепнула она, покачав головой. — Будет лучше, если я выйду первой, а ты чуть позже, когда мы уже будем на лестнице. Хорошо?

Он нехотя согласился, неслышно поднялся с кровати и отошёл в сторону, чтобы дать ей одеться. Мелисса бросила на него смущённый взгляд, но Арнульв отвернулся. Хотя, вспомнила она, он ведь уже видел её обнажённой в купальне.

Торопливо стянув ночную рубашку, она надела тёмное платье, довольно скромное, причёсала и заплела волосы. Затем открыла дверь и вышла. Эдмер Сигестан ждал в коридоре.

Глава 22

Избегая смотреть в глаза Эдмеру Сигестану, Мелисса коротко поприветствовала его, отчаянно надеясь, что пережитое только что смятение не написано у неё на лице.

— Вы бледны, — заметил он. — Плохо спали? Или всё ещё нездоровы?

— Бледна? — переспросила она удивлённо. Ей-то казалось, что её щёки полыхают ярче, чем маков цвет! — Да, я не выспалась.

— Будем надеяться, что мы тут не задержимся, — произнёс господин Сигестан, обхватывая холодными пальцами её запястье. По коже пробежала дрожь. Мелли отстранилась. — Что-то не так? Вам неприятны мои прикосновения?

— Я считаю их неблагопристойными, ведь мы пока не женаты, — ответила она. «Лгунья! — усмехнулся внутренний голос. —оборотню ты позволяла куда более смелые ласки». — Думаю, будет лучше, если вы пока не станете меня касаться. Я чувствую себя неловко, когда...

— Увы, не могу выполнить вашу просьбу, — хмыкнул собеседник, неотрывно глядя на неё светлыми глазами. — В моих интересах, чтобы вы привыкли ко мне и не вздрагивали каждый раз, когда я даже случайно до вас дотрагиваюсь. Иначе, боюсь, в первую брачную ночь вас будет ждать слишком большое потрясение.

У Мелиссы задрожали не только руки, но и всё тело. Первая брачная ночь! Он едва приехал, а уже второй раз намекает ей на то, что должно случиться после свадьбы!

«Только не с вами!» — едва не выпалила она, но, как полагается скромной девушке из благородной семьи, склонила голову и опустила глаза, всем своим видом демонстрируя, как смутили её его слова и прозвучавший в них непристойный намёк.

— Вы такая скромница, — усмехнулся господин Сигестан. — Но отчего-то это заводит меня ещё сильнее. Кажусь себя мальчишкой, который с нетерпением ждёт момента, когда можно будет развернуть желанную конфету.

— О, пожалуйста! Не говорите так! — взмолилась девушка. — Я не уверена, что мне приличествует выслушивать подобные вещи.

— То, что вы от меня услышали, должно вам польстить, разве не так?

— Не знаю. Мне ещё никто и никогда такого не говорил, — призналась она. — Так откуда я могу знать, льстят мне ваши слова или оскорбляют?

Мелли почти с удовольствием обнаружила, что подходящего ответа на её слова он не подобрал, и, подхватив подол юбки, чтобы не наступить на него, зашагала вперёд. Голову она держала высоко, хотя все ещё продолжала ощущать неприятную мелкую дрожь. Но держать себя как жертва младшая дочь семьи Тидхелм не желала даже в таких обстоятельствах.

Трапезная пустовала. То ли почти все уже позавтракали и занялись другими делами, то ли не захотели есть. Мелисса и сама не ощущала никакого аппетита, а при виде Руни, которая одарила её ненавидящим взглядом, и вовсе показалось, что не сможет ничего проглотить.

Мелли соболезновала девушке, в одно мгновение потерявшей брата-близнеца, но чувствовать такое отношение к себе было неприятно. В чём она провинилась перед дочерью Лейдульва? Вся её вина заключалась лишь в любви к Арнульву, но, похоже, Руни, в самом деле, считала, будто приезд гостыи навлёт несчастье на Приграничье.

Несправедливо. Как и то, что по дядюшкиной милости она оказалась в такой ситуации. Если б не его участие в заговоре против короля, сейчас Мелисса танцевала бы на балах в столице, и никто бы не принудил её выходить замуж за чужеземца с серыми глазами.

Но в таком случае она никогда не встретила бы своего оборотня...

Точно услышав её мысли на расстоянии, он не замедлил появиться. Сердце забилося быстрее. Одно лишь воспоминание, как он целовал её в спальне, крепко прижимая к твёрдой мускулистой груди, заставляло Мелли чувствовать себя странно. Так, словно оказалась на краю пропасти. Стояла, как крылья, раскинув в стороны руки, и не знала, взлетит она, если сделает шаг вперёд, или упадёт.

Руни тут же кинулась к Арнульву, усаживая его за стол и придвигая блюда с закусками. Она вела себя так, словно уже являлась его женой, и смотреть на них Мелиссе было тяжело. Рассказал ли предводитель дочери о своих планах на её будущее?

С одной стороны, Мелли могла понять мотивы, которые двигали Лейдульвом. Потеряв родного сына, он собрался назначить на своё место приёмного. Но к чему обязательно женить его на Руни? Ведь они же не любят друг друга! Или забота о дочке стояла для вожака на первом месте, а потому лишь ради неё он решился нарушить негласное правило, по которому оборотни всегда женились только на своих истинных парах?..

Если встречали их. А Лейдульв наверняка уверен, что ни Руни, ни Арнульв ещё не обрели пару. Может быть, он даже решил, что им не судьба найти её. Как и Ульвхвату. Но, в отличие от него, они живы.

«И я жива!» — с отчаянием подумала Мелисса, отводя взгляд от хлопочущей вокруг её любимого мужчины полукровки. Нельзя показывать, что ей больно. Ведь рядом Эдмер Сигестан, а он, кажется, весьма наблюдателен и может догадаться о её чувствах. Страшно даже представить, что будет в этом случае. Как бы ей не претило притворство, выхода пока нет.

Арнульв в трапезной не задержался — наскоро перекусив, сказал, что ему нужно к Лейдульву и вышел, оставив обеих девушек с затаённой тоской смотреть ему вслед.

* * *

Леди Тидхелм обеспокоенно смотрела на врача, который то протирает очки, то прокашливался, отводя глаза. Чувствительное воображение женщины уже заставляло её представлять всякие ужасы. Неужели это действительно эпидемия, как они с супругом опасались?!

— К сожалению, мне нечего вам сказать, — со вздохом произнёс доктор, наконец-то нарушив молчание, и водрузил на нос очки, делающие его круглое лицо ещё более похожим на полную луну. — Я впервые с таким сталкиваюсь. Ума не приложу, что случилось с вашей горничной.

— В... впервые? — запнувшись, отозвалась хозяйка дома. — Но вы ведь такой опытный медик! Мы всегда рекомендовали вас нашим знакомым!

— Знаю, — прохрипел он и снова откашлялся. — Простите, кажется, подцепил лёгкую простуду. Наступил в лужу после

вчерашнего дождя. Что касается Кэйри... Она совершенно истощена. Так, словно неделями голодала, выполняя при этом ежедневно тяжёлую работу. Но, полагаю, ничего такого не было?

— Разумеется! — возмутилась Хелена Тидхелм. — Мы не издеваемся над прислугой, и все, кто у нас работает, едят досыта! Как вы только предположить могли...

— Простите, — пошёл на попятную собеседник, примиряющим жестом вскинув перед собой пухлые ладони. — Конечно же, я ни на что подобное даже не намекал. Просто сказал, на что похоже её состояние. Признаков известных мне болезней я не обнаружил. Даже в медицинский справочник пришлось заглянуть.

— Но тогда... нам не грозит эпидемия?

— Уверен, что нет, ведь больше никто из слуг не заболел. Что делает ситуацию ещё загадочнее... Если все они ели одно и то же, следовательно, вероятность отравления тоже можно исключить.

— Конечно, одно и то же, — подтвердила леди Тидхелм, вздохнув с облегчением после его слов, что эпидемии не будет.

— Тогда... Мог ли кто-нибудь воздействовать на вашу служанку с помощью магии? Такое возможно?

— Магии? — вытаращила на него глаза женщина. — Да с чего бы? Кто бы стал такое делать с обычной горничной?

— Если у неё имелись враги, которые заплатили магу, и тот навёл порчу...

Леди Хелена Тидхелм лишь отмахнулась от его гипотезы. Враги у глупышки Кэйри! Да такое даже вообразить нелепо!

— После осмотра больной я перебрался несколькими словами с другими вашими работниками. Они говорят, что эта девушка... гм... не отличалась целомудренностью. Что она путалась... эээ... вступала в близкие отношения с мужчинами, не будучи замужем.

Хозяйка дома поморщилась. Хорошо, что её дочери этого не слышат. А ведь Кэйри служила личной горничной Мелиссы!

Как хорошо, что Мелли скоро выйдет замуж, и её личная репутация ничем не запятнана!

— У вас точно не было никого чужих в недавнее время? — уточнил доктор.

— Только Эдмер Сигестан, будущий муж моей младшенькой — Мелиссы. Он приезжал один, без слуг. А затем уехал за невестой,

скоро они поженятся в столице.

— Вот как? Господин Эдмер Сигестан... Какое странное имя.

— Он из другой страны. Посол. Очень солидная должность для столь молодого возраста.

— Так он молод?

— Вы что, в чём-то его подозреваете? — насторожилась будущая тёща. Запоздало подумала, что следовало бы вести эту беседу в присутствии мужа. Но тот, как назло, уехал по делам.

— Сами посудите — под вашей крышей столкнулись молодой мужчина и прислуживающая ему девушка, не обременённая моральными принципами. Мне сказали, что до болезни она выглядела весьма привлекательно. Возможно, оказалась в его вкусе, и они...

— Возмутительно! — вскричала леди Тидхелм. — В чём вы обвиняете человека? В том, что он соблазнил горничную, а затем навёл на неё порчу, чтобы она никому не смогла рассказать об их порочной связи?

— Как вариант, — развёл руками собеседник.

— Вы... вы... всегда так плохо думаете о людях?

— Профессия обязывает, — вздохнул он. — Не волнуйтесь вы так, прошу вас. Не буду называть никаких имён, но господ, которые развлекаются со служанками, много больше, чем вы можете себе представить. Хотя с помощью магии они от своих временных любовниц, насколько мне известно, не избавляются. Обычно попросту откупаются деньгами, хотя был случай, когда молоденькую помощницу по дому убили, выставив всё как несчастный случай...

— Не хочу ничего слушать! — Хелена Тидхелм зажала уши ладонями. — Кажется, у меня начинается мигрень.

— Простите, но я...

— Да прекратите вы извиняться! Говорите по существу! Можно вылечить Кэйри или нет?

— Увы, но, боюсь, состояние её здоровья необратимо.

Перед мысленным взором леди Тидхелм невольно промелькнула картина первого появления молоденькой прислужницы в доме. Та с восторгом в глаза рассматривала особняк, а Мелли так гордилась и радовалась тому, что у неё появилась личная горничная... Даже хорошо, что она сейчас не здесь и ни о чём не узнает. Перед свадьбой

нужно получать только хорошие новости. Для невесты услышать печальные известия — плохая примета.

— Мне жаль, — проговорила хозяйка дома. — Но я не желаю верить в ваше предположение, будто господин Сигестан может быть повинен в случившемся. Попрошу впредь ни с кем им не делиться.

— Вы могли бы не напоминать, ведь я обязан хранить врачебную тайну. Но прошу вас подумать. Если ваш будущий зять владеет магией, почему он скрыл от вас данный факт?

— Сомневаюсь, что владеет. А у Кэйри наверняка проявилось какое-нибудь наследственное заболевание. Очень редкое, вот про него и не сказано в вашем справочнике, — добавила Хелена Тидхелм, успокаивая себя собственным объяснением недуга горничной. — Я оплачу её похороны. Близких родственников, насколько мне известно, у неё нет, так что сообщать некому.

Глава 23

Просьба Арнульва повременить с решением насчёт свадьбы предводитель воспринял не слишком благосклонно. Нахмурил брови и смерил таким взглядом, что стало не по себе. Арнульв привык, что Лейдульв для него как отец, но сейчас видел в нём строгого жоака, перед которым молодой оборотень провинился.

— Ты считаешь мою дочь недостойной себя? — прозвучал вопрос, которого он опасался. — Правда? Потому, что она полукровка?

— Да как вы можете так думать... — Арнульв осёкся и сделал глубокий вдох, подбирая нужные слова. — Руни — чудесная девушка, и я скорее себя посчитал бы недостойным её руки, чем наоборот. Однако... Вы ведь сами сказали, что сейчас военное время. Я должен учиться у вас и других опытных мужчин. Не только учиться, но и сразу же применять полученные знания и умения на практике. У меня не будет достаточно времени, чтобы проводить его с невестой... Да и опасность существует для всех, для меня тоже. Вы ведь не хотите, чтобы ваша дочь стала вдовой, не успев даже побыть замужем?

«Наверное, не следовало этого говорить», — виновато подумал Арнульв, глядя в помрачневшее лицо собеседника. Но ведь в его словах была правда. Пусть он и чистокровный оборотень, нет никакой гарантии, что тени оставят его в живых.

При мысли о том, что может погибнуть и оставить Мелиссу одну в полной власти приехавшего в Приграничье иноземца, сердце будто снова стиснула ледяная рука. «Я должен выжить, — сказал себе Арнульв со всей решимостью, на которую только оказался способен. — Ради неё».

— Хорошо, обсудим вашу свадьбу позже, — проговорил Лейдульв сухо. — А теперь за дело. Ты сам напомнил, что времени у нас мало. Тени подступают всё ближе. Я чувствую их.

— Как вы думаете, что им нужно? — осмелился спросить Арнульв. — Они ведь охотятся на людей. Могло ли их привлечь то, что сейчас в замке находятся Мелисса и господин Сигестан?

Его голос слегка дрогнул, когда он произносил имя девушки, но, к счастью, предводитель оборотней ничего не заметил.

— Возможно, они действительно почуяли человеческий запах. Однако у нас ведь есть и другие люди — слуги, например, и до сей поры их присутствие не навлекало беды. По правде говоря, я надеялся, что больше нашествия теней не будет, что они никогда сюда не вернуться, оставшись на своих пустынных территориях, где им не на кого насылать страх и поглощать жизни. Но вот ещё что — сильнее всего их привлекает магия. Она для них — излюбленное лакомство.

— Полагаете, чужестранец может оказаться магом? — Арнульв растерянно заморгал. Только этого не хватало!

— Всё может быть, — вздохнул Лейдульв. — Я уже начинаю жалеть о том, что не стал возражать, когда его величество приказал мне принять гостя в Приграничье. Мне следовало хотя бы попытаться не согласиться с этим его решением.

— Разве вы были вправе отказать? Ведь оборотни приносили клятву верности королю. Вы не могли ослушаться приказа, учитывая, что он и так почти не вмешивается в нашу жизнь.

— И хорошо, что не вмешивается. Он знает, что мы нужны для охраны и защиты земель, ведь, если не остановить тени на границе, они пойдут дальше. Ну да хватит разговоров, пойдём! — добавил собеседник, шагнув к двери.

— Пойдите! — окликнул его осенённый внезапной мыслью Арнульв. Сама идея была ему не слишком приятна, но он всё же решился её высказать. — Если Эдмер Сигестан маг, почему бы не попросить его помочь нам справиться с тенями?

— А ты так уверен, что мы не справимся собственными силами? — обернулся Лейдульв.

— Я не это хотел сказать... Но в случае, если не будет иного выхода... Почему бы не найтись и для него какому-нибудь делу? — спросил молодой оборотень, подумав, что в таком случае у жениха Мелиссы будет меньше времени для того, чтобы проводить его с девушкой.

— Я подумаю, — отозвался вожак, но, похоже, предложение заставило его задуматься.

Мужчины-оборотни, включая и предводителя с Арнульвом, отправились на разведку — сначала обошли замок, а затем и лес. Сегодня там оказалась спокойно, но эта тишина настораживала, в ней

чувствовалось что-то угрожающее. Как будто знакомые места за одну ночь перестали быть теми, к которым все привыкли.

А затем настал час похорон. Обитатели замка находили свой последний приют в мрачноватом холодном склепе. Там предстояло упокоиться и Ульвхвату.

Посматривая на Руни, которая выглядела хрупкой и до невозможности одинокой в чёрном траурном платье, Арнульв ощущал, как растёт чувство вины перед ней. Ведь её брат погиб, защищая его, а он сам не может ответить взаимностью на её чувства, стать для неё тем, кем она хотела бы его видеть. Даже если бы пожелал, не смог бы. Потому что есть Мелисса. Богиня-покровительница ясно дала понять, что они предназначены друг другу, и с этим уже ничего нельзя поделать.

Гостья тоже находилась здесь. Стояла поодаль, склонив голову. Жених её не явился, и Арнульву стоило немалых усилий отводить от неё взгляд, отчаянно желая встать рядом, держать её руку, позволить её теплу согреть его. Но пока даже разговор с ней в присутствии других под запретом. И потому она оставалась в стороне, а он стоял рядом с Лейдульвом и Руни, будто уже являлся членом их семьи.

После похорон вожак клана собирался объявить остальным, что назначает Арнульва своим преемником, но о свадьбе, к счастью, пока согласился не заговаривать. Молодой оборотень надеялся, что предводитель, всё окончательно взвесив, успеет передумать. А, если нет, придётся рассказать ему правду.

* * *

Мелисса никогда не думала, что первые похороны, на которых ей выпадет присутствовать, окажутся такими. В заснеженном краю, в окружении крепких каменных стен, за которыми, точно голодные хищники, бродили те, кто убил молодого оборотня по имени Ульвхват. Ещё вчерашним утром живого, улыбчивого, сидящего с ней за общим столом в трапезной.

Представить себе, какую боль испытывали из-за случившегося его отец, сестра и другие, Мелли не могла. Но чувствовала её, глядя на лицо Арнульва, который стоял рядом с Руни. Отражение его боли и

тоски по лучшему другу ощущалось сильнее ревности, которую вызывала в ней одна мысль о том, что Лейдульв решил женить приёмного сына на своей единственной дочери. Непросто и неохотно, но пришлось признать, что эти двое подходили друг другу. Они выросли вместе, и к их свадьбе нет никаких препятствий.

Никаких, кроме неё, Мелиссы.

Она любила его. Любила, потому что не могла не любить. Несмотря на то, что связь между ними оставляла ей право не быть с ним, хотя они и являлись истинной парой, Мелли понимала, что уже не сумеет спокойно жить в разлуке. Может быть, женщина, давшая жизнь детям предводителя оборотней, однажды пожалела о том, что не уехала с ним в Приграничье? Но у неё для этого имелись все возможности, ведь её не выдавали замуж за чужого мужчину, а самому Лейдульву не прочили в жёны другую девушку, как сейчас происходило с ними.

Эдмер Сигестан идти на похороны не пожелал. Мелисса отправилась одна, прибывшись по пути к Нанне и сопровождавшим экономку служанкам. В эту минуту не имело значения, что они прислуга в замке, а она гостья. Никто против её присутствия не возражал. Хотелось подойти ближе, чтобы выразить свои соболезнования, но Руни снова бросила на неё полный ненависти взгляд, и девушка осталась на месте, не рискнув приблизиться к членам семьи покойного.

Увы, сестра Ульвхвата продолжала считать, будто в его смерти повинна Мелисса — тем, что приехала в Приграничье и навлекла несчастье на клан оборотней. На какое-то мгновение промелькнула вдруг мысль «А если она права?» Да, это не тоже самое, что заразная болезнь, но ведь сюда младшая дочь Тидхелмов прибыла несчастной, сиротливой, лишённой привычной опоры под ногами. О ней всегда заботились, её окружали близкие люди, она ни в чём не знала отказа. А здесь, вдалеке от милого сердцу дома, осталась одна, без родственников и нянюшки, без всякой поддержки.

Если бы не встреча с Арнульвом, не их чувства друг к другу, то, наверное, Мелли и по сию минуту чувствовала бы себя так же. Или, возможно, постаралась бы разглядеть что-то хорошее в господине Сигестане? Сделала бы попытку найти опору в нём, если выбора будущей судьбы ей всё равно не предоставили?..

Но что толку сейчас терзаться бесплодными размышлениями, силясь представить себе иное развитие событий? Всё случилось так, как случилось. Её избранником, господином её души и сердца стал молодой оборотень, а навязанный его величеством жених оказался лишь досадной помехой к тому, чтобы обрести счастье с любимым.

«Не смейте даже думать, что Арнульв может жениться на Руни! — хотелось закричать Мелиссе обращаясь к вожаку клана, перед которым, если понадобится, она могла бы даже встать на колени. — Это не она, а я должна стать его супругой, ведь с другой он никогда — вы же и сами знаете — не будет счастлив! Я — его истинная пара!»

Но пока у неё не имелось права рассказывать кому-либо правду о том, что их связывало, поэтому оставалось лишь молча принимать происходящее. А ведь выходило, что Руни тоже знала — или догадывалась — о том, что Ясноокая связала Арнульва не с ней. Но сообщать правду отцу, выдав ему влюблённых, не в её интересах.

Похороны закончились, и все отправились в трапезную на поминальный обед. Взяв слово, Лейдульв заговорил с присутствующими, сказав, что он хотел бы, чтобы его сына Ульвхвата помнили живым, так, словно он по-прежнему с ними. За этими словами последовала долгая минута скорбного молчания, а затем предводитель клана объявил, что его наследником и преемником теперь становится Арнульв. Тот поднялся, и взгляды сидящих за столом обратились в его сторону. Мелли сквозь застилавшую взор пелену слёз тоже смотрела на него, молясь про себя и Великой Богине, и покровительнице оборотней о том, чтобы они, вняв её прошениям, смилостивились над ней и Арнульвом, защитили, уберегли её любимого от новых бед и потерь, от недугов и подстерегающей за порогом замка смерти.

А ещё — о том, чтобы им позволили быть вместе. Пусть не сейчас. Пусть позже. Когда растает снег, превратившись в ручьи и полноводные реки, когда солнечные лучи согреют эту холодную землю, когда исчезнет грозовой тучей нависшая над Приграничьем опасность. Мелисса готова была ждать сколько угодно, лишь бы никогда в жизни с ним не разлучаться.

Глава 24

Несколько дней после похорон Ульвхвата прошло, пролетело, как снег за окном. С Арнульвом Мелисса почти не виделась. После того, как предводитель клана объявил о том, что молодой оборотень вскоре займёт его место, тот почти всё время пропадал где-то вместе с другими. Учился, ходил в лес на разведку, защищал родную землю и тех, кому не позволялось пока выходить за пределы замка. После того, как тень — все называли убийцу сына вожака именно так, пугающе и безлично — пробралась во внутренний двор, женщин не выпускали даже туда.

На некоторое время враги поутихли, но обстановка продолжала оставаться угрожающей, и никто не сомневался в том, что скоро нужно ждать нового нападения. Мелли слышала, как об этом шептались слуги, неодобрительно поглядывая на неё. Должно быть, Руни успела рассказать им о своих подозрениях, обвиняя гостью в том, что невзгоды начались после её появления в Приграничье. И Нанна, и другие были неграмотны и суеверны, а дочь Лейдульва являлась хозяйкой здесь, так что, разумеется, все они оказались на её стороне. Будь их воля, они выставили бы и девушку, и господина Сигестана из замка, ничуть не заботясь об их безопасности, однако вожак считал иначе, и волей-неволей им приходилось мириться с присутствием чужаков в замке.

Поскольку единственный, с кем она хотела бы видеться, был всё время занят, а остальные предпочитали её избегать, Мелисса оказалась вынуждена терпеть общество избранного его величеством жениха. Эдмер Сигестан ещё больше не вписывался в здешнее окружение, чем она сама, да и не горел желанием больше ни с кем не общаться. А потому то и дело стучал в её дверь, вызывая на разговор или предлагая за неимением возможности выйти на воздух прогулять по коридорам замка.

Мелли иногда терпела, иногда выдумывала отговорки, но — деваться некуда — постоянно отказывать составлять ему компанию она не могла. Хоть и чувствовала себя зверем в клетке, а цепляла на лицо улыбку и покорно отвечала на вопросы собеседника.

Интересовало его многое — её жизнь до приезда в Приграничье, мнение по разным вопросам, столичные сплетни, которые порой всё же долетали до провинции, где выросли дети Тидхелмов. О себе, кстати говоря, её жених рассказывал неохотно, а вот о его стране удалось выведать не так уж мало. Чего мужчина категорически не хотел озвучивать, так это причины своего согласия — и желания — взять в жёны девушку из опальной семьи.

В одном Мелисса была уверена твёрдо — уж на него-то король не давил.

Мысль о том, что, если Арнульв ничего не придумает, и ей придётся выйти замуж, пугала и заставляла просыпаться посреди ночи в холодном поту. Оборотень больше не приходил к ней по ночам. Должно быть, боялся, что его могут заметить, или после дневных забот сразу же засыпал так редко, что сил ни на что не оставалось. Мелли не укоряла его даже мысленно. Она понимала, что сейчас её любимый так же, как и она сама, оказался в непростой ситуации, когда долг перед кланом и семьёй, ведь Лейдульва он почитал как родного отца, боролись в нём с чувствами к ней.

— Вы слишком грустны и погружены в свои мысли, — сказал ей господин Сигестан однажды, когда Мелисса задумалась, почти не слушая речь собеседника. — И совсем не похожи на счастливую невесту. Я вам настолько не по нраву?

— Дело не в вас, — ответила она правду. — Мне тревожно. Что будет, если оборотни не сумеют справиться с теньями? И они пойдут дальше, и на борьбу с ними отправят военных. А среди них и мой брат.

— Вы рисуете себе чересчур мрачные перспективы, — отозвался чужеземец. — Я слышал, будто это не первое вторжение теней в Приграничье. И прежде оборотням удавалось отбить их, изгнав обратно.

— И всё равно мне тревожно, — повторила девушка твёрдо. Одна мысль о том, что Арнульву вот-вот предстоит вновь столкнуться с врагами, словно выбивала твёрдую почву у неё из-под ног. Мелли достаточно хорошо узнала его характер, чтобы не испытывать сомнений в том, что прятаться за чужими спинами он не захочет, а будет сражаться в первых рядах, не щадя себя.

Даже ради неё. Ради их будущего, пока такого зыбкого, точно нарисованного на воде. Или на прибрежном песке, на который то и

дело набегали волны прилива.

— Если я помогу им в их борьбе, вам станет спокойнее? — поинтересовался вдруг собеседник, заставив Мелиссу бросить на него полный изумления взгляд.

— Вы? Но вы же говорили, что это не наша война! И... разве вы сможете?..

— Не люблю, когда во мне сомневаются, а сейчас в ваших словах я слышу одно лишь сомнение, — поморщился Сигестан. — Выходит, доверяя я вам не внушаю? Ни как будущий муж, ни как мужчина, способный одолеть врага?

— Вы не так меня поняли, — пробормотала Мелисса. Похоже, свои способности притворяться она переоценила. Все тайные мысли как на ладони. — Простите. Если вы в силах помочь, то, конечно же, я поддержу вас.

— Победа оборотней в моих интересах, ведь, чем быстрее окрестности замка станут безопасными, тем скорее мы сможем покинуть его. Уехать наконец-то в столицу, где нас наверняка уже жаждали. И пожениться, — произнёс он, подчеркнув последнее слово. А затем вдруг улыбнулся ей. — Я ведь ещё не говорил, что владею магией?

* * *

Арнульв с изумлением смотрел на предводителя клана, не веря в услышанное.

— Наш гость Эдмер Сигестан предложил свои услуги, — повторил Лейдульв. — Также выяснилось, что мои подозрения подтвердились. Он действительно маг.

Внимательно слушающие вожака оборотни зароптали.

— Не осложнит ли это всё ещё больше? — решил высказаться Арнульв. На правах преемника он считал, что должен озвучить своё мнение. — Ведь вы сами говорили, будто тени питаются в первую очередь магией. Так не может ли случиться наоборот и не привлечёт ли их участие мага? И потом, не доверяю я ему.

— Пусть привлекает, — отозвался Лейдульв. — Тогда мы сразимся с ними. Пока они затаились и словно выжидают чего-то,

однако не думаю, что надолго. Нужен какой-то толчок. Появление в наших рядах мага может способствовать приближению решающего боя.

— А его-то интерес в чём? — послышался голос одного из оборотней. — Какую плату он потребует за помощь? Маги же задарма не работают, то всем известно.

— Когда тени будут побеждены, пусть не окончательно, но хотя бы отброшены подальше, дороги освободятся, и господин Сигестан с невестой уедут из Приграничья. Он торопится, ведь наш гость — посол, и время ему дорого. Резонно?

Присутствующие согласились, а у Арнульва будто сердце оборвалось. Так и знал, что чужестранец не просто предложил помощь! Всё потому, что хочет поскорее увезти Мелиссу из Приграничья!

Мелисса... Молодой оборотень с тоской подумал, что почти не навещал её за последнее время. Днём был слишком занят с Лейдульвом и остальными — ходил на разведку, тренировался, почти постоянно находясь в волчьем облике. Да и так называемый жених от неё не отлипал. А ночью... Ночью Арнульв не решался переступить порог её спальни. Боялся, что вновь не сумеет сладить с собой и, не встретив сопротивления, овладеет ею.

Иногда ему казалось, что именно так он и должен поступить. Не являлось ли это единственным выходом? Если провести ночь с девушкой, его истинной парой, то Лейдульв будет вынужден признать её и поженить их в святилище Ясноокой. Но вожаку в любом случае придётся отвечать перед королём... А Сигестан? Вдруг он заявит, будто всё равно готов взять в жёны девушку, даже если она уже принадлежала другому мужчине? Он ведь иноземец, и кто знает, какие на его родине обычаи в том, что касается невинности невесты?

Замкнутый круг... Но одно Арнульв знал точно — он не позволит Мелиссе уехать. Если бы она сама хотела выйти замуж за другого, возможно, и отступился бы, но девушка не желала становиться женой Эдмера Сигестана.

Задумавшись о своём, будущий предводитель не сразу расслышал последние слова Лейдульва. Тот говорил о том, что иностранец присоединится к ним наследующей разведке. Арнульв снова подумал, что не доверяет ему, но на сей раз промолчал.

Мелисса не могла найти себе места. Её пугала решительность навязанного его величеством жениха. Ради того, что поскорее покинуть эти места, он не боялся даже лицом к лицу встретиться с теньями, хотя прежде ему сталкиваться с такими существами не приходилось.

А ещё он оказался магом! Такого Мелли и представить себе не могла. Она никогда не мечтала поближе познакомиться с магами, которых в стране и было-то не слишком много, и предпочитала держаться от них подальше. Появление в их доме придворного мага ещё сильнее утвердило её в этой мысли. Пусть она почти ничего не помнила о проведённой им проверке, страх в сердце никак не желал забываться.

Арнульв не навещал её вот уже несколько дней. Они даже в трапезной не встречались. А что, если он разлюбил её? Нет, того, кто является истинной парой, разлюбить нельзя. Но тогда что? Смирился с судьбой? Не может быть!

Вероятно, он просто очень занят, и, когда наконец-то появится, они смогут поговорить. И он снова поцелует её... Мелисса часто оживляла в памяти то утро в её спальне, и эти воспоминания, хоть и заставляли её смущаться, погружали, как в тёплую воду, в уже знакомое сладостное томление.

Если бы господин Сигестан не постучал в дверь... Если бы их с оборотнем никто не потревожил ещё некоторое время... Что произошло бы тогда? Неужели она осмелилась бы пойти до конца? Быть с Арнульвом как с мужем, хотя — Мелли покосилась на кольцо, которое ей приходилось носить — обручена с другим...

Поначалу мысли её путались, но затем вдруг пришла определённая уверенность. Да, осмелилась бы. Потому что у любви свои законы, и они куда сильнее тех, что придуманы законниками в столице.

«А я люблю», — подумала Мелисса, с надеждой глядя на дверь и ожидая, что Арнульв заглянет к ней в комнату. Потому что он тоже любит её, а не Руни или какую-нибудь другую местную девушку. Любит и придёт.

Но вместо Арнульва появился Эдмер Сигестан. Учтиво постучал и, к счастью, обошёлся без всяких намёков. Лишь сказал, что хочет немного побыть с ней перед тем, как с другими отправится на разведку.

Пришлось согласиться. Вот только искренне улыбаться ему не получалось. Да и представлять её оборотня на его месте тоже. К её большому сожалению. Но визитёр, кажется, не заметил, что девушка ждала вовсе не его.

Глава 25

Через некоторое время Мелисса поняла, что она рано расслабилась, придя к выводу, что очередной визит Эдмера Сигестана будет коротким и безобидным. Поначалу всё шло хорошо, но, уходя, он вдруг попросил её его поцеловать. Причём так безапелляционно, что слова эти больше походили на просьбу, чем на приказ.

— Ппп... поцеловать? — запнувшись, переспросила Мелли. — Но... Почему вдруг?..

— Я ведь иду на опасное дело, так неужели же вы откажетесь одарить меня поцелуем на удачу? Разве мы не помолвлены? Вы ведь носите моё кольцо, не забыли?

— Я помню, — отозвалась она, отводя взгляд. — Но к чему спешить? У нас ещё будет время...

— Время быстротечно и утекает, как песок сквозь пальцы, а я не желаю его терять. Ну же, Мелисса! — произнёс собеседник нетерпеливо. — Всего один поцелуй! Скромность, конечно, украшает девушку, но мне уже начинает казаться, будто вы избегаете моих прикосновений вовсе не от смущения, а из неприязни ко мне. Надеюсь, вы сумеете меня разубедить.

Мелли посмотрела на него, но тут же снова опустила глаза. Однако успела заметить, что господин Сигестан не улыбался. Он был настроен серьёзно, даже слишком.

— Пожалуйста, не настаивайте... — попросила она. — Я ещё не готова. Могу я просто пожелать вам удачи на словах и помолиться за успешный исход вашей разведки?

— Нет, — проговорил он холодно. Казалось, даже оконное стекло покрылось инеем. — Что ж, если вы не хотите по-хорошему, будет по-плохому. Поцелуйте меня, Мелисса. Это приказ.

Девушка возмущённо уставилась на него. Эдмер Сигестан стоял, неотрывно глядя ей в лицо и почему-то опустив одну руку в карман сюртука. Мелли уже собиралась ответить ему возмущённой отповедью, как вдруг ощутила нечто странное. Её ноги будто сами собой сделали несколько шагов вперёд, руки вопреки её воле взметнулись и обвили шею мужчины. Сопrotивляться не получалось,

всё её тело двигалось так, будто она стала куклой на ниточках в руках умелого кукловода.

— Пожалуйста... — прошептала Мелисса. Слово оказалось единственным, что удалось из себя выдавить перед тем, как её губы прижались к губам Эдмера Сигестана. Ненадолго, всего лишь на краткое мгновение, но к горлу тотчас подкатила тошнота.

— Думаю, достаточно. Ты получила урок, — сказал он, отступая. — И теперь знаешь, что будет, если станешь мне перечить.

— Зачем вам это нужно? — всхлипнула Мелли. Владение собственным телом вернулось к ней, а ощущение гадливости, постыдной слабости при воспоминании о том, как она только что не принадлежала себе, никуда не уходило. — Что я вам сделала, раз вы решили так меня наказать?

— Да покорится жена воле мужа своего, да станет она уступчивой и мягкой, смиренной и благонаравной, — процитировал религиозный трактат мужчина. — А в вас я ничего подобного пока не замечаю. Кажется, будто ваше благочестие напускное, и вы попросту не желаете подпускать меня к себе.

— Мы ещё не женаты, — напомнила ему Мелисса.

— Но совсем скоро поженимся. Поверьте, у себя на родине я считаюсь одним из сильнейших магов своего времени. И я сделаю всё возможное, чтобы разогнать этих теней, освободить дорогу и наконец-то уехать отсюда. Вместе с вами. Можете уже начинать собирать вещи.

С этими словами он вышел, оставив её в бессильной злобе смотреть ему вслед. Мелли, содрогаясь всем телом, опустилась на край кровати и до боли закусила губу, чтобы не заплакать. Как говаривала нянюшка, слезами горю не поможешь.

По какой причине Сигестан — после случившегося девушка больше не могла и не хотела называть его мысленно господином — держал руку в кармане, когда отдавал Мелли приказ поцеловать его? Что у него там пряталось? Какой-нибудь магический амулет? Хорошо бы выяснить. Но как?..

Мелисса никогда в жизни ни к кому не испытывала ненависти. Даже к королю, который распорядился её судьбой. Но сейчас она чувствовала именно это. Жгучую, как самый острый перец, ненависть. Теперь она не могла допустить и тени мысли, что будет вынуждена смириться с обстоятельствами и стать женой иноземца.

Уж лучше умереть!

* * *

Опасения Арнульва оправдались. Появление в лесу мага действительно повлияло на теней. Молодой оборотень, быстрый в ловкий в волчьем облике, ушёл вперёд. Изредка до него доносилось ржание лошади, на которой ехал Эдмер Сигестан. А затем снова показалась тень.

Арнульв узнал её сразу. Едва ли он когда-либо смог бы забыть мерзкое существо, которое забрало жизнь его лучшего друга. Но сейчас что-то изменилось. Тень словно стала выглядеть плотнее. Теперь через неё не просвечивал лес — это был сгусток мрака, тёмный, угрожающий.

Волк зарычал. Он знал, что не должен пока нападать. Следовало дожидаться остальных. Но как же хотелось броситься вперёд и разорвать эту тварь на части!

Нельзя. Нужно выждать. Иначе можно повторить судьбу Ульвхвата, даже будучи чистокровным оборотнем. Что, если теней поблизости много? Один он с ними не справится.

Лейдульв и другие выбежали из леса. Вслед за ними выехал маг. И тут Арнульву почудилось, будто тень выразила своё удивление. Да, у неё не имелось лица, но что-то произошло, когда перед ней появился Сигестан. Словно по чёрной ткани пробежало колебание.

А затем с пальцев всадника сорвались яркие искры, раздался громкий хлопок, и тень исчезла, растворившись в воздухе.

«Неужели его рук дело? — изумлённо подумал Арнульв, покосившись на чужестранного мага. — Даже не приближаясь, на расстоянии? Этот человек, в самом деле, опасен...»

* * *

Мелисса кругами ходила по комнате. Так долго, что закружилась голова, и пришлось сесть обратно на кровать. Зато девушка согрелась, и у неё появился план действий.

Избавиться от Эдмера Сигестана — теперь стало её целью. Не допустить, чтобы сегодняшний случай повторился, и маг снова вздумал бы управлять её телом, как марионеткой. Не становиться его женой, пусть даже все короли подлунного мира отдали бы ей такой приказ.

А если не выйдет... Если он всё же настоит на своём и, освободив путь, увезёт её из Приграничья, она не позволит другим и дальше решать за неё. Выберет сама, даже если этим выбором окажется смерть.

Мысль о том, чтобы добровольно расстаться с жизнью, страшила её до дрожи, но Мелли понимала, что иначе не сумеет. Навсегда разлучиться с Арнульвом. Превратиться в кроткую жёнушку, какой её жаждет видеть Сигестан. Невозможно! Да, после свадьбы с ним сердце в её груди не перестанет биться, но она больше не будет чувствовать себя живой, а потому должна сопротивляться до последнего, несмотря на то, что ничего не может противопоставить его всемогущей магии.

Нужно выяснить, что за вещь лежала в его кармане, а затем найти способ украсть её. Мелисса не сомневалась, что именно с помощью неизвестного предмета чужеземцу удалось воздействовать на неё. Этим он желал сломить её волю и заставить покориться ему, но эффект получился не такой, а прямо противоположный.

Она решила бороться.

Мелли знала — и для подтверждения ей не требовалось заглядывать в зеркало — что ничуть не похожа на храброго воина из легенд. Она всего лишь хрупкая девушка, выросшая в тепличных условиях. Её никогда не готовили к тому, чтобы сражаться со злом, не учили держать оружие, не тренировали, ведь никому даже в голову бы не пришло делать бойца из девочки-аристократки — это считалось уделом детей мужского пола.

Но сейчас всё становилось неважным. Потому что в её душе с каждым мгновением ярче и ярче разгорался огонь ненависти и желания победить. Отстоять собственную свободу и право на то, чтобы выйти замуж за выбранного ею, а не кем-то другим мужчину. За того, кого она любила, и эта любовь была взаимной. Эта любовь стоила того, чтобы биться за неё до последней капли крови.

Пусть Эдмер Сигестан значительно сильнее — увы, не только физически — она может воспользоваться женской хитростью. Сделать

вид, будто всё обдумала и смирилась. Он ведь не знает о них с Арнульвом, а потому считает, будто все оборотни, как и Руни, настроены против гостьи, и у неё нет здесь союзников.

Поднявшись с места, Мелисса снова зашагала взад-вперёд по комнате, напряжённо размышляя.

Чтобы узнать, что у мага в кармане, нужно обшарить его одежду. А сначала требуется подобраться к нему поближе. Обыскать комнату, пока он спит? Но что, если его сон слишком чуток? Или магия, как ещё один орган чувств, способна передавать ему о вторжении в его пространство? Может быть, найти возможность отвлечь его? Но перед этим он должен снять с себя сюртук...

Мелли остановилась и хлопнула себя по лбу. Её внезапно осенило. Купальня! Маг Сигестан или нет, он не может не нуждаться в гигиене. А на разведку мужчина отправился верхом, следовательно, от него будет пахнуть конским потом, и он захочет смыть с себя этот запах.

Два варианта — или он оставит сюртук в комнате, где спит, или снимет его в самой купальне. В первом случае можно сделать всё самостоятельно, просто обыскав карманы в его отсутствие, а во втором понадобится помощь Арнульва. И тогда придётся всё ему рассказать... О том, как она несколько отвратительно-долгих мгновений не принадлежала себе. О том, как её заставили поцеловать другого мужчину.

За стеной раздались шаги. Похоже, разведка закончилась, и маг возвращался. Набрав в грудь воздуха, Мелисса выглянула в коридор и увидела Эдмера Сигестана, собирающегося войти в дверь его спальни.

— Как всё прошло?

— Вы спрашиваете у меня? — усмехнулся он. Казалось неестественным, что после случившегося он всё ещё обращался с ней так, словно они находились в великосветской гостиной. — Почему не у других?

— Оборотни, как вам известно, не благоволят ко мне.

— Что ж, я расскажу. Нам удалось выманить теней. Думаю, скоро они нападут, и тогда состоится решающий бой.

Мелли передёрнуло. Думать об опасности для Арнульва было невыносимо. Но собеседник принял её реакцию за обычную женскую пугливость.

— Не волнуйтесь — пока вы в стенах замка, вам ничего не угрожает.

— Хотелось бы надеяться. Кстати, здесь есть купальня. Вы туда, должно быть, заглядывали после того, как приехали. Помнится, я, добравшись сюда, первым делом спросила у экономки, где можно привести себя в порядок. Здешние мужчины, как я слышала, иногда обтираются снегом, вот только не думаю, что подобный способ поддерживать чистоту вам подходит.

— Верно, я для него слишком теплолюбив. Но почему вы так милы со мной? Неужели урок подействовал, и вы осознали свою неправоту, поняли, как ошибались, пренебрегая мною и отказывая мне в вольностях, разрешённых помолвленным? — осведомился он, приподняв бровь.

— Да, — стараясь, чтобы голос не дрожал, произнесла Мелисса. — Я всё осознала. И прошу прощения.

— Вот эти слова мне и хотелось услышать! Хочу вас обнять, но, пожалуй, отложу. Обниму после посещения купальни.

Глава 26

Мелисса постаралась сдержать вздох облегчения.

На мгновение промелькнула мысль, а не попытаться ли сделать всё прямо сейчас. Самой подойти, обнять его и опустить руку в карман чёрного сюртука. Есть надежда, что всё удастся, и она заполучит таинственную вещь.

Девушка даже сделала шаг, но остановилась.

Нет. Слишком рискованно. Противник опасен, а искусству карманника, как и навыкам ближнего боя, её никто не учил.

Лучше подождать, пока Сигестан отправится в купальню.

— Что ж, буду вас ждать, — заставила себя растянуть губы в улыбке Мелли.

Если бы она осталась стоять в коридоре, это выглядело бы подозрительно, так что решила вернуться к себе, но сразу же прильнула ухом к двери. Вспомнилось, как подслушивала разговор родителей, обсуждающих её судьбу. Совсем ведь недавно, а, казалось, будто с того дня минула целая вечность.

Услышав шаги покидающего комнату мага, Меллиса выглянула и успела увидеть его спину.

Сюртука на нём не было.

Ещё немного постояв на одном месте, Мелли дождалась, пока стихнет звук шагов, и метнулась к соседней двери. Быстро, чтобы не возникло соблазна передумать. Юркнула в комнату, прикрыла дверь и лишь тогда перевела дыхание.

Обстановка здесь выглядела такой же аскетической, как и в её спальне. Оборотни, как гостья успела заметить, вообще жили без роскоши, довольствуясь самым необходимым и не нуждаясь в излишествах. Этим они также отличались от людей, в окружении которых росла младшая дочь семьи Тидхелм.

Небрежно сброшенный сюртук лежал на кровати.

Мелисса сделала шаг, затем ещё один. Нужно поторопиться! Вдруг Сигестан не задержится в купальне или что-нибудь забыл и вот-вот вернётся?

Отгоняя от себя эту мысль и беззвучно шепча просьбы к Великой Богине помочь ей в этой рискованной аванюре, Мелли наклонилась и опустила руку в карман. Тот оказался пустым. Должно быть, не тот. Влажная от волнения ладонь скользнула во второй, и пальцы сомкнулись вокруг чего-то металлического — прохладного и небольшого. Едва дыша от волнения, девушка осторожно вытащила свою добычу и, разглядев её повнимательнее, изумлённо ахнула.

Вещица, оказавшаяся в её руках, была Мелиссе хорошо знакома. Даже слишком хорошо. Потому что принадлежала ей самой.

Её медальон, когда-то очень любимый, но сломанный по досадной случайности. Но почему... Откуда он здесь?..

Мелли вдруг вспомнила, что Эдмер Сигестан заезжал в поместье её родителей — об этом писал брат. Так, значит, он выкрал медальон из её бывшей спальни. Самостоятельно или с помощью кого-то из слуг, сейчас уже неважно.

Больше ничего в карманах не оказалось.

Но тогда выходит, что никакого магического амулета у навязанного жениха там не лежало. Только личная вещь Мелиссы. Прикасаясь к сломанному медальону, он отдавал ей мысленные приказы.

Жутко становилось от одной лишь мысли, что подобный фокус Сигестан мог бы повернуть с любым человеком.

Сжимая в ладони медальон, Мелли оправила сюртук, придав ему прежний вид, и вышла из чужой комнаты. Теперь оставалось лишь надеяться, что больше ничего маг из её родного дома не прихватил. Обнаружив исчезновение медальона, он непременно догадается. Мелисса понимала это со всей очевидностью. Следовало подумать, куда спрятать украденное, чтобы Эдмер Сигестан не нашёл.

Но сначала — рассказать Арнульву. Он на её стороне. Да и Лейдульв, пожалуй, тоже. Он ведь сочувствовал ей. Вот только пока не знал о том, что гостя — соперница его единственной и любимой дочери.

А что будет, если узнает? Осудит её? Поспособствует тому, чтобы она как можно скорее покинула Приграничье?

Нет, лучше сейчас об этом не думать!

Спрятав медальон в потайной кармашек платья, Мелли отправилась на поиски Арнульва. Спустилась в трапезную, заглянула.

С облегчением выдохнула, увидев его за столом.

Оборотень тоже заметил её — или почувствовал? Тут же поднялся и зашагал к двери. Сердце девушки застучало быстрее, отдаваясь в ушах.

— Надо поговорить, — быстро сказала она, когда Арнульв вышел.

Спустя некоторое время, когда Мелисса, пряча глаза от смущения, изложила ему о том, как Эдмер Сигестан управлял её телом, и продемонстрировала найденный в его кармане медальон, ей едва удалось остановить возлюбленного, движимого желанием вызвать мага на поединок.

— Он не будет драться честно, я уверена! — всхлипывала Мелли, хватая Арнульва за обе руки, чтобы не отправился тотчас же в купальню искать противника. — Использует магию! Потому что действительно силён в этом!

— На оборотней магия действует меньше, чем на людей, — возразил он.

— Но всё-таки действует!

— Я не позволю ему тебя забрать! — Арнульв схватил её за плечи, сгрёб в охапку, притиснул к себе с такой жадностью, точно Сигестан уже вырывал девушку из объятий молодого оборотня. — Убью его, но не позволю!

Мелисса не сказала ему, что и сама не сможет жить, если ей придётся расстаться с ней и уехать с магом. Она не сомневалась, что тот не отказался бы повторить жестокую игру, заставляя девушку подчиняться ему поневоле. Слишком уж большое наслаждение отразилось на его лице, когда она приближалась к мужчине, чтобы, ничуть не желая этого, поцеловать его.

А, если она станет женой Эдмера Сигестана, то окажется в полном его распоряжении.

«Наша любовь похожа на пламя костра, что дрожит на ветру, — подумала с горечью Мелли, прижавшись щекой к груди Арнульва и слушая биение сердца. — Со всех сторон её пытаются затушить. Сигестан, Руни, король в столице... А у нас есть только мы. Выстоим ли?»

— Пойдём со мной! — потянул её за руку Арнульв, с видимой неохотой выпустив из объятий.

— Куда? — поинтересовалась она растерянно уже на ходу.

— В мою комнату! Там есть тайник. Эту вещь надо спрятать.

— А, может быть, уничтожить её? — предложила Мелисса. После того, как медальон побывал в руках мага, он больше не вызывал приятных воспоминаний о прошлом ио жизни в родном доме. — Так, чтобы никто не нашёл.

— Там и решим.

Мелли чувствовала себя странно, с одной стороны, ощущая неловкость из-за того, что её рассказ добавил оборотню новых неприятностей. Как будто мало ему войны с тенями и желания Лейдульва женить приёмного сына на полукровке! Но, с другой стороны, когда она изложила Арнульву всё, что её тяготило, к ней пришло невероятное облегчение. Теперь ему тоже известно, как опасен их враг. И вместе они непременно что-нибудь придумают.

Заведя её за собой в его так же скромно обставленную, как и её комната, спальню, молодой оборотень запер дверь, и Мелисса протянула ему медальон. Теперь судьба принадлежащей ей вещицы её уже не волновала. Главное, чтобы не оказалась снова у Эдмера Сигестана.

— Я спрятал, — погремев чем-то в углу, сообщил Арнульв. — Он не сможет найти. Не волнуйся.

— Я и не волнуюсь, — удивившись своим же словам, отозвалась Мелли и поняла, что в самом деле так чувствует. — Рядом с тобой мне спокойно. Ты не сердись на меня за то, что я без твоего ведома обыскала его карманы?

— Не сержусь. Но ты должна быть осторожна. Обещаешь?

— Да, — ответила она, не сводя взгляда с лица возлюбленного. Казалось, за последние дни он изменился, словно бы повзрослел. Должно быть, так отразилось на нём всё случившееся — появление теней, смерть Ульвхвата и возложенная вожаком обязанность стать следующим предводителем клана.

А ещё — обретение истинной пары. Её, Мелиссы Тидхелм. Той, что отныне и навсегда будет с ним в печали и в радости, в любых испытаниях.

Ей подумалось, что прежде она ни разу не была в его комнате. Это в первый раз. И оттого, наверное, так волнующе чувствовать его близость здесь, где он коротал долгие зимние ночи ещё до того, как они встретились.

— Моя Мелисса... — проговорил он хрипло и привлёк её к себе. Сердце застучало тысячей барабанов. — Моя храбрая девочка.

Мелли затопило нежностью. Тёплой, безграничной. От неё что-то сжималось в груди, и хотелось — впервые в жизни — плакать от счастья.

— Можно мне остаться? — спросила она робко и тут же отбросила мысль, что совершает ошибку. Не следует благородной девушке так поступать. Матушка пришла бы в ужас.

— В моей спальне... или в Приграничье? — отозвался Арнульв.

— Я останусь. На краю света. С тобой, — произнесла Мелисса, после каждой коротенькой фразы делая паузу и перемежая слова поцелуями. На мгновение приумолкнув, добавила: — И в твоей спальне тоже. До самого утра.

Вдруг стало страшно. А если он откажет? Если решит, что её поведение опровергает всяческие приличия, и выставит прочь, заявив, что не ожидал от неё подобного?..

Но взгляд мужчины, в котором подобно долгожданному солнечному свету разгорались янтарные искорки, ответил ей, что её страх напрасен. Что он ждал от неё именно этих слов. И решения, которому предстояло сделать их ещё ближе.

— Люблю тебя... — склонившись к ней, вымолвил он и порывисто прижал её к себе. Ещё сильнее, так, что на какой-то миг девушке показалось, что ей не хватает воздуха. А затем легко подхватил её на руки и опустил на кровать.

Мелли зажмурилась, чувствуя, как ею завладевает смущение. Она всей душой доверяла возлюбленному и не сомневалась, что её оборотень никогда не сделает ей больно. Не пойдёт против её желаний, не будет, как Сигестан, упиваться своей властью над её беззащитностью. И всё равно ощущала, как лицо залилось краской, а руки, вцепившиеся в шероховатую ткань покрывала, задрожали, когда, целуя её губы, Арнульв принялся расстёгивать крючки на платье. Она помнила, что он уже видел её обнажённой однажды и уже целовал, но сейчас всё было по-другому. Острее, ярче. Как будто наступил миг, когда остановиться и повернуть назад уже не просто поздно, а невозможно.

— Я тоже люблю тебя... — выдохнула Мелисса. — Не потому, что Ясноокая так решила. А потому, что ты — это ты...

Чуть приподнявшись, что ему стало удобнее стягивать с неё ненужную сейчас одежду, девушка ощутила, как участилось биение его сердца от этих слов, которые сорвались с её губ, окончательно срывая все запреты.

— Мой оборотень... — впервые не про себя, а вслух назвала его Мелли. — Мой! Только мой, — повторила она и, не сдержавшись, выгнулась и застонала, когда его язык коснулся её груди, обводя напрягшийся сосок.

Неспешно и трепетно он изучал губами и пальцами все нежные изгибы, округлости и впадинки её тела. Ласкал, целовал, погружал в океан незнакомого прежде наслаждения. Поборов стыдливость, Мелисса отдавала, дарила ему себя. Ей всё ещё не верилось, что это не сон. Но Арнульв снова и снова доказывал ей, что всё происходит наяву.

Глава 27

Когда Мелисса открыла глаза, за окном уже светило солнце. Оно казалось непривычно ярким для зимнего. Может быть, весна всё-таки смилостивилась и решила заглянуть в холодное Приграничье?

Мелли потянулась, прислушиваясь к незнакомым ощущениям в теле. Ничего не болело, и всё же нынешним утром она чувствовала себя совсем другой. Уже не той девушкой, что не так давно покинула родное поместье, а молодой женщиной. Женой. Пусть даже официально они с Арнульвом ещё не сочетались браком.

Комната была пуста. Видимо, её оборотень, решив не будить её, вернулся к своим заботам. А ей, пожалуй, пока всё же не следует здесь оставаться. Ещё не хватало, чтобы служанки увидели и доложили Руни! Первым о том, что произошло минувшей ночью, должен узнать Лейдульв, когда они будут просить у него разрешения пожениться.

Мелисса даже порадовалась тому, что Арнульва сейчас здесь нет. Она не знала, как смотреть ему в лицо после случившегося между ними, что говорить. Даже наедине с собой, едва взглянув на смятую постель, она вспыхнула от смущения.

Вспомнилось, как молодой оборотень переплёл свои пальцы с её, а затем, вдруг помрачнев, стянул с её руки подаренное Сигестаном кольцо. Поднялся, резко открыл окно, хлопнув неподатливой деревянной рамой, и выбросил блеснувший кружочек металла в снег. А после повернулся к девушке и спросил, согласна ли она стать его женой.

И получил ответ.

Торопливо одевшись, Мелли покинула спальню и, никого, к счастью, не встретив в коридоре, отправилась к себе. И лишь коснувшись двери своей комнаты, вспомнила об Эдмере Сигестане. Он всё ещё находился в замке и по-прежнему оставался угрозой.

Едва это имя ожило в её памяти, появился и сам его обладатель. Услышав за спиной его голос, Мелисса вздрогнула. А затем заставила себя обернуться. Бежать и прятаться поздно. Нужно посмотреть в глаза собственным страхам.

— Вчера вечером я заглядывал к вам, но не нашёл вас в вашей комнате, — произнёс навязанный его величеством жених. Он смотрел на неё, лениво полуприкрыв веки, и вдруг напомнил ей змею, готовящуюся к нападению. — Вы снова решили начать избегать встреч со мной?

— Я помогала экономке, — выпалила первое, что пришло в голову, Мелли. — Сейчас, когда все обитатели замка в сложном положении, нельзя оставаться в стороне. Вы ведь тоже...

— Значит, вы решили, что должны помочь, вот оно как, — усмехнулся Сигестан. — А вам не приходило в голову, что дочь предводителя права, и ваш приезд действительно мог вызвать появление теней? Иначе с чего бы им возвращаться спустя несколько лет — сюда, где нет столь привлекательной для них магии?

— Тогда уж ваш приезд, а не мой! Ведь не я, а вы — маг! Не так ли?

— А если подумать над тем, с какой целью придворный маг посоветовал королю отправить вас именно к оборотням?

— Мне причину не сообщили, — пожала плечами Мелисса.

— Что ж, тогда я расскажу. У оборотней есть интересная особенность. Низкая чувствительность к магии и способность без всяких усилий с их стороны скрывать её, делать сияние чужого магического света чуть менее ярким. Но лишь для людей, да. Не для теней, — добавил он. — Увы, не только вас, но и вожака клана использовали втёмную. Придворный маг решил никому не сообщать, для чего младшей дочери опального рода необходимо до свадьбы пожить в Приграничье.

— Я не понимаю, что вы хотите сказать...

— Он ведь проводил магическую проверку, так? И заметил, в чём состоит ваше отличие от прочих. Он разглядел его и решил, что лучше от греха подальше, пока больше никто не заметил, насколько вы особенная, отправить вас сюда, где оборотни, сами того не зная, помогут скрыть это от других магов, которые могли бы пожелать использовать вас в своих интересах. Вы — ценный трофей, Мелисса Тидхелм. И, торгуясь со мной об условиях мирного договора между нашими странами, его величество Сильвий Первый предложил мне вас.

— Всё равно не понимаю... — пробормотала Мелли. — Я ничем не особенная, вы ошибаетесь! Будь у меня способности к магии, я бы, наверное, заметила их и сама!

— Увы, но никаких таких способностей у вас нет. Однако... Вы — не маг, а источник магической энергии. Источник силы, которую любой маг может восполнить, лишь прикоснувшись к вам. Вот так.

Мелисса не успела ничего ответить, когда Эдмер Сигестан, вдруг резко приблизившись к ней, положил одну руку на её затылок, а второй зажал ей рот. В то же мгновение всё её тело пронзила резкая боль, подобной которой Мелли никогда прежде не доводилось ощущать. Насколько сильная, настолько же и выматывающая.

Когда прикосновение прекратилось, и её мучитель убрал ладони, Мелисса ощутила, что у неё подкашиваются ноги. Она чувствовала себя совершенно обессиленной и, наверное, растянулась бы у его ног, если бы Сигестан не подхватил её. К горлу поступала тошнота, но сегодня Мелли ещё не завтракала, и лишь потому её не вывернуло прямо на пол.

— Для вас процедура, разумеется, болезненна и неприятна, — констатировал мужчина, который с каждой секундой выглядел всё лучше. Его серые глаза заблестели, на щеках появился румянец. — Зато я чувствую себя превосходно. Знали бы вы, как долго я об этом мечтал! Но придворный маг кое-чего не учёл.

— И чего же? — прохрипела Мелисса. Язык стал тяжёлым и шевелился с трудом. Всё тело содрогалось, а тошнота никак не проходила.

— Я — не самый обычный человек. После одного рискованного эксперимента — не такого разрушительного, каким оказалось создание теней, но тоже опасного — мне нужна не только магическая энергия, но и жизненная сила. Своей не хватает. Мне приходится забирать её у других людей, которые испытывают ко мне какие-то эмоции, и для них всё обычно заканчивается весьма печально. Пример — ваш дядя. Он сразу же воспылил ко мне ненавистью, едва мы увиделись в тюрьме. Зато ваша милая горничная Кэйри при нашей первой встрече влюбилась в меня и поделилась энергией своей жизни так щедро, что я не смог удержаться и взял куда больше, чем следовало бы, чтобы оставить её в живых хотя бы ещё на несколько месяцев.

Подняв голову, Мелли уставилась на него с ужасом, осмысливая его слова. Дядюшка Артуриус... и Кэйри... Он убил их?!

— Вкус у любви гораздо приятнее, чем у ненависти, — продолжал рассуждать маг. — Можно сказать, что мы с этими тенями чем-то похожи, только они вытягивают всё мгновенно, не успев даже распробовать, насладиться... Но, Мелисса, если у меня будете вы, мне больше не придётся использовать других людей. Вы спасёте их. А я смогу черпать из вас магическую энергию, которая будет восполнять недостаток и той силы, что необходима мне для того, чтобы продолжать своё существование. Я надеялся, что вы полюбите меня, но, даже если испытываете ко мне другие чувства, не столь важно. Вы всё равно станете моим личным источником, только моим.

— И насколько же меня хватит? — спросила она, сжимая руки в кулаки и до боли вонзая ногти в ладонь, чтобы оставаться в сознании.

— Надеюсь, надолго. Вы ведь — редчайший случай... Великолепный экземпляр. Придворный маг сразу понял. Возможно, он даже намеревался оставить вас себе, для собственного пользования, но тут подвернулся я, и ему пришлось разыграть этот козырь, чтобы я согласился на мирный договор. Ведь моя страна куда сильнее. В ней больше магов, больше оружия, и едва ли вы даже с помощью оборотней выстоите против нас в войне.

— Вы — всего лишь посол, а говорите так, словно король! — бросила Мелли.

— Уверю вас, с моими способностями я мог вы свергнуть и короля. А, когда в моём полном распоряжении будете вы, то наверняка этим и займусь. Хотите стать королевой?

— Хочу больше никогда вас не видеть! Для чего вы мне это рассказали?! Решили, что я покорно пойду за вас замуж, услышав о таком?!

— У меня есть способ повлиять на вас, забыли? — отозвался Эдмер Сигестан и опустил руку в карман сюртука. На его лице тут же отразилась растерянность, и Мелисса ощутила что-то вроде злорадства. Но лишь на мгновение, потому что в следующий миг на неё обрушился его гнев.

— Маленькая обманщица... — по-змеиному прошипел маг.

Она пыталась представить, что будет, когда обнаружится пропажа медальона, но оказалась не готова к этому. К той ярости, с которой

Сигестан сжимал её плечи. Ярость кипела и в его взгляде. Потемневшие глаза напоминали предгрозовое небо. Сейчас Мелли стало по-настоящему страшно.

— Стой! — услышала она окрик и с облегчением узнала голос Арнульва, который перехватил уже занесённую для удара руку мага. — Не смей ей трогать! — прорычал он. — У тебя нет на неё никаких прав!

— Я помолвлен с ней!

— Больше нет! Мелисса не носит твоё кольцо. И эту ночь она провела со мной.

— Так, значит...

— Да! — выкрикнула Мелли, набравшись смелости. — Не все оборотни настроены против меня! Есть и тот, кто меня любит! И никогда не оставит! А я... я скорее умру, чем стану вашей женой и вашим личным магическим источником!

Мелиссе казалось, что ей не хватает воздуха. Глядя на того, кто, не задумываясь, укладывал чужие жизни на алтарь ради своей собственной, она видела в памяти день перед арестом Артуриуса Тидхелма. Самый обычный день.

Последний день её привычной жизни.

А затем всё в одночасье изменилось. Дядю посадили в тюрьму, главным страхом родителей стала возможная потеря не только репутации, но и всего имущества семьи. А дальнейшая участь их младшей дочери больше не принадлежала ни им, ни ей самой.

Не заговор, не чей-то коварный план. Просто судьба. Стечение обстоятельств. Как в горах, когда падает один маленький камушек, задевает другой, тот сбивает с места третий, и вот уже с высоты обрушивается камнепад. Так случилось и в её жизни.

Если б не ошибка её родственника, едва ли придворный маг обратил бы внимание на младшую дочь знатной, но ничем особо не выдающейся провинциальной семьи. Она отправилась бы в столицу, потанцевала на балах, а затем стала бы чьей-то женой и матерью. Никогда не встретив ни Арнульва, ни Эдмера Сигестана, никогда не узнав о том, в чём состоит её особенность.

А, может быть, даже и становиться дебютанткой в Маргенте бы не понадобилось, и её сосватали бы за одного из тех юношей, что жили по соседству. Они ведь иногда навещали их дом до того, как семья

попала в немилость. Младшей дочери большого приданого не полагалось, так что, возможно, матушка и отец согласились бы отдать её руку сделавшему брачное предложение молодому человеку без долгих церемоний.

Но сейчас всё это стало невозможным, а в её жизни появились двое мужчин — любимый и враг.

Глава 28

Сейчас Мелисса понимала, что Эдмер Сигестан рассказал ей правду, раскрыв перед ней свою суть, лишь потому, что не сомневался, что медальон всё ещё при нём. Маг планировал и дальше управлять девушкой, возможно, даже заставил бы её забыть услышанное. Но теперь, когда его лишили рычага давления, он разъярился так, что с него будто разом слетел весь налёт воспитанности и цивилизованности.

Физически Арнульв был сильнее. Вовремя появившись в коридоре, он оттащил Сигестана от Мелли, не позволив ему её ударить. Но в распоряжении чужестранца оставалась магия, и пусть даже оборотни не так чувствительны к ней, как люди, недооценивать врага не следовало.

— Беги! — выкрикнул Арнульв, бросив быстрый взгляд на Мелиссу. — Найди Лейдульва, расскажи ему всё! Скорее!

Вздвигнув, она подчинилась. Но бежать на полной скорости не выходило. Сказывались последствия того, что сделал с ней Эдмер Сигестан. Несмотря на то, что Мелли больше не чувствовала боли, силы к ней ещё не вернулись. И всё же она бежала и не оборачивалась — из страха увидеть, чем закончится поединок между магом и оборотнем.

«Всё из-за меня, — пульсировала настойчивая мысль. — Из-за меня на Приграничье снова напали тени. Из-за меня погиб Ульвхvat. А теперь и Арнульв может пострадать или... погибнуть... Из-за меня, из-за меня!»

То, что Мелисса до недавнего момента ничего не знала о своём отличии от обычных людей и никак не могла повлиять на решение короля отправить её к оборотням, мало её утешало сейчас, когда противостояние достигло пика, и из гостя, приехавшего за невестой, Сигестан превратился в опасного врага, готового разорвать каждого, кто осмелился бы помешать ему захватить источник магической энергии. Вот только Арнульв тоже не собирался отступать. Она прочитала это в его взгляде, когда он потребовал, чтобы она отправилась на розыски Лейдульва.

Предводитель клана оказался в том же зале, где Мелли встретила с ним впервые. Казалось, то было только вчера. Как она тогда позавидовала его отношению к Руни, той любви, которую никогда не видела от собственного родителя!

Дочь и сейчас находилась подле отца — низко наклонившись, перевязывала ему рану на ноге. Полукровка вскинула голову и неприязненно уставилась на гостью, которая ворвалась в зал, даже не постучав. Мелисса могла представить, как выглядит в эту минуту — бледная, растрёпанная, перепуганная. Она даже не стала дожидаться, когда вожак спросит, что её сюда привело. Не до церемоний!

— Арнульву грозит опасность! — выпалила Мелли, ухватившись дрожащими пальцами за дверной косяк. — Он спас меня от Сигестана! Тот почти как тени... тоже забирает у людей жизненную силу... Они возле моей комнаты, — добавила она почти шёпотом. — Пожалуйста, сделайте что-нибудь... Я очень боюсь за него... Прошу вас.

Самое главное было сказано. На большее у неё не хватало дыхания. Но оставаться в стороне Мелисса не желала.

— Я же говорила, что ты приносишь несчастье! — бросилась к ней Руни, но отец перехватил девушку за локоть.

— Остынь! Разве ты не видишь? Она — тоже жертва! Ведь не по собственной же воле ей пришлось поселиться у нас! За неё больше никому постоять, и ответственность я с себя складывать не собираюсь. Отдохни немного, — сказал он Мелли. — Я остановлю его, — добавил, потянувшись за палкой, на которую, должно быть, опирался при ходьбе.

— Нет! Я пойду с вами! — возразила она. Разве можно отдыхать, когда такое происходит?!

— И я! — решительно заявила дочь предводителя. — Там же Арнульв! Я должна быть с ним!

Обогнав отца, который с трудом поднялся на ноги, Руни выбежала и помчалась к лестнице. У Мелиссы не оставалось сил, чтобы поспеть за ней. Она бросила на Лейдульва растерянный взгляд.

— Простите... Ваша дочь права. Всё действительно случилось по моей вине.

— Что тебя связывает с Арнульвом? — осведомился он.

— Я — его истинная пара, — призналась Мелли. — Ясноокая дала ему ответ на празднике. Нам обоим. И сегодня ночью... —

выдохнула она, но тут же смущённо отвела глаза. — После этой ночи мы всё равно что муж и жена.

— Вот как... Я позову на помощь, а ты останови эту девчонку, пока она не наделала глупостей, — велел ей вожак. — Я верю в Арнульва — твоя любовь придаст ему сил, а магия для оборотня не так страшна, как для человека.

— Значит, не тени вас ранили? — спросила она.

— Я сам был неосторожен сегодня на тренировке. Видимо, чуял, что случится что-то плохое. Да и годы уже не те.

— Простите, — повторила Мелисса, не зная, что ещё сказать.

— Не вини себя, девочка. Порой обстоятельства складываются не в нашу пользу. Не всегда в человеческих силах переломить их, вот и приходится плыть по течению.

Вспомнив о его просьбе, Мелли поспешила на помощь к Руни. Зная сумасбродство полукровки, она опасалась того, что та действительно может натворить дел, пытаясь спасти Арнульва. Но, когда Мелисса с трудом поднялась по лестнице и, тяжело дыша, свернула в нужный коридор, она поняла, что опоздала.

Потому что оборотень — её оборотень! — лежал на полу с расплывающимся вокруг раны на груди кровавым пятном на одежде, а Эдмер Сигестан удерживал Руни, прижимая её к себе.

— Вернулась? — усмехнулся он, увидев замершую на месте Мелли. — Кажется, твой защитник не дождался подмоги. Или предполагалась, что она сможет ему помочь? — произнёс маг, легко, как большую куклу, встряхнув девушку. — Увы... Она больше человек, чем волчица. Её эмоции должны быть хороши на вкус, — добавил он. — Правда, меня она ненавидит почти так же сильно, как и тебя.

— Отпусти её, — вымолвила Мелисса, со страхом бросив взгляд в сторону Арнульва. Показалось, он дышал, но слабо, едва заметно. — Тебе ведь нужна я, а не она.

— Если я оставлю в покое оборотней, ты уедешь со мной? — отозвался Сигестан. — Станешь моей женой? Будешь беспрекословно выполнять все мои требования?

— Да. Но ты больше никому не причинишь вреда. Пока я жива. Я — твой источник. И ты можешь забрать столько, сколько захочешь.

Разжав хватку, маг выпустил и небрежно оттолкнул в сторону Руни, а Мелли приблизилась и, положив ладони на его плечи,

потянулась к нему. Сейчас она твёрдо знала, чего хочет всем сердцем. Попыталась представить себе наполнявшую её столь желанную для теней и этого человека магию в виде сияющего потока, который, ничем не сдерживаемый, хлынул из неё.

Судя по реакции Эдмера Сигестана, это возымело нужный эффект. Он блаженно зажмурился, наслаждаясь тем, что она отдавала добровольно, и выглядел опьяневшим от восторга. Ему больше не требовалось силой вытягивать из неё энергию, и потому Мелисса почти не чувствовала боли, лишь странное ощущение, в котором смешались всё увеличивающаяся слабость, головокружение и удивительная лёгкость, которая наполняла её тело.

Она держалась из последних сил, обхватив Сигестана за плечи, слившись с ним, будто в пародии на долгое любовное объятие. Даже когда ноги подкосились, Меллине разжала рук и соскользнула на пол, увлекая за собой мужчину, который с жадностью пил то, что до безумия жаждал от неё получить. Пил всё до капли, потому что не мог остановиться.

Как она и хотела.

«Я умираю... — подумала Мелисса, закрывая глаза и проваливаясь в похожий на кофейную гущу мрак. — Уходить навсегда вовсе не больно и нестрашно, ведь правда? Ничуть не...»

А затем её окутала темнота, бескрайняя, всепоглощающая, и никаких мыслей не осталось.

* * *

— Артуриус Тидхелм скончался, — доложил королю Сильвию Первому начальник тюрьмы, отводя взгляд.

— Того следовало ожидать, — пожав плечами, отозвался его величество.

— Простите, не хочу быть гонцом, приносящим дурные вести, но я должен сообщить... Перед смертью он кое-что сказал, — замявшись, продолжал собеседник. — Вам нужно это знать.

— И что же? — насторожился Сильвий. Плохое предчувствие снова напомнило о себе. Ему не спалось минувшей ночью, и даже

самолично приготовленная придворным лекарем микстура не помогла от головной боли.

— Вы слышали о проклятии умирающего?

— Что?! Вы хотите сказать, он проклял меня?! — вскричал король. — Не может быть!

— Прошу меня извинить, но я сам слышал. Надзиратель позвал меня, и... Умирая, Артуриус проклял вас и придворного мага.

Его величество Сильвий Первый схватился за сердце.

Проклятие умирающего. Самое страшное, самое действенное. Нужно очень сильно ненавидеть того, кого проклинаешь, а у Тидхелма поводы для такого отношения имелись.

— Придворного мага ко мне! — закричал монарх в отчаянной надежде, что тот сможет что-нибудь сделать, чтобы, если не отвести, то хотя бы замедлить воздействие проклятия на них обоих.

* * *

Когда Мелисса открыла глаза, мир вокруг неё наполняли сумерки, но по сравнению с той ледяной тьмой, из которой она вырвалась, те казались светлыми и тёплыми.

Мелли неуверенно приподняла руку, поднесла ладонь к лицу, затем потянулась, разгоняя кровь в уставшем от неподвижности теле. Всё ещё чувствовалась слабость, но уже иначе. Так, как бывает, когда поправляешься после болезни.

«Я не мертва?..»

Повернув голову, Мелисса осмотрелась и обнаружила себя в комнате замка, которую уже привычно называла своей. Приподнялась, неловко села, глянула на дверь. Воспоминания о случившемся утром тут же накрыли её с головой, как нахлынувшая вода.

Она знала, что умирает, когда сама прикоснулась к Эдмеру Сигестану. Отдавая ему всю ту магическую энергию, что служила приманкой и для него, и для теней. Полностью, без остатка. Желая превратиться в опустошённый сосуд. Потому что в мире, где больше не будет Арнульва, для неё тоже не оставалось места.

Однако сейчас Мелли ощущала себя слабой, вымотанной, но живой. Ей даже есть и пить хотелось. Но сначала — выяснить, что

произошло, пока она пребывала в беспамятстве.

Кое-как встав с кровати, Мелисса открыла дверь и выглянула в коридор. Тот оказался пуст. Лишь пятно крови на деревянном полу напоминало о том, что случилось.

Добравшись до лестницы и цепляясь за перила, Мелли спустилась на первый этаж и наткнулась на Руни. Полукровка посмотрела на неё угрюмо, но не удивлённо. Кивнула на дверь трапезной.

— Отец хочет поговорить с тобой.

Лейдульв сидел за столом. Возле него на лавке лежала его палка, но держался предводитель клана прямо, несмотря на увечье. Взглянув на девушку, указал ей на кувшин с водой.

— Должно быть, тебя мучает жажда.

— Да, — отозвалась Мелисса. — Но сперва скажите... — начала она. Спрашивать было страшно, голос дрожал и срывался. — Арнульв... Он жив?

— Разве ты не чувствуешь?

Мелли прислушалась к себе. Казалось, будто все её эмоции притупились. Но боли потери она не ощущала.

— Он ведь жив, правда? Скажите! Пожалуйста!

— Жив, — смилостивился над ней Лейдульв. — Маг ударил его ножом. Но Арнульв — чистокровный оборотень, и его не так-то легко убить.

— Слава Великой Богине! — Мелисса почувствовала, как по щекам заструились слёзы. — А Сигестан... он...

— Твой жених умер, — сообщил вожак оборотней.

— Но как... Кто?! — воскликнула она изумлённо. — Это вы его убили?

— Нет. Его погубила собственная жадность. Той энергии, которую он забрал у тебя, оказалось слишком много для него.

— Так, значит, во мне не осталось магии? Ни капли? — захлопала глазами Мелли. Выдохнула, всё ещё не веря в то, что угроза отступила.

— Тени уходят. Значит, магии здесь действительно больше нет. — Лейдульв дотронулся до её плеча коротким успокаивающим прикосновением.

— Но я жива... А думала, что... — Мелисса с тревогой взглянула на собеседника. — Как я выгляжу? Я ведь не изменилась?

— Выглядишь усталой, но это поправимо. А теперь нужно кое-что обсудить. Как ты смотришь на то, чтобы сообщить его величеству, что вы оба — ты и Эдмер Сигестан — погибли, когда помогали нам защитить Приграничье от нашествия теней?

Мелли закусила губу, осмысливая услышанное. О том, чтобы рассказать королю и придворному магу правду, не могло быть и речи. Но выставить её мёртвой для родных, для прошлого...

Ей больше никогда не придёт письмо от брата. Она не узнает, кто родится у Мирты. Не перешагнёт порог родного дома, не обнимет отца и матушку.

Но так Мелисса уберезёт их. И за её послушание король никого из них не накажет. Не отыграется на её близких.

— Ты согласна? — терпеливо спросил предводитель оборотней. — Мы с Руни уедем на родину её матери. Арнульв, как и должен, займёт моё место, а ты станешь его женой.

Мелли молчала, думая о Сигестане. Он забрал у неё всю магическую энергию. Но её жизненная сила осталась при ней.

Теперь Мелисса Тидхелм не представляла интереса для магов, но, если её начнут считать погибшей, её судьба больше не будет разменной монетой в руках его величества. Ей не станут искать кандидата в супруги взамен Эдмера Сигестана. Вместо него пришлют другого посла, но тот уже не будет иметь никакого отношения ни к ней, ни к тому, что здесь произошло.

Для всего остального мира ей придётся умереть.

— Я согласна, — ответила Мелли. — Пожалуйста, скажите мне, где Арнульв? Он у себя?

Через несколько минут она вошла в комнату, где безмятежно спал, выздоравливая, её оборотень, и села на край неширокой кровати. Коснулась его руки. Не просыпаясь, Арнульв пошевелил пальцами, сначала легко погладив, а затем крепко обхватив её ладонь, словно даже во сне не желал её отпускать.

За окном кружились снежные хлопья.

Эпилог

Пять лет спустя

Мелисса заснула только под утро, а, когда открыла глаза, уже рассвело. Замок ещё оставался тих — не звенели голоса, не пахло едой с кухни. Слишком рано.

Постаравшись не разбудить безмятежно спящего рядом мужа, Мелли поднялась и подошла к окну. Сейчас Приграничье больше не казалось ей суровым краем. Оно стало её второй родиной, местом, где она обрела счастье.

Скорее ощутив, чем услышав, что Арнульв тоже проснулся, Мелисса обернулась к нему.

— Волнуешься, — произнёс он. Утвердительно, а не вопросительно. Супруг тоже всегда чувствовал её ещё до того, как она что-то ему говорила. Должно быть, потому, что они являлись истинной парой. Или потому, что слишком сильно любили друг друга.

— Да, — вздохнула Мелли.

— Всё будет хорошо, — сказал он, улыбнувшись ей. — Иди ко мне. Время ещё есть.

Мелисса снова приблизилась к постели и оказалась в его объятиях, всей душой и всем телом откликаясь на прикосновения мужа. На тепло его рук, на жар знакомых, но таких сладких и желанных поцелуев. Несмотря на то, что с их первой встречи минули годы, каждый раз всё между ними будто происходило впервые. Её руки скользили по широким плечам её оборотня, зарывались в густые волосы, и от нежности, как и пять лет назад, перехватывало дыхание. С тех пор, как Арнульв возглавил клан, он стал взрослее, солиднее, уже не мог вести себя по-мальчишески в окружении других мужчин, подчиняющихся ему, но рядом с ней он оставался тем, кого она встретила, приехав сюда.

Её оборотнем.

Тем, кто заботился о ней. Кто охранял её сон. Кто целовал её под падающим снегом и танцевал с ней Снежный танец в их первую брачную ночь.

У них не было пышной свадьбы, о которой Мелли ещё в детстве втайне мечтала, но её данное обстоятельство ничуть не огорчило. Тогда они едва остались в живых, что уже само по себе оказалось чудом. Мелисса и Арнульв нуждались друг в друге, как в воздухе, и с трудом верили в то, что теперь между ними больше нет никаких препятствий. Руни отступила, признав, что, будучи наполовину человеком, ошиблась и влюбилась не в свою истинную пару. Вместе с Лейдульвом она покинула замок, но недавно из приходящих от них весточек стало известно, что девушка собиралась вскоре выйти замуж за хорошего парня, который не возражал против того, что его будущая жена — не чистокровный человек.

Тени больше не возвращались. Жизнь в Приграничье налаживалась. Однако у Мелли оставался повод для тоски, ведь близкие считали её мёртвой.

До недавнего времени.

Не так давно скончался придворный маг, всего лишь на несколько месяцев пережив короля Сильвия Первого. Теперь никому не было дела до семьи Тидхелм, когда-то попавшей в опалу по вине дяди Артуриуса. И Мелисса, посоветовавшись с мужем, решила известить родных о том, что она жива, попросив, впрочем, держать этот факт в секрете от остальных.

А сегодня родители, овдовевшая год назад сестра с сыном и брат, который пока ещё не женился, зато сделал неплохую карьеру, должны прибыть сюда. В Приграничье. Спустя столько времени семья вновь соберётся вместе.

Оттого-то Мелли и тревожилась, не находя себе места. Но ласки Арнульва придали ей сил и уверенности в том, что всё непременно пройдёт хорошо. А затем за дверью спальни застучали детские пятки, и для беспокойства ни сил, ни времени не осталось.

— Я же говорила, чтобы не бегали босиком! — выглянула в коридор Мелисса. — Живо обуваться! Да-да, и вам доброе утро!

— Похоже, эти двое опять убежали от няньки, — хмыкнул оборотень, одеваясь.

— Непоседы! Не в меня пошли! — шутливо погрозив ему пальцем, добавила Мелли и, не сдержавшись, захихикала, когда муж принялся её щекотать. — Прекрати, там уже, наверное, завтрак подали!

Напоследок одарив её поцелуем, Арнульв вышел из комнаты.

Позже, когда обутые, опрятно одетые и чисто умытые Ульвхврат и Астрид сидели за столом напротив родителей, Мелиссе подумалось, что матушке, наверное, понадобится время, чтобы привыкнуть к тому, что не только её зять, но и внуки способны обращаться в волков. Даже младшая девочка, внешне куда больше похожая на мать, чем на отца. Зато и здоровье у них гораздо крепче, чем у обычных человеческих детишек, ни одной простуды даже зимой.

— Едут! — оповестила вбежавшая в трапезную служанка, когда завтрак уже подходил к концу.

Встречать гостей вышли все вместе. Благо, сейчас в Приграничье наступило лето, так что сани не понадобились, хватило и обычной кареты. Мелли стояла во дворе замка, держа за руки детей и привычно ощущая присутствие рядом Арнульва, который находился за её спиной. Сегодня ей предстояло познакомить его с родственниками. Пусть поздно, пусть не тогда, когда они ещё не поженились, но так всё же лучше, чем и дальше оставлять Тидхелмов в неведении.

Сейчас, когда она сама стала матерью, Мелисса понимала это как никто другой.

«Я скучала, — подумала она, сквозь застилающую взор пелену слёз глядя на то, как из кареты выходят родители. Матушка немного располнела, отец опирался на трость, и всё же ей они казались такими же, как в день разлуки. — Очень скучала».

— Мама, ты плачешь? — спросила Астрид.

— Нет, милая, — отозвалась Мелли, смаргивая с ресниц солёные капли. — Просто солнце слишком яркое. Наконец-то ты познакомишься с бабушкой, дедушкой, тётей и дядей!

— Они привезли нам подарки? — деловито любопытствовал Ульвхврат.

— Наверняка привезли. Только не спрашивай про такое сразу. Сначала обними их!

Обнимались долго — все со всеми. И смеялись, и плакали от счастья. Поначалу Арнульв стоял в стороне, лишь наблюдая за происходящим, но затем Мирта решительно заключила его в объятия, и он не стал больше сдерживаться, приветствуя семью жены.

«Мы снова вместе», — повторяла про себя Мелисса, всё ещё до конца не веря в то, что вновь обрела своих родных.

Всех, кроме дядюшки Артуриуса.

О том, что произошло здесь пять лет назад, Мелли написала в письме родителям совсем кратко. Якобы чужеземный жених, прибывший от его величества, оказался магом и погиб, когда помогал избавить Приграничье от угрозы. Сама она тоже тогда пострадала, но осталась жива, а не сообщала об этом раньше, поскольку боялась, что король, в чьих руках оставалась её судьба, не одобрит свадьбу с оборотнем и вздумает найти ей другого мужа.

Даже почти не солгала.

Когда гости, нагрузив слуг поклажей, вошли в замок, продолжила весёлая суматоха. Всех требовалось расселить по комнатам, показать, где находится купальня, а ещё отдать дополнительные распоряжения на кухне. Однако Мелисса чувствовала себя такой радостной, что усталости почти не замечала, а тревоги отхлынули, как вода от берега, и, когда все собрались за одним большим столом в трапезной, она уже почти совсем спокойно представила прибывшим обитателей замка.

Лишь вечером, когда детей уложили, и на Приграничье спустились прохладные летние сумерки, Мелли выдалась возможность наедине поговорить с леди Тидхелм.

— Значит, теперь ты настоящая хозяйка, и не просто дома, а целого замка, — промолвила она с улыбкой. Кажется, то обстоятельство, что младшая дочь стала женой оборотня, шокировало её меньше, чем опасалась Мелисса. — Кто бы мог подумать!

— Да, мама, и я очень счастлива! — заверила её Мелли.

— Прости, моя девочка, — произнесла вдруг собеседница. — Я виновата перед тобой. Я ничего для тебя не сделала, когда ты так нуждалась во мне.

— Не нужно про это говорить, — быстро сказала Мелисса, ласково коснувшись матушкиной руки.

Ни к чему ей знать о том, как на самом деле закончилась жизнь Эдмера Сигестана. Как и о снах, которые преследовали Мелли первое время после его смерти. В этих снах она снова видела пристальный взгляд серых глаз, чувствовала прикосновения холодных пальцев, поцелуй чужих неласковых губ. Не раз и не два просыпалась в слезах. Но рядом всегда был Арнульв, он успокаивающе обнимал её, шептал ласковые слова, и тьма отступала.

Сигестан выпил её магическую энергию до дна, однако здоровью Мелиссы ничего не угрожало, хотя первое время она со страхом прислушивалась к себе, ожидая возможного недомогания. Когда появились первые признаки беременности, сначала решила, будто её опасения подтвердились. Но опытный лекарь из ближайшей деревни заверил её, что она совершенно здорова, а происходящее с ней это только доказывает.

Пожелав матушке доброй ночи, Мелли отправилась к себе. По дороге заглянула в детскую, посмотреть, как сладко спят дети. Эта картина всегда действовала на неё умиротворяюще. Затем поправила на кроватях одеяла и, тихонько притворив дверь, вышла. Зашагала к своей спальне.

Туда, где ждал её оборотень.